

КРИМИНАЛЬНАЯ
КЛАССИКА

МАРИО ПЬЮЗО ПОСЛЕДНИЙ ДОН

ОТ АВТОРА ЛЕГЕНДАРНОГО
«КРЕСТНОГО ОТЦА»

Марио Пьюзо

Последний дон

«ЭКСМО»

1996

Пьюзо М.

Последний дон / М. Пьюзо — «Эксмо», 1996

ISBN 978-5-699-45306-1

Роман знаменитого писателя Марио Пьюзо "Последний дон" – настоящий подарок для всех поклонников культовой саги "Крестный отец". Это новая история межклановых войн итальянской мафии в Америке. Хитроумный и жестокий старый дон не желает для наследников своей судьбы – пусть они станут законопослушными гражданами. Однако прошлое не отпускает: непогребенные тайны способны обернуться катастрофой в настоящем. Сколько крови нужно еще пролить матерому мафиозо, чтобы перед смертью наверняка обеспечить спокойствие и благоденствие Семьи?

ISBN 978-5-699-45306-1

© Пьюзо М., 1996

© Эксмо, 1996

Содержание

Пролог	5
Книга I	13
Глава 1	13
Глава 2	26
Книга II	37
Глава 3	37
Книга III	63
Глава 4	63
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Марио Пьюзо

Последний Дон

Посвящается Вирджинии Альтман и Доменику Клеру

Пролог

Квог. 1965 год

В Вербное воскресенье, через год после окончания Большой Войны против клана Сантадио, дон Доменико Клеруцио праздновал крестины двух младенцев, в жилах которых текла его кровь. Приняв самое важное решение в своей жизни, он пригласил на торжество глав крупнейших Семей мафии, а также Альфреда Гронвельта, владельца отеля «Занаду»¹ в Лас-Вегасе, и Дэвида Редфеллоу, создавшего крупнейшую в Соединенных Штатах империю наркобизнеса. Все они в той или иной степени являлись его партнерами.

Будучи главой самой влиятельной Семьи в Америке, дон Клеруцио намеревался отступить с занятых позиций – во всяком случае, с виду. Настало время действовать иными методами. Явное могущество становилось чересчур опасным. Однако и выпускать его из рук тоже было бы опасно. Прodelать это следовало крайне тактично, проявив щедрость и добрую волю. И при всем том на собственных условиях.

Владения Клеруцио в Квоге представляли собой двадцать акров земли, окруженных трехметровой стеной из красного кирпича, по верху которой была протянута колючая проволока с охранной сигнализацией. Помимо главного особняка, на этом пространстве стояли дома трех его сыновей и двадцать домов поменьше для верных сподвижников Семьи.

Накануне прибытия гостей дон и его сыновья уселись за ажурный белый металлический стол, стоящий позади особняка в окружении решеток, увитых плющом. Старший из сыновей, двадцатисемилетний Джорджио – с тонкими усиками, агрессивно ошетилившимися над верхней губой, высокий, поджарый, будто английский джентльмен (элегантный костюм только подчеркивал это сходство), наделенный острым, холодным умом, – хранил на лице непроницаемое, бесстрастное выражение. Дон сообщил Джорджио, что ему предстоит поступить в Вартонскую школу бизнеса. Там он постигнет все премудрости того, как присваивать деньги, не выходя за рамки закона.

Джорджио не перечил, ибо это был высочайший указ, а не приглашение к дискуссии. Он лишь покорно кивнул.

Далее дон обратился к племяннику Джозефу Де Лене по кличке Пиппи. Дон любил Джозефа не меньше, чем своих сыновей, не только за кровное родство – Пиппи был сыном его покойной сестры, – но и за то, что Пиппи являлся великим военачальником, одолевшим строптивых Сантадио.

– Ты отправишься в Лас-Вегас и обоснуешься там, – проговорил дон. – Ты будешь блюсти наши интересы в управлении отелем «Занаду». Теперь, когда наша Семья отходит от дел, здесь тебе почти нечем заняться. Тем не менее ты по-прежнему остаешься Молотом Семьи.

Решение не обрадовало Пиппи, и дон понял, что должен обосновать его.

---

¹ Место действия поэмы «Кубла Хан» Колриджа. В переносном смысле – идиллическое, прекрасное место, нечто вроде Эльдорадо. – *Здесь и далее прим. переводчика.*

– Твоя жена Налин не может жить в атмосфере Семьи, не может жить в нашем анклав в Бронксе. Она слишком отличается от нас. Ее не примут. Поэтому ты должен строить свою жизнь вдали от нас.

Дон не покривил душой ни на йоту, но у него имелись и прочие соображения. Пиппи – великий героический полководец Семьи Клерикучио, но если он и дальше будет мэром анклава в Бронксе, то со временем станет слишком могущественной фигурой, и сыновьям дона нипочем не справиться с ним, когда сам дон сойдет в могилу.

– Ты будешь моим Bruglione² на Западе, – сказал он Пиппи. – Ты разбогатеешь. И учти, это очень важная работа.

Вручив Пиппи купчую на дом в Лас-Вегасе, дон обернулся к своему младшему сыну – двадцатипятилетнему Винсенту, самому низкорослому среди братьев, зато коренастому и мощному. Винсент всегда был немногословен, но мягкосердечен. Он выучил рецепты всех классических итальянских блюд, еще когда держался за материнскую юбку, и именно он горше всех оплакивал преждевременную кончину матери, которая умерла молодой.

– А сейчас я решу твою судьбу и наставлю тебя на путь истинный, – улыбнулся ему дон. – Ты откроешь лучший в Нью-Йорке ресторан. Не скупись. Я хочу, чтобы ты показал этим французам, что такое настоящая кухня. – Пиппи и остальные сыновья рассмеялись, улыбнулся даже Винсент. – Ты на год отправляешься в лучшую кулинарную школу в Европе.

Винсент, хоть и был доволен, все-таки проворчал:

– Да чему они могут меня научить?

– Скажем, готовить более изысканные пирожные, – строго поглядел на него дон, – но главное для тебя – это овладеть секретами ведения подобного бизнеса. Кто знает, возможно, когда-нибудь тебе придется заправлять целой сетью ресторанов. Деньги получишь у Джорджо.

Наконец, дон повернулся к Пити – среднему сыну, самому приветливому и жизнерадостному из всех. В свои двадцать шесть Пити выглядел сущим мальчишкой, но дон знал, что в нем проявились черты сицилийских Клерикучио.

– Пити, теперь, когда Пиппи отправляется на Запад, ты станешь мэром анклава в Бронксе. Будешь поставлять для Семьи бойцов. Но помимо этого займешься и другим делом. Я купил для тебя строительную компанию, притом большую. Будешь ремонтировать небоскребы в Нью-Йорке, строить казармы для полиции штата, прокладывать городские улицы. Компания надежная, но я рассчитываю, что ты сделаешь ее великой. У твоих солдат будет легальная работа, а ты станешь зарабатывать большие деньги. Но сначала пройдешь выучку у ее нынешнего владельца. И не забывай, что прежде всего ты обязан поставлять солдат для Семьи и командовать ими.

Дон повернулся к Джорджо.

– А ты, Джорджо, станешь моим преемником. Вы с Винсентом больше не будете принимать участия в деятельности, сопряженной с опасностью, разве что в крайних случаях. Мы обязаны думать о будущем. Ваши дети – мои дети, они и маленькие Данте с Кроччифисио должны вырасти в ином мире. Мы богаты, нам более нет нужды рисковать жизнью ради хлеба насущного. Отныне наша Семья будет выступать лишь в роли финансового консультанта других Семей. Мы будем оказывать им политическую поддержку, разрешать споры между ними. Но для этого нам необходимо иметь на руках козыри. У нас должна быть армия. А еще мы должны защищать деньги каждого, за что нам и позволят смачивать в них свои клювики. – Дон немного помолчал. – Через двадцать-тридцать лет мы затеряемся в мире законопослушных граждан и будем наслаждаться своим богатством, не испытывая страха. Двоим младенцам, которых мы сегодня крестим, никогда не придется повторять наши грехи и подвергаться тому риску, которому подвергались мы.

---

² Порученцем, доверенным лицом (*итал.*).

– Зачем же тогда держать анклав в Бронксе? – поинтересовался Джорджо.

– Конечно, мы надеемся когда-нибудь стать святыми, – ответил дон, – но все-таки не великомучениками.

Часом позже дон Клерикучио стоял на балконе своего особняка, наблюдая сверху за торжеством.

Просторная лужайка была уставлена столиками для пикников под зелеными зонтиками в форме крыльев. Тут собралось около двухсот гостей, по большей части солдат из анклава в Бронксе. Обычно крестины – праздник веселый, но на сей раз все проходило чинно и сдержанно.

Победа над Сантадио досталась Клерикучио дорогой ценой. В этой войне дон потерял самого возлюбленного из сыновей – Сильвио. А его дочь Роз-Мари лишилась мужа.

Наблюдая за толпой у столов, уставленных хрустальными графинами с темно-красным вином, белоснежными фарфоровыми супницами, мисками с разнообразнейшими макаронными изделиями, блюдами со всевозможной мясной нарезкой и сырами, а также свежеспеченным хлебом всех мыслимых размеров и форм, дон поддался успокоительному влиянию негромкой музыки оркестра.

Посередине круга, образованного столами, находились две коляски с голубыми одеяльцами. Оба малыша держались на славу, даже не поморщились, когда на них брызнули святой водой. Рядом с ними стояли обе матери – Роз-Мари и Налин Де Лена, жена Пиппи. С балкона дон различал даже чистые детские личики, на которые еще не легла печать жизненных тревог, – Данте Клерикучио и Кроччифисио Де Лена. Он в ответе за то, чтобы этим младенцам никогда не пришлось зарабатывать на пропитание в поте лица своего. Если все пройдет, как задумано, они со временем станут членами нормального общества. Любопытно, подумал дон, обводя взглядом лужайку, что ни один из собравшихся здесь не выказывает виновникам торжества ни малейшего почтения.

Затем дон увидел Винсента. С непроницаемым, каменным, как всегда, лицом, надев чистый белый фартук, он угощал ребятишек хот-догами, доставая их из тележки, которую смастерил специально к пиру. Тележка напоминала те, с которых продают хот-доги на улицах Нью-Йорка, но была побольше размером, с более ярким зонтом. Разумеется, уличные сосиски не шли ни в какое сравнение с приготовленными Винсентом, приправленными квашеной капустой и горчицей, колечками красного лука и острым соусом. А платой за хот-дог служил поцелуй продавцу в щеку. Вопреки суровой наружности, Винсент был самым добрым и отзывчивым из сыновей дона.

На поле для игры в боччи³ состязались Пити, Пиппи Де Лена, Вирджинио Баллаццо и Альфред Гронвельт. Пити всегда был любителем розыгрышей, и к этой его склонности дон всегда относился с неодобрением, усматривая в ней источник опасности. Вот и сейчас Пити мешал игре шуточками в своем стиле – один из шаров развалился на кусочки после первого же удара.

Вирджинио Баллаццо – правая рука дона, исполнительный директор Семьи Клерикучио, жизнерадостный человек, сделал вид, что гонится за Пити, а тот притворился, будто в ужасе убегает. Эта сценка показалась дону отчасти ироничной. Пити – прирожденный убийца, да и игривый Баллаццо тоже не лыком шит.

Но до Пиппи им далеко.

Женщины в толпе то и дело поглядывали на Пиппи. Исключение составляли лишь обе молодые матери – Роз-Мари и Налин. Парень – писанный красавец, в росте ничуть не уступает самому дону, крепко сбитый, сильный, с твердыми, мужественными чертами лица. На него

---

³ Боччи – итальянские кегли.

оглядывались даже мужчины, в основном – его же солдаты из анклава в Бронксе. Их взоры привлекали не только его повелительные манеры и легкость движений, но и окружающие Пиппи легенды; он – Молот, наилучший из Квалифицированных Специалистов.

Дэвид Редфеллоу, молодой и розовощекий, самый влиятельный наркоделец в Соединенных Штатах, щипал за щечки двух младенцев, лежавших в своих колясках. И наконец, Альфред Гронвельт, как всегда, в смокинге и галстуке. Эта диковинная игра явно выбила его из колеи. Гронвельт – ровесник дона, обоим уже под шестьдесят.

Сегодня дон Клерikuцию изменит жизнь каждого из этих людей и, как он надеялся, к лучшему.

На балкон вышел Джорджио, чтобы позвать отца на первую из запланированных на сегодня встреч. В особом покое дома собрались десять главарей мафии. Джорджио уже вкратце изложил им предложения дона. Крестины – идеальное прикрытие для подобной встречи, но на самом деле у этих людей очень мало общего с Клерikuцию, так что они стремились разехаться восвояси как можно скорее.

Обстановку кабинета, лишенного окон, составляли массивная мебель и бар с самой настоящей стойкой. Десять мужчин с угрюмым видом расселись вокруг стола из темного мрамора. Все они по очереди поздоровались с доном Клерikuцию и выжидательно уставились на него.

Принять участие в этой встрече дон пригласил также своих сыновей Винсента и Пити, своего заместителя Баллаццо и Пиппи Де Лену. Как только они появились, Джорджио холодно и саркастично произнес краткую вступительную речь.

Дон Клерikuцию оглядел лица собравшихся в комнате – самых могущественных людей теневого мира, существующего ради решения истинных проблем человечества.

– Мой сын Джорджио вкратце изложил вам, как все будет устроено, – начал дон. – Мое предложение заключается в следующем: я уйду от дел по всем позициям, за исключением одной – азартных игр. Свой нью-йоркский бизнес я передаю моему старому другу Вирджинию Баллаццо. Он создаст собственную Семью, совершенно независимую от Клерikuцию. Во всех остальных районах страны контроль над профсоюзами, транспортом, алкоголем, табаком и наркотиками отходит к вашим Семьям. Правовая поддержка целиком за мной. Взамен я прошу, чтобы вы доверили мне свои деньги. Они окажутся в надежных руках и будут доступны вам в любую минуту. Вам больше не придется беспокоиться о том, что государство сумеет выследить ваши расходы. За это я прошу всего лишь пять процентов комиссионных.

О лучшем все десятеро и мечтать не могли. Они ощутили искреннюю благодарность к Клерikuцию, уходящему от дел, когда его Семья без труда сумела бы подмять, а то и стереть с лица земли их собственные империи.

Обойдя стол, Винсент налил каждому из присутствующих вина. Те подняли бокалы, чтобы выпить за уход дона Клерikuцию на покой.

Когда главари мафии церемонно распрощались, Пити сопровождал в кабинет Дэвида Редфеллоу, блондина с жизнерадостным лицом и ясными голубыми глазами, выдающими примесь скандинавской крови, наделенного легким остроумием. Он выделялся из всех не только длинными волосами и бриллиантовой сережкой в ухе, но и тем, что был одет в тщательно выглаженный джинсовый костюм. Редфеллоу уселся в кожаное кресло напротив дона, и Винсент налил ему бокал вина.

Дон питал по отношению к этому человеку чувство глубокой признательности, ведь Дэвид сумел доказать, что блюстителей закона все-таки удастся подкупить, даже когда дело касается наркотиков.

– Дэвид, – начал дон Клерikuцию, – ты оставляешь наркобизнес. У меня есть для тебя кое-что получше.

Редфеллоу не возражал. Он лишь осведомился:

– Почему именно сейчас?

– Прежде всего потому, что правительство в последнее время уделяет этому бизнесу чересчур пристальное внимание и причиняет слишком много беспокойства. Тебе придется до конца жизни чувствовать себя как на пороховой бочке. Но главное состоит в том, что это дело стало слишком опасным. До последнего времени Пити и его солдаты выступали в роли твоих телохранителей. Больше я этого позволить не могу. Колумбийцы слишком отчаянны, безрассудны и жестоки. Пусть забирают наркобизнес себе. Ты же удалишься в Европу. Я позабочусь, чтобы там тебе обеспечили защиту. Дабы не сидеть сложа руки, можешь купить себе какой-нибудь итальянский банк и обосноваться в Риме. У нас там масса дел.

– Отлично, – хмыкнул Редфеллоу. – Я ни бе ни ме по-итальянски и ни в зуб ногой в банковском деле.

– Научишься и тому и другому. В Риме тебя ждет счастливая жизнь. Впрочем, если хочешь, можешь остаться здесь, но в таком случае больше не будешь пользоваться моей поддержкой, а Пити не станет охранять тебя. Выбирай, что тебе больше по душе.

– А кому достанется мой бизнес? Я получу отступного?

– Твой бизнес достанется колумбийцам, – ответил дон. – Это уже неизбежно, таковы исторические тенденции. Но правительство превратит их жизнь в сущий ад. Итак, да или нет? Немного пораскинув умом, Редфеллоу рассмеялся:

– Только объясните мне, с чего начинать.

– Джорджио отвезет тебя в Рим и представит моим людям. А впоследствии будет помогать тебе консультациями. Спасибо, что прислушался к моим советам, – обнял его дон. – В Европе ты по-прежнему остаешься моим партнером и, поверь, не пожалеешь о своем выборе.

Как только Дэвид Редфеллоу удалился, дон велел Джорджио пригласить в покой Альфреда Гронвельта. Являясь владельцем отеля «Занаду» в Лас-Вегасе, Гронвельт в свое время находился под покровительством ныне поверженной Семьи Сантадио.

– Мистер Гронвельт, – проговорил дон, – вы и далее будете управлять отелем, но теперь под моим покровительством. Можете не опасаться ни за себя, ни за принадлежащую вам собственность. Ваш пятьдесят один процент акций отеля остается за вами. Сорок девять процентов, принадлежавшие ранее Сантадио, переходят ко мне на том же легальном основании. Вас это устроит?

Гронвельт, несмотря на возраст, отличался невероятным самообладанием и чувством собственного достоинства.

– Если я останусь, – тщательно подбирая слова, отозвался он, – то должен обладать прежними полномочиями в управлении отелем. В противном случае я продам свою долю вам.

– Продадите золотиносную жилу? – недоверчиво осведомился дон. – Нет-нет. Не надо меня бояться. Прежде всего я бизнесмен. Если бы Сантадио проявили благоразумие, можно было бы обойтись без всех этих ужасов. Но теперь их больше нет. А мы с вами благоразумные люди. Позиции Сантадио займут мои люди. Распоряжаться делами будет Джозеф Де Лена, Пиппи, мой новый Bruglione на Западе, с жалованьем в сто тысяч долларов в год, каковые ему обязан выплачивать отель в любой удобной для вас форме. Если у вас возникнут какие-либо проблемы, обращайтесь к нему. А в вашем деле, куда ни глянь, сплошные проблемы.

Высокий, худощавый Гронвельт сохранял спокойствие.

– С какой стати вы оказываете мне подобную любезность? У вас в распоряжении имеются куда более выгодные варианты.

– Потому что в своем деле вы гений, – без тени иронии отозвался дон. – Это известно в Лас-Вегасе всем и каждому. И чтобы доказать свое уважение, хочу подарить вам кое-что взамен.

– Вы мне и так подарили достаточно, – улыбнулся Гронвельт, – мой собственный отель. Что может быть важнее?

Дон благожелательно улыбнулся собеседнику. Будучи человеком серьезным, он все-таки любил изумлять людей своим могуществом.

– Вы можете назвать имя очередного члена Комиссии по азартным играм штата Невада. Там имеется вакансия.

Гронвельт искренне удивился, что случилось с ним крайне редко. И не только удивился, но и ощутил душевный подъем, ибо узрел, что его отелю уготовано блистательное будущее, о котором Гронвельт даже не мечтал.

– Если вам это по силам, то в ближайшие годы все мы весьма разбогатеем.

– По рукам. Теперь ступайте веселиться.

– Лучше уж вернусь в Вегас, – ответил Гронвельт. – Мне кажется, не стоит афишировать тот факт, что я приглашен к вам в гости.

Дон кивнул.

– Пити, прикажи отвезти мистера Гронвельта в Нью-Йорк.

Теперь в кабинете, кроме самого дона, остались лишь его сыновья – Пиппи Де Лена и Вирджинию Баллаццо. Все они выглядели чуточку ошарашенными. О планах дона заранее знал один лишь Джорджо, для остальных же они прогремели словно гром с ясного неба.

Баллаццо еще слишком молод для роли Bruglione – всего лет на пять старше Пиппи. В его ведении находятся профсоюзы, транспорт и небольшой участок рынка наркотиков. Дон Клерикучио известил Баллаццо, что отныне ему предстоит действовать независимо от Клерикучио. Он должен лишь выплачивать десять процентов дани, а в остальном превращается в полновластного хозяина своего дела.

Вирджинию Баллаццо подобная щедрость буквально ошеломила. Этот восторженный человек, всегда подкрепляющий выражения своей радости или печали бурной жестикуляцией, вдруг онемел и лишь молча обнял дона.

– Из этих десяти процентов пять я буду откладывать для тебя – на старость или на черный день, – продолжал дон. – Ты не обижайся, но я должен сказать, что людям свойственно меняться, в их памяти появляются прорехи, а чувство благодарности за прошлые благодеяния стирается. Посему прошу тебя проявлять аккуратность при подсчетах. – Он помолчал. – В конце концов, я не налоговый инспектор и не могу налагать на тебя их жуткие штрафы и пени.

Баллаццо понял намек. Дон Доменико скор на расправу. Наказание приходит даже без предупреждения. И всегда одно – смерть. Впрочем, как же еще поступать с отступником?

После этого дон отпустил Баллаццо, но, провожая Пиппи до дверей, уже у самого порога помедлил, а затем притянул племянника к себе и прошептал ему на ухо:

– Не забывай о нашей с тобой тайне. Храни ее до самой смерти. **Я не давал тебе приказа.**

Тем временем на лужайке перед особняком возможности потолковать с Пиппи Де Леной ждала Роз-Мари Клерикучио – очень молодая и весьма привлекательная вдова, хотя черный цвет и не шел ей. Траур по мужу и брату подавлял ее природную жизнерадостность, столь необходимую при подобной внешности. Ее большие карие глаза казались темнее обычного, а оливковая кожа выглядела землистой. Единственным цветным пятном были голубые ленты на одеяльце только что окрещенного сына Данте, задремавшего у нее на руках. Весь день она держалась подальше от своего отца дона Клерикучио и трех братьев – Джорджо, Винсента и Пити. Зато теперь была готова бросить вызов Пиппи Де Лене.

Они приходились друг другу двоюродными братом и сестрой. Пиппи был на десять лет старше, и в юности Роз-Мари была влюблена в него по уши. Но Пиппи неизменно держался

с ней по-отечески, даже снисходительно. Хоть он и слыл неисправимым бабником, осмотрительность не позволяла ему волочиться за дочерью своего дона.

– Привет, Пиппи, – окликнула Роз-Мари. – Поздравляю.

Пиппи улыбнулся, отчего его грубые черты приобрели даже некоторую привлекательность. Наклонившись, он поцеловал малыша в лобик, с удивлением отметив, что волосы, до сих пор сохранившие аромат церковного ладана, чересчур густы для такого младенца.

– Данте Клерikuцию – чудесное имя.

Это замечание отнюдь не было невинным комплиментом. Дело в том, что после гибели мужа Роз-Мари снова взяла свою девичью фамилию и дала ее новорожденному. В необходимости подобного шага с присущей ему непоколебимой логикой убедил ее дон, но она все равно испытывала угрызения совести.

И эти угрызения заставили ее поинтересоваться:

– А как тебе удалось убедить свою жену-протестантку устроить для вашего сына католический обряд и дать ему настолько религиозное имя?⁴

– Жена любит меня и всегда готова сделать мне приятное, – улыбнулся Пиппи.

И в самом деле, подумалось Роз-Мари, жена Пиппи действительно любит мужа, потому что не знает его. Вот Роз-Мари его знает и когда-то тоже любила.

– Ты назвал сына Кроччифисио. Мог бы пойти ей навстречу хотя бы в том, чтобы дать сыну обычное американское имя.

– Я назвал сына в честь твоего деда, чтобы угодить твоему отцу.

– Так приходится поступать всем нам. – Горечь, прозвучавшая в словах Роз-Мари, была скрыта улыбкой. Уж так устроено лицо Роз-Мари, что стоит ей улыбнуться, как мягкость черт лишает яда любые ее колкости. Помолчав, она неуверенно проронила: – Спасибо, что спас мне жизнь.

Пару секунд Пиппи лишь недоуменно, с легкой опаской взирал на нее, потом мягко произнес:

– Тебе ничто и не угрожало. – Он обнял ее за плечи. – Поверь мне и не думай ни о чем таком. Забудь раз и навсегда. Впереди нас ждет счастливая жизнь, а прошлое лучше не вспоминать.

Роз-Мари склонила голову и поцеловала сына, но на самом деле ей не хотелось, чтобы Пиппи видел ее лицо.

– Я все понимаю, – промолвила она, зная наперед, что он перескажет разговор ее отцу и братьям. – Я смирилась с этим.

Ей хотелось, чтобы члены ее семьи знали: она по-прежнему любит их, она рада, что ее сын принят Семейей, окроплен святой водой и спасен от геенны огненной.

В этот момент Вирджинию Баллаццо увлек Роз-Мари и Пиппи к центру лужайки. Из дверей особняка в сопровождении трех сыновей появился дон Доменико Клерikuцию.

Мужчины в смокингах, женщины в вечерних платьях, дети в атласных нарядах выстроились полукругом, позируя фотографу. Толпа гостей разразилась аплодисментами и приветственными выкриками, и мгновение замерло, запечатлевшись на пленке. Мгновение покоя, торжества и любви.

Позже фотография была увеличена, вставлена в рамку и повешена в кабинете дона – рядом со снимком его сына Сильвио, погибшего в войне с Сантадио.

Продолжение праздника дон наблюдал с балкона своей спальни.

---

⁴ Crocifisso – распятие (итал.).

Мимо игроков в боччи прошла, толкая коляску с сыном, Роз-Мари, а рядом с ней, держа Кроччифисио на руках, следовала высокая, стройная и элегантная Налин. Она положила ребенка в коляску к Данте, и обе матери стали благоговейно созерцать своих младенцев.

Наблюдая эту сцену, дон ощутил, как в его душе всколыхнулась радость при мысли, что этим детям суждено расти в атмосфере покоя и достатка. Они никогда не узнают, какой дорогой ценой куплена их счастливая участь.

Затем Пити положил в коляску бутылочку с молоком, и младенцы принялись отчаянно бороться за нее, вызвав у окружающих громкий смех. Роз-Мари взяла своего сына из коляски, и дону вспомнилось, какой она была еще несколько лет назад. Он вздохнул. «Нет ничего прекраснее, чем влюбленная женщина, и ничего печальнее, чем она же, ставшая вдовой», – с горечью подумал дон.

Как он любил ее, когда она была ребенком, всегда сияющая, полная радости! Но прошли годы, и Роз-Мари переменилась. Одновременная утрата мужа и брата явилась для нее слишком сильным ударом. И все же многолетний опыт дона говорил о том, что человек, испытавший настоящую любовь, непременно полюбит снова и любой вдове со временем надоест черный цвет. Тем более что теперь ей надо заботиться о младенце.

Дон окинул мысленным взором свою жизнь и подивился тому, что она принесла столь славные и обильные плоды. Да, чтобы достичь могущества и богатства, порой приходилось принимать поистине чудовищные решения, но дон почти не сожалел об этом. Все это было необходимо, и время подтвердило правильность его выбора. Пусть другие рыдают над своими грехами. Дон Клерикучио принимает их и верит, что Всевышний поймет и простит его.

Теперь Пиппи уже играл в боччи с другими партнерами – тремя солдатами из их анклава в Бронксе, людьми солидными, имевшими в этом районе Нью-Йорка свои богатые магазины, но все равно благоговевшими перед Пиппи. Он, как всегда, пребывал в прекрасном настроении и оставался центром внимания. Он – легенда, он играл в боччи против Сантадио.

Веселье Пиппи било через край, он кричал и хохотал, когда его метко пущенный шар отбивал шар противника от лузы. «Вот это человек, – подумалось дону. – Верный солдат, веселый компаньон. Сильный и быстрый, хитрый и скрытный».

Вот на поле для боччи появился его верный друг Вирджинио Баллаццо – единственный достойный соперник Пиппи в этой игре. Сильно размахнувшись, он метнул шар и издал долгий победный клич, когда тот попал точно в цель. Повернувшись к балкону, на котором стоял дон, он триумфальным жестом воздел к небу руку, и дон зааплодировал, ощутив гордость от того, что под его началом растут и процветают такие люди, как, впрочем, и все собравшиеся в это Вербное воскресенье в Квоге. Прозорливость дона будет оберегать их и в грядущие трудные годы.

Единственным, чего дон не мог предусмотреть, были семена зла, посеянные в еще неразвитых человеческих душах.

Книга I

Голливуд. Лас-Вегас. 1990 год

Глава 1

Весеннее калифорнийское солнце изливало лимонно-желтые лучи на рыжую копну волос Боза Сканнета. Его гибкое, мускулистое тело напряглось перед великой битвой. Уже сама мысль о том, что его подвиг увидит не меньше миллиарда людей во всех уголках планеты, приводила его в экстаз.

За упругий пояс теннисных брюк Сканнет засунул небольшой пистолет, скрыв его доверху застегнутой курткой белого цвета с двумя вертикальными красными «молниями». Волосы его прикрывала алая косынка в голубой горошек.

В правой руке он держал большую пластиковую бутылку от минеральной воды «Эвиан». Боз Сканнет на совесть подготовился к тому, чтобы войти в мир шоу-бизнеса.

В данный момент этот мир являл собой густую толпу, собравшуюся у входа в павильон Дороти Чэндлер в Лос-Анджелесе, чтобы дожидаться прибытия кинозвезд на церемонию вручения наград Американской киноакадемии. Зрители столпились на специально возведенных для этого случая трибунах, а улица была запружена репортерами и телевизионными камерами, которым предстояло разослать божественные лики знаменитостей по всему миру. Сегодня вечером кумиры предстанут перед зрителями во плоти, сбросив легендарные героические личины, став самыми обычными людьми, способными не только побеждать, но и проигрывать.

По периметру, чтобы сдерживать публику, выстроились сотрудники службы безопасности в одинаковой униформе, с блестящими коричневыми дубинками у пояса.

Боз Сканнет нисколько не волновался на их счет. Он сильнее, быстрее и напористей, чем все они, вместе взятые; кроме того, на его стороне был эффект внезапности. Его больше волновали репортеры и телеоператоры, бесстрашно бросавшиеся через оцепленное пространство наперехват знаменитостей. Впрочем, эти мешать не станут. Они предпочтут заснять, а не предотвратить событие.

Напротив входа в павильон плавно затормозил белый лимузин, и Сканнет увидел Афину Аквитану – «самую прекрасную женщину на Земле», как величают ее в прессе. Стоило ей выйти из автомобиля, как толпа налегла на заградительные барьеры, выкрикивая ее имя. Окружившие Афину телекамеры тут же начали транслировать ее красоту в самые дальние уголки планеты. Афина помахала им рукой.

В этот момент Сканнет перемахнул через ограждение трибуны, зигзагом метнулся между дорожными барьерами и заметил надвигающиеся коричневые мундиры охранников. Знакомая комбинация. Они бегут не под тем углом. Он с легкостью увернулся от них, как уворачивался от защитников на футбольном поле⁵ годы назад, и подоспел как раз в нужную секунду. Повернув голову к камерам в самом выгодном ракурсе, Афина что-то говорила в микрофон. Рядом с ней стояли трое мужчин. Убедившись в том, что уже попал в кадр, Сканнет плеснул жидкостью из бутылки прямо в лицо Афине Аквитане.

– Отведай кислоты, сука! – выкрикнул он, а затем посмотрел прямо в объектив камеры, напустив на себя серьезное, полное достоинства выражение, и добавил: – Она заслужила это.

---

⁵ Речь идет об американском футболе.

В следующий миг его накрыла коричневая волна охранников с дубинками наготове. Боз рухнул на колени.

Афина увидела лицо нападавшего в последний момент. Услышав крик, она повернула голову, так что жидкость попала ей на щеку и ухо.

Эту сцену наблюдали миллиард телезрителей: прекрасное лицо Афины, серебристая жидкость на ее щеке, шок и ужас, когда она увидела и узнала нападавшего; а затем – гримаса неподдельного страха, на секунду зачеркнувшего ее царственную красоту.

Миллиард людей во всем мире наблюдали, как полицейские волокут Сканнета прочь. Воздев скованные наручниками руки в триумфальном жесте над головой, он сам в этот момент выглядел как звезда экрана. Но тут же рухнул, когда взбешенный полицейский, обнаружив за поясом нападавшего пистолет, нанес ему короткий, ужасный удар по почкам.

Афина Аквитана, все еще покачиваясь от шока, непроизвольным жестом стерла жидкость со щеки. Жжения она не ощутила. Капли на ее ладони начали испаряться. Люди толпились вокруг, стремясь защитить ее, вывести отсюда. Отстранив их, Афина спокойно сказала:

– Это всего лишь вода. – И для уверенности слизнула капли с ладони. – Очень характерно для моего мужа.

Затем, демонстрируя завидное самообладание, которое и помогло ей стать живой легендой, она быстро направилась к входу в павильон Академии киноискусств. Когда же ей был присужден «Оскар», как лучшей актрисе года, зал приветствовал ее стоя, и аплодисменты, казалось, длились целую вечность.

В холодном пентхаусе отеля-казино «Занаду» в Лас-Вегасе лежал его умирающий восьмидесятипятилетний владелец. От игровых залов его отделяли шестнадцать этажей, и все равно в этот весенний день старику казалось, что он слышит постукивание шарика из слоновой кости, скачущего по черным и красным ячейкам колеса рулетки, отдаленный гул хриплых голосов игроков в кости, заклинающих катящиеся кубики выдать нужное число, стрекот тысяч игровых автоматов, поглощающих серебряные монеты.

Альфред Гронвельт был счастлив, насколько счастлив может быть человек, находящийся при смерти. За свои без малого девяносто лет он успел побывать и предпринимателем, и сводником-любителем, и игроком, и соучастником в убийстве, и политическим махинатором, и, наконец, строгим, но справедливым правителем отеля-казино «Занаду». Из-за боязни быть преданным он никогда по-настоящему не любил ни одно человеческое существо, но доброту проявлял ко многим. Он не испытывал сожалений и наслаждался маленькими удовольствиями, еще остававшимися в его жизни. Например, традиционным послеобеденным путешествием по казино.

– Вы готовы, Альфред? – осведомился вошедший в спальню Кроччифисио Де Лена, или попросту Кросс⁶, – правая рука босса на протяжении последних пяти лет.

Гронвельт с улыбкой кивнул.

Подхватив старика на руки, Кросс усадил его в инвалидное кресло, сиделка укутала ему колени пледом, а слуга занял свой пост позади каталки. Сиделка передала Кроссу коробочку с таблетками и открыла дверь, ведущую из пентхауса, но сама осталась в номере. Старик не любил, чтобы она сопровождала его в ежедневных увеселительных прогулках.

Каталка мягко прокатилась по искусственной траве зимнего сада при пентхаусе и вкатилась в специальный скоростной лифт, в считанные секунды преодолевший шестнадцать этажей и плавно остановившийся на этаже казино.

Гронвельт сидел в кресле очень прямо, поглядывая то налево, то направо. Ему доставляло удовольствие наблюдать за этими мужчинами и женщинами, яростно сражавшимися про-

---

⁶ Игра слов. Если полное имя Кроччифисио означает «распятие», то уменьшительное – Кросс – означает «крест».

тив него, и знать, что теория вероятностей на его стороне. Инвалидное кресло медленно катилось по залам «блэк джека» и рулетки, заехало в зальчик баккара, миновало лабиринт из столов для игры в кости. Игроки почти не обращали внимания на разъезжающего в инвалидном кресле старика с пронзительным взглядом и мечтательной улыбкой на бескровных губах. Игроки-инвалиды в Лас-Вегасе не в диковинку. Они считают, что судьба, наделившая их недугом, перед ними в долгу.

Наконец кресло оказалось в кафе. Оставив Гронвельта в директорской кабинке, слуга отошел к другому столику, где уселся в ожидании, когда его позовут.

Глядя на огромный плавательный бассейн по ту сторону стеклянной стены – на синюю воду, ослепительно сверкающую в лучах горячего солнца Невады, на молодых женщин и ребятшек, плавающих на ее поверхности, будто разноцветные игрушки, – Гронвельт ощутил робкий прилив радости от сознания, что все это – творение его рук.

– Альфред, скушайте что-нибудь, – подал голос Кросс Де Лена.

Гронвельт улыбнулся молодому спутнику. Кросс был ему по душе. Ему нравилось, как выглядит этот молодой человек, мужественная внешность которого заставляла засматриваться на него и женщин, и мужчин. Кроме того, Кросс – один из тех немногих, встреченных Гронвельтом за долгую жизнь, кому он почти доверял.

– До чего же мне нравится это дело! – проговорил он. – Кросс, ты унаследуешь после меня принадлежащую мне часть отеля. Я знаю, что тебе придется иметь дело с нашими партнерами из Нью-Йорка, но никогда не бросай «Занаду».

Кросс похлопал старика по тощей – кожа да кости – руке.

– Ни за что.

Гронвельт чувствовал, как солнечные лучи, падающие сквозь стеклянную стену, буквально просачиваются в его кровь, заставляя ее быстрее бежать по жилам.

– Кросс, я научил тебя всему. И мы с тобой совершили немало дел, с которыми вряд ли справились бы другие. Никогда не оглядывайся. Тебе открыто, сколькими способами можно извлечь выгоду в бизнесе. Старайся делать столько добрых дел, сколько сможешь. Они тебе зачтутся. Я не говорю о побрякушках любви или ненависти. И то и другое – крайне плохое вложение.

Собеседники неторопливо потягивали кофе. Гронвельт съел только одно слоеное пирожное, а Кросс в придачу к кофе выпил еще бокал апельсинового сока.

– И вот еще что, – добавил Гронвельт. – Ни за что не предоставляй виллу человеку, не проигравшему хотя бы миллион. Никогда не забывай об этом. Наши виллы – легенда. Они очень важны.

Кросс снова похлопал Гронвельта по руке, задержав ладонь поверх стариковских пальцев. Его привязанность к старику была совершенно искренней. В каком-то смысле он любил Гронвельта даже сильнее, чем отца.

– Не волнуйтесь, виллы священные, – заверил Кросс. – Что-нибудь еще?

Катаракта, поразившая глаза Гронвельта, пригасила их былой пламень.

– Будь осторожен. Будь всегда очень осторожен.

– Непременно. – Желая отвлечь старика от мыслей о скорой смерти, Кросс поинтересовался: – Когда вы расскажете мне о великой Войне с Сантадио? Ведь вы тогда работали с ними. А со мной никто не хочет говорить об этом.

Гронвельт вздохнул – едва слышно, по-стариковски, почти бесстрастно.

– Я знаю, мое время на исходе, но тоже не могу говорить с тобой на эту тему. Спроси лучше своего отца.

– Я спрашивал Пиппи, но он тоже молчит.

– Что прошло, то прошло, – философски заметил Гронвельт. – Никогда не оглядывайся. Ни ради поиска оправданий, ни ради воспоминаний о времени, когда ты был счастлив. Мир не переделаешь, да и себя тоже.

Когда они вернулись в пентхаус, сиделка выкупала Гронвельта, а затем измерила ему пульс и давление. Заметив неодобрительное выражение ее лица, Гронвельт сказал:

– Это всего лишь проценты с прожитого.

Ночью старик часто просыпался, а как только забрезжил рассвет, попросил сиделку, чтобы та помогла ему перебраться на балкон. Устроив его в огромном кресле, она укутала Гронвельта пледами, а затем присела рядом с ним и взяла его за руку, чтобы измерить пульс. Но когда хотела убрать свою руку, Гронвельт удержал ее, и она не стала противиться. Так они и сидели рядом, держась за руки и наблюдая, как над пустыней встает солнце.

Красный шар светила перекрасил небосклон из иссиня-черного в темно-оранжевый. Перед взором Гронвельта предстали теннисные корты, поле для гольфа, плавательный бассейн и семь вилл – семь блистательных версальских дворцов с флагами отеля «Занаду»: белые голуби по зеленому, как листва, полю. А дальше бескрайним песчаным морем раскинулась пустыня.

«И все это создал я, – думал Гронвельт. – Именно я построил эту сказочную страну на бесплодной земле. И построил для себя счастливую жизнь. Из ничего. Живя в этом мире, я старался быть хорошим человеком. Старался как мог. Можно ли меня судить?»

Он обратился воспоминаниями к годам детства, когда они с приятелями, этикие четырнадцатилетние философы, рассуждали о боге и моральных ценностях, как водилось у тогдашних мальчишек.

– Вот скажите, если бы вам предложили миллион долларов за то, чтобы нажать на кнопку и прикончить миллион китайцев, вы бы это сделали? – торжествующим тоном вопрошал один из дружков, словно провозглашая заведомо неразрешимую этическую головоломку. После бурной дискуссии в конце концов сошлись на том, что они бы на это не пошли. Все, кроме Гронвельта.

И теперь ему подумалось, что тогда он был прав. И не потому, что его жизнь сложилась так удачно, а потому, что этой великой головоломки просто-напросто больше не существует. Вопрос можно было поставить лишь однозначно: «Согласишься ли ты нажать на кнопку, чтобы убить десять миллионов китайцев (кстати, почему именно китайцев?) за десять тысяч долларов?» Вот в чем вопрос.

Мир вокруг залило алым сиянием, и Гронвельт крепче стиснул ладонь сиделки, чтобы не потерять ориентацию. Теперь он мог спокойно смотреть на солнце, катаракта защищала его глаза. Старик сонно думал о женщинах, которых он когда-то знал или любил, о некоторых поступках, которые приходилось совершать, о мужчинах, которых он безжалостно побеждал, и о случаях, когда проявлял милосердие. Подумал о Кроссе, к которому относился как к сыну, и пожалел его, а вместе с ним – всех Клерикую и Сантадио. Он был рад, что расстается со всем этим. В конце концов, что лучше – счастливая жизнь или жизнь добродетельная? И надо ли быть китайцем, чтобы найти ответ на этот вопрос?

Последнее замешательство ввергло его рассудок в окончательный хаос. Державшая Гронвельта за руку сиделка почувствовала, как его пальцы похолодели, а мышцы напряглись. Она склонилась к старику, чтобы проверить показатели жизнедеятельности. Каковая, несомненно, прекратилась.

Кросс Де Лена, наследник и преемник Гронвельта, задумал организовать для него поистине королевские похороны. На них должны присутствовать все сливки Лас-Вегаса, самые известные игроки, все женщины, бывшие когда-то близкими с ним, весь персонал отеля. Всех

этих людей предстояло известить и направить им приглашения. Потому что Альфред Гронвельт при жизни являлся подлинным гением в мире азартных игр.

Он создавал и финансировал множество благотворительных фондов по постройке храмов всех мыслимых вероисповеданий, поскольку любил повторять: «Люди, исповедующие какую-либо религию и играющие в азартные игры, заслуживают награды за свою веру». Он препятствовал строительству трущоб, возводил первоклассные больницы и перворазрядные школы. Да еще утверждал, что совершает это для собственной выгоды. Презирал Атлантик-Сити, власти которого при поддержке правительства прикарманивали денежки, не делая ровным счетом ничего для развития социальной инфраструктуры.

Именно Гронвельт убедил общество в том, что азартные игры не жалкий порок, а лишь способ развлечения среднего класса – такой же нормальный и обычный, как гольф или бейсбол. Благодаря Гронвельту игорный бизнес в Америке превратился в респектабельную индустрию. Воздать последние почести усопшему хотел весь Лас-Вегас.

Кросс отбросил в сторону личные эмоции. Он испытывал чувство огромной утраты, ведь на протяжении всей его жизни их с Гронвельтом связывало взаимное чувство глубокой и искренней привязанности. Отныне Кросс владел пятьюдесятью одним процентом акций отеля «Занаду», что составляло как минимум пятьсот миллионов долларов.

Он понимал, что теперь его жизнь переменится. Став обладателем такого огромного богатства и могущества, он будет подвергаться большей опасности, нежели раньше. Его отношения с доном Клерikuцио и его Семьей станут более тонкими, поскольку теперь он превратился в их партнера в огромном бизнесе.

Первым делом Кросс позвонил в Квог и переговорил с Джорджио, давшим ему кое-какие инструкции. Джорджио сообщил, что из членов Семьи на похоронах будет только Пиппи. Кроме того, Данте вылетит в Лас-Вегас ближайшим рейсом, чтобы закончить с делом, обсуждавшимся ранее, но на панихиду не пойдет. О том, что теперь половина отеля принадлежит Кроссу, не было упомянуто ни словом.

На автоответчике Кросса дожидалось послание его сестры Клавдии, но, перезвонив ей, он наткнулся лишь на ее автоответчик. Еще одно послание было от Эрнеста Вейла. Кросс любил Вейла и располагал его векселями на пятьдесят тысяч, но Вейл обождал до конца похорон.

Имелось также послание от отца – Пиппи, дружившего с Гронвельтом всю жизнь. Сейчас только отец может посоветовать Кроссу, как строить свою дальнейшую жизнь. Интересно, как родитель отнесется к свалившемуся на сына богатству, к его новому положению? Вопрос не менее щекотливый, чем проблема взаимоотношений с Клерikuцио, которым предстоит свыкнуться с мыслью о том, что их Bruglione на Западе настолько богат и могуществен.

Сам дон поведет себя справедливо, тут сомневаться нечего; поддержка отца тоже практически гарантирована. Но какотреагируют сыновья дона – Джорджио, Винсент и Пити, а также его внук Данте? Кросс с Данте враждовали, наверное, с самого дня общих крестин в личной часовне дона; их отношения давно превратились в расхожую шутку для членов Семьи.

На днях Данте прилетает в Лас-Вегас, чтобы «разобраться» с Большим Тимом по прозвищу Халява. Это не могло не тревожить Кросса, поскольку он испытывал к Большому Тиму необъяснимую привязанность. Но участь последнего решена самим доном, и Кросса тревожило лишь одно: как Данте справится с работой.

Таких величественных похорон история Лас-Вегаса еще не знала. Это были подлинные проводы гения. Тело Альфреда Гронвельта было выставлено в выстроенной на его деньги протестантской церкви, сочетавшей в себе величие европейских соборов и коричневые наклонные стены, характерные для вигмамов североамериканских индейцев. Огромная автостоянка была с присущей Лас-Вегасу практичностью украшена не европейской религиозной символикой, а индейскими мотивами.

Хор, возносивший хвалы Всевышнему и рекомендовавший Гронвельта к приему в райские кущи, был приглашен из университета, которому старик при жизни постоянно жертвовал деньги на содержание трех гуманитарных кафедр.

Сотни скорбящих, окончивших колледж только благодаря стипендиям Гронвельта, оплакивали его, кажется, вполне искренно. Некоторые из присутствующих, азартные игроки, в пух и прах проигравшиеся в его казино, испытывали что-то сродни торжеству, наконец-то одержав верх над Гронвельтом. Беззвучно плакали какие-то женщины среднего возраста, пришедшие сами по себе. Здесь же находились и представители иудейских синагог и католических церквей, которые он помог построить.

Закрыть казино хотя бы на один день стало бы преступлением против всего, во что при жизни верил Гронвельт, но на отпевании все же присутствовали многие крупные и менеджеры, не работавшие в дневную смену. Явились даже некоторые обитатели вилл, и Кросс с Пиппи выказали им особое уважение.

Посетил похороны и губернатор штата Невада Уолтер Уэввен в сопровождении мэра города. Даже Стрип – центральную улицу Лас-Вегаса – перекрыли, чтобы длинная процессия черных лимузинов и пеших плакальщиков, во главе которой медленно двигался серебристый катафалк, беспрепятственно проследовала к кладбищу и Альфред Гронвельт проделал последний путь по миру, сотворенному его собственными руками.

Вечером того же дня гости Лас-Вегаса воздали Гронвельту последнюю дань, которая больше всего пришлась бы ему по душе: собравшись в его казино, они играли с таким остервенением, что поставили новый рекорд проигрыша. Подобная игра шла здесь разве что на Новый год.

Когда день наконец закончился, Кросс Де Лена приготовился начать новую жизнь.

В эту ночь, оставшись в одиночестве в своем прибрежном доме в Колонии Малибу, Афина Аквитана пыталась придумать, как быть дальше. Сидя на диване, она время от времени ежилась от прохладного океанского ветра, влетавшего в открытые двери.

Глядя на кинозвезду, было бы трудно представить ее ребенком. Вообразить, как постепенно она становилась женщиной. Харизма кинозвезды столь сильна, что кажется, будто он или она появились на свет из головы Зевса взрослыми воплощениями непобедимых героев и неотразимых красавиц. Они просто никогда не мочили пеленки, не страдали угрями, подростковой стеснительностью и тупоумием, не занимались онанизмом, никого не молили о любви и никогда не были игрушками судьбы. Даже самой Афине сейчас очень сложно вспомнить время, когда она была такой.

Афина считала, что родилась на свет счастливейшим человеком. Все давалось ей в руки само. У нее были чудесные мать и отец, сразу признавшие дарования дочери и пестовавшие их. Они восхищались ее необыкновенной красотой, но делали все от них зависящее, чтобы развить ее ум. Отец стал ее наставником в спорте, а мать – в литературе и искусствах. Как ни старалась Афина, она так и не могла припомнить ни одного случая, когда в детстве чувствовала себя несчастной. Пока ей не исполнилось семнадцать.

Тогда она влюбилась в Боза Сканнета – парня на четыре года старше ее, звезду местного значения, члена футбольной команды колледжа. Его родители владели самым крупным банком в Хьюстоне. С обаянием Боза могла соперничать разве что красота самой Афины, но он, кроме того, умел быть смешным, любезным и обожал ее. Их прекрасные тела – кровь с молоком – тянуло друг к другу, словно два магнита. Они вознеслись на небеса, предназначенные лишь для них двоих; желая, чтобы это длилось вечно, они поженились.

Через пару-тройку скоротечных месяцев Афина поняла, что беременна. Ее безупречное тело и на этот раз сослужило добрую службу: она почти не потолстела, не испытывала приступов дурноты и радовалась тому, что у нее будет ребенок. Она продолжала посещать колледж,

изучать театральное искусство, по-прежнему играла в гольф и теннис. Боз легко обыгрывал ее в теннис, но зато она легко одерживала верх в гольфе.

Боз начал работать в отцовском банке. Даже после рождения ребенка – девочки, которую Афина назвала Бетани, – Афина продолжала посещать школу, поскольку у Боза было достаточно денег, чтобы нанять няню и служанку. Замужество только усилило испытываемую Афиной жажду знаний. Она читала запоем, особенно пьесы. Пиранделло приводил ее в восторг, Стриндберг повергал в смятение, а над произведениями Теннесси Уильямса она рыдала. Она стала более отзывчивой, ум Афины превратился в прекрасную оправу ее внешности, придав ей достоинство, которого так часто лишена чистая и холодная красота. Неудивительно, что многие мужчины – и молодые, и старые – влюблялись в нее до умопомешательства. Друзья завидовали Бозу Сканнету, что у него такая жена. Афина гордилась своим совершенством до тех пор, пока мало-помалу не осознала, что само ее совершенство раздражает многих, в том числе даже друзей и влюбленных в нее мужчин.

Боз шутил, что иметь такую жену – все равно что владеть «Роллс-Ройсом» и каждый вечер оставлять его на улице. Он был достаточно умен, чтобы понимать, что его жена создана для великих дел. И в то же время осознал, что ему суждено потерять ее, расстаться с нею, как уже пришлось расстаться с многими мечтами. Он обладал бесстрашием, но продемонстрировать его мог только на войне, а как раз таковой-то и не было. Знал, что наделен обаянием и приятной внешностью, но лишен особых талантов. А скопить громадное состояние ничуть не стремился.

Он ревновал Афины к ее дарованиям, завидовал определенности ее места в этой жизни.

И тогда Боз Сканнет пошел наперекор судьбе. Стал пить как сапожник, соблазнял жен своих коллег, начал заниматься темными махинациями в банке отца. Стал гордиться своей изворотливостью, как нередко гордятся мужчины каким-нибудь новоприобретенным ремеслом, и пользовался ею, чтобы скрывать растущую день ото дня ненависть к жене. Разве не героизм – ненавидеть такую красоту, такое совершенство, как его Афина?

Несмотря на разгульный образ жизни, Боз отличался отменным здоровьем и неустанно заботился о нем. Регулярно посещал гимнастический зал, брал уроки бокса. Ринг импонировал ему, ведь здесь можно съездить человеку кулаком прямо по физиономии, проявить изворотливость, уклонившись от удара и тут же проведя хук, и даже стоицизм, принимая удары без жалоб и стонов. Любил охоту, любил убивать мелкую дичь и крупного зверя. Любил соблазнять наивных женщин, любил схематизм мимолетных романов.

И его новоприобретенная изворотливость подсказала ему выход. Они с Афиной должны завести много детей – четырех, пятерых, шестерых... Это снова их сблизит, не позволив ей ускользнуть. Но к тому времени Афина раскусила его истинные мотивы и сказала «нет». И даже больше:

– Если хочешь детей, заведи их от тех дам, с которыми трахаешься.

Она впервые говорила с ним так грубо. Боз не удивился, что ей известно о его изменах, он ведь и не пытался скрывать их. Правду говоря, в этом тоже проявилась его изворотливость. В конечном итоге получится, что именно он бросил ее, а не она ушла от него.

Афина видела, что творится с Бозом, но была еще слишком молода и слишком много внимания уделяла собственной жизни, чтобы придавать этому серьезное значение. И только когда Боз начал обращаться с ней жестоко, двадцатилетняя Афина нашла в своем характере негибкость стали и нетерпимость к глупости.

Боз принялся играть с нею в игры, в которые обычно играет мужчина, если ненавидит женщину. А Афине показалось, что он просто сходит с ума.

По дороге с работы Боз всегда заезжал в химчистку, чтобы забирать чистые вещи, и при этом часто повторял:

– Милая, твое время гораздо ценнее моего. У тебя ведь, кроме диплома, еще и дополнительные занятия по музыке и актерскому мастерству.

Он полагал, что Афина не сумеет различить горький упрек, скрывающийся за его небрежным тоном.

Однажды Боз вернулся домой, неся в руках целый ворох одежды, взятой из химчистки. Афина в это время принимала ванну. Поглядев сверху вниз на ее длинные золотые волосы, белую бархатную кожу, округлые груди и ягодицы в обрамлении нежнейшей пены, Боз сдавленным голосом спросил:

– Как тебе понравится, если я сейчас брошу все эти шмотки к тебе в ванну?

Но вместо этого аккуратно развесил одежду в шкафу, помог жене выбраться из ванны и насухо вытер ее розовым полотенцем. Потом они занимались любовью. А через пару недель та же сцена повторилась. Но на сей раз ворох вещей и вправду отправился в ванну.

Однажды за обедом Боз пообещал переколотить всю посуду, но не сделал этого. А неделей позже перебил в кухне все, что только можно. Он всегда извинялся после таких происшествий и пытался заняться с ней любовью, но отныне Афина неизменно отказывала ему в близости, и они спали в разных комнатах.

Как-то раз за обедом Боз погрозил ей кулаком со словами:

– Твое лицо чересчур безупречно. Может, если я сломаю тебе нос, это сделает его более интересным, таким, как у Марлона Брандо.

Афина убежала на кухню, он погнался за ней. Перепугавшись до полусмерти, она схватилась за нож, но Боз только рассмеялся:

– А вот это единственное, что тебе не по зубам. – И действительно, он без труда отобрал у Афины нож. – Я всего лишь пошутил. Не моя вина, если у тебя нет чувства юмора.

В свои двадцать лет Афина еще могла обратиться за помощью к родителям, но не сделала этого, как не открылась и перед друзьями. Вместо этого она все тщательно обдумала, полагаясь на свой ум. Она понимала, что окончить колледж ей так и не удастся, слишком уж опасной стала обстановка в доме. Власти тоже не смогут ее защитить. Она прикинула, не пустить ли в ход свое актерское мастерство, чтобы воскресить любовь Боза, но к этому времени муж начал вызывать у Афины настолько сильное физическое отвращение, что сама мысль о его прикосновениях вызывала у нее дрожь омерзения. Так что, как бы ни хотелось, ей вряд ли удалось бы разыграть такую романтическую роль.

Но чашу терпения Афины переполнил поступок Боза, направленный не на нее саму, а на их дочь Бетани, после которого она окончательно решила уйти.

Играя с годовалой малышкой, Боз часто подбрасывал ее под потолок, в шутку делая вид, что не собирается ловить. И всякий раз в самый последний момент подхватывал ее. Но однажды он позволил ребенку упасть на диван, якобы случайно. А затем наступил день, когда Боз намеренно уронил девочку на пол. Вскрикнув от ужаса, Афина бросилась к дочери, подхватила ее на руки, прижала к груди, стала успокаивать. Всю ночь она не смыкала глаз у детской кровати, стремясь убедиться, что с малышкой все в порядке. На голове у Бетани появилась устрашающая шишка. Боз слезно извинялся и обещал больше никогда не допускать подобных шуток, но Афина уже приняла решение.

На следующий день она сняла все деньги и с текущего, и со сберегательного счета. Предприняла замысловатые приготовления к путешествию, чтобы ее маршрут невозможно было проследить. А два дня спустя, вернувшись с работы, Боз обнаружил, что его жена и ребенок бесследно исчезли.

Через полгода Афина объявилась в Лос-Анджелесе, уже без ребенка, и начала карьеру на актерском поприще. Без труда нашла агента средней руки и стала работать в маленьких театральных труппах. Затем сыграла главную роль на подмостках «Форума», после чего ее стали приглашать на второстепенные роли в третьесортные картины, а там предложили и роль

второго плана в фильме первой категории. В следующем фильме Афина уже вышла в Суперзвезды, и в ее жизни снова появился Боз Скэннет.

Афина откупилась от него на три года, но ничуть не удивилась его выходке у Академии. Старый фокус. На сей раз всего лишь шутка... но на следующий – в бутылке будет самая настоящая кислота.

– На студии чудовищный тарарам, – сообщила Молли Фландерс Клавдии Де Лене. – Проблема с Афиной Аквитаной. Они перепугались, что после нападения возле павильона она откажется продолжать работу в картине. Бентс хочет видеть тебя в студии. Хотят, чтобы ты поговорила с Афиной.

Клавдия пришла в кабинет Молли вместе с Эрнестом Вейлом.

– Я позвоню ей, как только мы закончим тут наши дела, – ответила Клавдия. – Вряд ли это серьезно.

Молли Фландерс являлась юристом в области бизнеса развлечений, и в этом городе бестрашных людей ее боялись все, кто так или иначе был связан с кинопроизводством. Она обожала баталии в залах судебных заседаний и почти всякий раз одерживала победу – не только вследствие прекрасного знания тонкостей закона, но и благодаря прирожденному блестящему актерскому дарованию.

Перед тем как заняться юриспруденцией индустрии развлечений, Молли была ведущим адвокатом в штате Калифорния. Она спасла от газовой камеры двадцать убийц. В худшем случае ее подзащитному приходилось отсидеть несколько лет за непредумышленное убийство той или иной степени тяжести. Но потом ее нервы сдали, и Молли переключилась на юриспруденцию киносценариев. Она любила говаривать, что здесь куда меньше крови, а злодеи отличаются более широким размахом и развитым интеллектом.

Теперь ее клиентура состояла из Первоклассных кинорежиссеров, Суперзвезд и Ведущих сценаристов. Наутро после церемонии вручения «Оскаров» к ней в кабинет пришла ее любимая клиентка Клавдия Де Лена. Вместе с ней пожаловал некогда знаменитый писатель Эрнест Вейл, в паре с которым Клавдия сейчас работала над очередным киносценарием.

Клавдия, старинная подруга Молли, хотя и не принадлежала к числу самых выгодных клиентов, зато была ей ближе всех. Поэтому, когда Клавдия попросила Молли взять дело Вейла, та согласилась. А теперь раскаивалась. Вейл явился с такой проблемой, разрешить которую было не по силам даже ей. Вдобавок Молли не испытывала к нему ни малейшей симпатии, хотя обычно симпатизировала даже своим подзащитным-убийцам. Именно поэтому сейчас она испытывала легкие угрызения совести, сообщая Вейлу плохие новости.

– Эрнест, – начала она, – я просмотрела все контракты, все документы. Продолжать тяжбу против киностудии «ЛоддСтоун» бессмысленно. Единственный для тебя способ заполучить права обратно – окочуриться до того, как истечет срок действия твоих авторских прав – то есть в ближайшие пять лет.

Десять лет назад Эрнест Вейл был самым прославленным писателем современной Америки. Его превозносили критики, его романы читали миллионы людей. Один из созданных им персонажей настолько приглянулся студии «ЛоддСтоун», что та захотела его использовать. Киношники купили права и сняли картину, добившуюся грандиозного успеха. Колоссальные деньги собрали еще два фильма, снятые в качестве продолжения первого. Теперь студия планировала запустить в производство еще четыре фильма на эту же тему. К несчастью для Вейла, согласно первому контракту он передал студии все права и на название и персонажей. Киностудия могла распоряжаться ими по своему усмотрению, использовать в любых формах и на любых планетах Вселенной, в любых видах развлечений, традиционных и еще не изобретенных. Это был стандартный контракт с романистом, еще не научившимся держать киношников на коротком поводке.

Лицо Эрнеста Вейла всегда хранило угрюмое выражение. Надо признать, не без причины. Критики до сих пор хвалили Вейла, но книги его уже не расходились. Кроме того, несмотря на талант, он превратил свою жизнь в бедлам. За последние двадцать лет от него ушла жена, забрав с собой троих детей; один его роман поставили в кино, фильм добился признания, Эрнест даже заработал на нем разок, а студия годами будет зарабатывать многие миллионы.

– Растолкуй мне это, – попросил он Молли.

– Под контракт не подкопаешься. Твои персонажи принадлежат студии. Существует лишь одна зацепка. Закон об авторских правах гласит, что после твоей смерти все права на интеллектуальную собственность возвращаются к твоим наследникам.

И тут Вейл впервые улыбнулся.

– Вот оно, избавление!

– О каких суммах идет речь? – поинтересовалась Клавдия.

– Пять процентов с валовой прибыли, – ответила Молли, – если бы сделка была честной. Если студия снимет еще пять фильмов и те не провалятся, их прокат по всему миру принесет не меньше миллиарда, так что речь примерно о тридцати-сорока миллионах. – Она немного помолчала и добавила со скептической усмешкой: – Если ты умрешь, я могла бы выторговать для твоих наследников гораздо более выгодные условия. Мы бы взяли студию за горло.

– В таком случае, – сказал Вейл, – позвони в «ЛоддСтоун» и договорись с ними о встрече. Я растолкую им, что, если меня не возьмут в долю, я покончу с собой.

– Тебе не поверят, – возразила Молли.

– Тогда я это сделаю.

– Прекрати говорить глупости, Эрнест, – дружелюбно промолвила Клавдия. – Тебе всего пятьдесят шесть лет. Слишком рано умирать из-за денег. Ради принципов, ради своей страны, из-за любви – еще куда ни шло, но только не ради денег.

– Я должен обеспечить будущее жены и детей.

– Бывшей жены, – напомнила Молли. – И вообще, побойся бога! С тех пор как вы расстались, ты женился еще два раза.

– Я говорю о настоящей жене. О той, которая родила мне трех ребятишек.

Теперь Молли поняла, почему все в Голливуде терпеть не могут этого человека.

– Ты все равно не сумеешь добиться от киностудии того, чего хочешь, – заявила она. – Они знают, что ты с собой ничего не сделаешь, и не позволят, чтобы их шантажировал писатель. Будь ты Суперзвездой – другое дело. Или хотя бы Первокласным режиссером. Но писатель – ни за что. В этом бизнесе ты – дерьмо. Прости, Клавдия.

– Нам с Эрнестом об этом известно, – откликнулась та. – Если бы все в этом городе не боялись до смерти чистого листка бумаги, от нас давным-давно избавились напрочь. Может, ты все-таки что-нибудь придумаешь?

Молли вздохнула и набрала номер Элая Марриона. Она обладала достаточным влиянием, чтобы пробиться к Бобби Бентсу, директору «ЛоддСтоун».

Клавдия и Вейл с бокалами в руках сидели за столиком в баре «Поло».

– Молли – крупная женщина, – задумчиво произнес Вейл. – Крупную женщину легче соблазнить. Да вдобавок в постели они гораздо приятнее мелких. Никогда не замечала?

Уже не в первый раз Клавдия ломала голову, почему она так привязана к этому человеку. Его мало кто воспринимает всерьез, но она любит книги Вейла, любит по-прежнему.

– Из тебя так и прет вздор, – отозвалась она.

– Я хочу сказать, что крупные женщины более ласковы. Могут принести тебе в постель завтрак, оказать всякие маленькие любезности. Словом, более женственны.

Клавдия пожала плечами, а Вейл продолжал:

– У крупных женщин доброе сердце. Как-то раз одна такая притащила меня ко мне же домой после вечеринки и не знала, что со мной делать. Она озиралась в спальне по сторонам точь-в-точь как моя мать на кухне, когда у нас в доме не оставалось еды, а она пыталась сообразить, как бы сварганить обед. Вот и эта гадала, как бы, черт возьми, извлечь удовольствие из того, что под рукой.

Некоторое время они молча потягивали свои напитки. Как всегда, Клавдия почувствовала теплоту к этому человеку, такому по-детски обезоруживающе искреннему.

– Знаешь, как мы подружились с Молли? Она защищала в суде одного парня, убившего свою подругу, и ей был нужен проникновенный диалог для заключительной речи. Я написала эту сцену, как для кино. Ее подзащитного признали виновным в непредумышленном убийстве. Потом я еще трижды писала текст для нее, пока она не покончила с этим.

– Ненавижу Голливуд! – бросил Вейл.

– Ты ненавидишь его лишь потому, что «ЛоддСтоун» обвела тебя вокруг пальца.

– Не только поэтому, – возразил Вейл. – Я смахиваю на одну из древних цивилизаций – вроде ацтеков, Китайской империи или американских индейцев, которые были раздавлены людьми, владевшими более передовой техникой. Я настоящий писатель. Я пишу книги, вызывающие к разуму, а это – отсталая технология. Что я могу противопоставить кино? В его распоряжении – камеры, декорации, музыка и великолепные лица. Как же писатель может передать все эти образы одними словами? Кино сузило поле битвы. Ему не нужно покорять умы – только сердца.

– Пошел ты в задницу. Значит, я не писатель? Сценаристка уже не писатель? Ты говоришь это лишь потому, что сам слаб по этой части.

– Я вовсе не хочу унижить тебя, – похлопал ее по плечу Вейл. – И даже не собираюсь принизить кинематограф как вид искусства. Я лишь раскладываю все по полочкам.

– Тебе повезло, что мне нравятся твои книги. Неудивительно, что тебя недолюбливают.

– Нет, нет, – дружелюбно улыбнулся Вейл, – меня не недолюбливают, меня просто презирают. Но когда я умру и права на мою книгу перейдут к моим наследникам, тогда я завоевую уважение.

– Все шутишь?

– Да нет, я серьезно. Это весьма соблазнительная перспектива. Или самоубийство нынче считается политически некорректным?

– Вот черт! – Клавдия обняла Вейла за шею. – Схватка только начинается. Я уверена, что к тебе прислушаются, когда ты попросишь свою долю. Лады?

– Я вовсе не тороплюсь, – улыбнулся Вейл. – Чтобы решить, каким образом покончить с собой, у меня уйдет не меньше полугода. Терпеть не могу насилия.

Внезапно до сознания Клавдии дошло, что Вейл и впрямь серьезен, и удивилась панике, охватившей ее при мысли о смерти Эрнеста. Нельзя сказать, чтобы она любила его, хотя в течение непродолжительного времени они действительно были любовниками. Она даже не испытывала к нему особой привязанности. Ее напугала мысль, что прекрасные книги, написанные им, значат для него меньше, чем деньги, что его искусство может потерпеть поражение от такого презренного противника, как доллары. И этот испуг заставил Клавдию сказать:

– Если дела пойдут совсем уж плохо, мы с тобой поедем в Лас-Вегас, чтобы повидаться с моим братом Кроссом. Ты ему нравишься. Он что-нибудь придумает.

– Он как раз недолюбливает меня, – засмеялся Вейл.

– У него доброе сердце, – стояла на своем Клавдия. – Уж я-то знаю своего брата.

– Ты его совсем не знаешь, – ответил Вейл.

Покинув празднество после церемонии вручения «Оскаров», Афина вернулась домой и сразу же легла в постель. Однако сон не шел, и она несколько часов подряд беспокойно воро-

чалась с боку на бок. Напряжение сковало каждую мышцу ее тела. «Не позволю ему сделать это снова, – думала она. – Ни за что. Я больше не могу жить в страхе».

Приготовив себе чашку чаю, она заметила, что рука чуть дрожит, поставила чашку на стол и порывисто вышла на балкон. Глядя в черное небо, она простояла там почти до рассвета, но сердце ее продолжало отчаянно колотиться.

Тогда Афина оделась, надев белые шорты и теннисные туфли. И едва багровый шар солнца показался над горизонтом, она уже бежала. Бежала все быстрее и быстрее, стараясь оставаться на плотном влажном песке полосы прибоя, даже не заботясь о том, чтобы не промокнуть, и холодные волны время от времени захлестывали ее щиколотки. Она хотела, чтобы мысли прояснились. Она не позволит Бозу одержать над ней победу. Она слишком долго и напряженно работала, чтобы добиться нынешнего положения. А он убьет ее, в этом Афина не сомневалась ни на секунду. Но сначала станет играть с ней в свои игры. Будет мучить ее, изуродует, полагая, что она вновь будет принадлежать ему. Афина чувствовала, как в груди закипает гнев, как холодный ветер швыряет в лицо соленые брызги. Нет, нет и нет!

Затем она подумала о киностудии. Там придут в бешенство, станут ей угрожать. Но их заботит не она, а одни только деньги. Афина подумала о подруге Клавдии, для которой этот фильм был шансом выбиться наверх, и опечалилась. Она думала и о многих других, но сейчас сострадание для нее – недопустимая роскошь. Боз сумасшедший, но люди, еще не лишившиеся рассудка, попытаются его вразумить. У него хватит ума убедить их, что они добились своего, что он уgomонился, но она-то знает Боза лучше! Испытывать судьбу просто нельзя. Она не имеет права позволить себе подобный риск...

К тому времени, когда Афина добежала до огромных черных валунов, отмечавших северную границу пляжа, она окончательно запыхалась и села, чтобы отдышаться. Услышав над головой крики чаек, подняла голову к небу и увидела, как птицы мечутся и пикируют к воде. Глаза ее наполнились слезами, но Афина тут же взяла себя в руки. Сглотнула ком, застрявший в горле. И впервые пожалела, что родители так далеко от нее. На какое-то мгновение Афина снова почувствовала себя маленькой, беззащитной девочкой, ощутив почти непреодолимое желание кинуться домой, чтобы большие руки обняли ее и, баюкая, избавили от всех страхов. И застенчиво усмехнулась, вспомнив, что когда-то верила, будто такое возможно. Сейчас ее любят все вокруг, обожают и восхищаются... ну и что? В душе у нее такое отчаянное одиночество, такая пустота, которые, казалось бы, не в состоянии испытывать ни одно человеческое существо. Иногда, встречаясь с какой-нибудь женщиной, которая живет обычной жизнью со своим мужем и детьми, она испытывала укол зависти. «Стоп! – велела она себе. – Думай! Тут уж дело за тобой. Придумай какой-нибудь план и осуществи его. От тебя зависит не только твоя собственная жизнь...»

Вернулась домой она только поздно утром. Вошла в дом, гордо вскинув голову и глядя прямо перед собой. Теперь она знала, что делать.

Боза Сканныта продержали в полицейском участке всю ночь. Как только его выпустили, адвокат организовал пресс-конференцию. Сканныт рассказал репортерам, что был женат на Афине Аквитане, но не видел ее уже десять лет, а сейчас просто разыграл ее. В бутылке была обычная вода. Боз предсказал, что Афина не станет выдвигать против него обвинений, и намекнул, что знает о ней какой-то страшный секрет. В одном он оказался прав: она действительно не стала подавать в суд.

В тот же день Афина довела до сведения руководства «ЛоддСтоун» – киностудии, снимавшей самый дорогостоящий во всей истории кинематографа фильм, – что не вернется к работе в картине, опасаясь после нападения за свою жизнь.

Без ее участия картину – историческое эпическое полотно под названием «Мессалина» – просто не закончить. Значит, пятьдесят миллионов долларов, уже вложенные в производство, – чистейший убыток. Кроме того, это означало, что ни одна более-менее крупная киностудия больше никогда не предложит Афине работу.

Киностудия «ЛоддСтоун» сделала официальное заявление, что кинозвезда крайне переутомилась, но через месяц оправится, и съемки возобновятся.

Глава 2

Киностудия «ЛоддСтоун» являлась самой могущественной в Голливуде, но вероломное решение Афины Аквитаны отказаться от дальнейшего участия в съемках даже для нее стало болезненным и дорогостоящим ударом. Обычно талант почти не способен причинить студии столь ощутимый ущерб, но «Мессалина» должна была стать рождественским «локомотивом» – грандиозной картиной, которая даст деньги на все работы студии во время долгой, суровой зимы.

Случилось так, что на следующее воскресенье был назначен ежегодный благотворительный фестиваль Братства киноактеров, который планировалось провести в Беверли-Хиллз в поместье Элая Марриона – владельца большей части акций и председателя совета директоров киностудии «ЛоддСтоун».

Огромный, двадцатикомнатный особняк Элая Марриона, расположенный в районе каньонов, выше Беверли-Хиллз, являл собой весьма внушительное зрелище, но его главная странность заключалась в том, что спальня в нем была всего одна. Элай Маррион терпеть не мог, чтобы в его доме оставались на ночь. Конечно, рядом с особняком построили несколько просторных бунгало для гостей, а также два теннисных корта и большой плавательный бассейн. Шесть больших комнат в особняке были полностью отведены под обширную коллекцию живописных полотен.

На благотворительный вечер были приглашены пять сотен самых известных в Голливуде людей, причем входная плата составляла тысячу долларов. На лужайке перед особняком были расставлены тенты, а под ними развернуты бары, буфеты и танцевальные площадки. Предусмотрели и площадку для оркестра. Учитывая гигантскую территорию поместья, тут же были расставлены и переносные туалеты в весело и остроумно украшенных палатках.

Гостевые бунгало, теннисные корты и плавательный бассейн были отгорожены от места, где разворачивалось празднество, веревочным ограждением и цепью из сотрудников службы безопасности, но никто из гостей не был этим обижен. Элай Маррион слишком величествен, чтобы обижаться на него.

Пока гости слонялись по лужайке, сплетничали и танцевали, отбывая три часа этой великосветской повинности, сам Маррион находился в огромном зале для заседаний, уединившись с группой людей, кровно заинтересованных в завершении съемок «Мессалины».

Председательствовал на собрании Элай Маррион. Его телу уже исполнилось восемьдесят лет, но оно было так ловко замаскировано, что с виду казалось шестидесятилетним. Его седые волосы были тщательно подстрижены и выкрашены в стальной цвет, темный костюм делал его фигуру шире и массивнее, скрывая исхудавшие ноги. На земле его удерживали сияющие туфли цвета красного дерева. Розовый галстук, рассекавший белизну рубашки надвое, придавал его землистому лицу румянца. И все же власть Марриона над киностудией «ЛоддСтоун» бывала абсолютной лишь в тех случаях, когда он хотел этого сам. Порой куда благоразумнее предоставить свободу действия простым смертным.

Отказ Афины Аквитаны от дальнейшей работы в наполовину отснятом фильме представлял собой достаточно серьезный повод, чтобы этой проблеме уделит внимание сам Элай Маррион. «Мессалина», стомиллионный локомотив, тянущий за собой всю киностудию, вместе с видео, телепремьерами, кабельными и иностранными правами, превратилась в сокровище, готовое вот-вот затонуть, словно старинный испанский галеон.

А сама Афина? Великая кинозвезда в тридцать лет, уже подписавшая с «ЛоддСтоун» контракт на съемки очередного бестселлера. Истинный Талант, дороже которого не бывает. Маррион преклонялся перед Талантами.

Однако любой Талант схож с динамитом. Он может быть опасен и требует особого подхода. Перед ним нужно благоговеть, его нужно лелеять, его нужно осыпать золотом. Чтобы держать его в узде, необходимо стать его отцом, матерью, сестрой или даже любовником. В общении с ним никакое самопожертвование не может оказаться чрезмерным. Но иногда наступает момент, когда слабость недопустима и нужно проявить беспощадность.

И вот сейчас в одной комнате с Элаем Маррионом сидели люди, которым предстояло принять окончательное решение: Бобби Бентс, Скиппи Дир, Мело Стюарт и Дита Томми.

Восседавая во главе знакомого стола в конференц-зале, где одних только картин было на двадцать миллионов долларов, а столы, кресла, ковры, хрустальные светильники и люстра тянули еще на полмиллиона, Элай Маррион чувствовал, как крошатся его кости. По утрам он неизменно удивлялся тому, насколько труднее с каждым днем выглядеть всемогущей личностью, каковой он якобы является.

Утро уже не приносило обычного ощущения свежести, а бритье, застегивание пуговиц на рубашке и завязывание галстука превратились в изнурительный труд. Но куда опаснее умственная слабость, принимавшая форму жалости к людям, менее могущественным, нежели он сам. Поэтому в последнее время Маррион стал чаще использовать Бобби Бентса, предоставив ему больше власти, чем раньше. В конце концов, Бобби не только на тридцать лет моложе, но и ближайший, пока что преданный друг.

Бентс занимал пост президента и главного администратора студии. Более тридцати лет он являлся томагавком в руках Элая Марриона, и за эти годы они стали близки, почти как сын и отец. Они здорово подходили друг другу. После того как ему стукнуло семьдесят, Маррион стал слишком добросердечен, чтобы самому совершать жестокие вещи, делать которые абсолютно необходимо.

Именно Бобби Бентс принимал теперь у режиссеров готовые, с точки зрения последних, картины и редактировал их, чтобы они отвечали запросам публики. Именно он ругался с режиссерами, актерами и сценаристами по поводу причитающихся им гонораров и вынуждал их либо идти в суд, либо соглашаться на меньшее. Именно Бентсу удавалось заключать самые жесткие и особо выгодные для киностудии контракты. Особенно со сценаристами.

Бентс считал ниже собственного достоинства расшаркиваться перед ними. Да, чтобы запустить картину, необходим в первую очередь сценарий, но Бобби твердо верил, что успех фильма зависит только от актеров. Звезды решают все. Режиссеры важны, потому что могут обобрать тебя до нитки, а ты и не заметишь. Ну и, само собой, важны продюсеры, тоже не дураки по части чего-нибудь стибрить, но они источник маниакальной энергии, способной запустить любую картину.

Но писатели? От них требуется только взять чистый лист бумаги, канву. Потом для обработки материала можно нанять целую дюжину людишек. Сюжет выстраивает продюсер. Режиссер придумывает, как все это будет выглядеть на экране (иногда получается нечто совершенно новое), а потом звезды вдохновенно импровизируют какие-нибудь диалоги. Опять же на студии имеется творческий отдел, занимающийся тем, что в длинных, тщательно продуманных записках подает сценаристам идеи, оценки и списки пожеланий. На своем веку Бентс много раз видел, как сценаристу крупного пошиба платили миллион долларов за сценарий, от которого в завершенной картине не оставалось ни слова, ни сцены. Разумеется, Элай питает слабость к сценаристам, но только потому, что их так легко обвести вокруг пальца.

Маррион и Бентс достаточно поездили по свету, продавая свои фильмы на кинофестивалях и киноярмарках – в Лондоне, Париже, Каннах, Токио и Сингапуре. От их слова зависели судьбы молодых актеров. Они на пару правили своей империей, как император и его главный визирь.

Элай Маррион и Бобби Бентс единодушно пришли к выводу, что Таланты – вне зависимости от того, пишущие, играющие или режиссирующие, – самые неблагодарные люди на

свете. Конечно, начинающие артисты умеют быть трогательными, любезными и благодарными за предоставленную возможность продвинуться к славе, но как сильно они меняются, достигнув ее! Медоточивые пчелы превращаются в злобных ос. Неудивительно, что Марриону и Бентсу приходилось иметь штат из двадцати юрисконсультов, чтобы держать эту публику в узде.

Почему от них всегда столько проблем? Почему они вечно недовольны? Уже давно ясно, что те, кого деньги волнуют больше искусства, держатся в кино гораздо дольше, получают от жизни намного больше удовольствий и ценятся в обществе куда выше, чем те, кто пытается возжечь зрителей искрой божьей. Жаль, что нельзя снять об этом фильм. Деньги наделены гораздо более целительной силой, чем искусство и любовь, вместе взятые, но зрители ни за что не проглотят подобный сюжет.

Бобби Бентс увел всех с праздника, происходящего перед особняком. Единственным подлинным Талантом из допущенных на встречу была Дита Томми – Первоклассный режиссер, лучше всех умеющая работать с кинозвездами женского пола, что в Голливуде означает не гомосексуальность, а феминизм. Тот факт, что она одновременно и лесбиянка, нисколько не волновал мужчин, собравшихся в конференц-зале. Дита Томми всегда укладывалась в бюджет, ее фильмы приносили прибыль, а ее шуры-муры с женщинами доставляли студии гораздо меньше хлопот, чем режиссеры-мужчины, трахающие актрис. Лесбиянки куда более понятливы.

Сев во главе стола, Элай Маррион позволил Бобби Бентсу вести дискуссию.

– Дита, – попросил Бентс, – поведай нам, как обстоят дела с картиной и как ты предполагаешь решить неожиданную проблему. Черт, я даже не понимаю, в чем, собственно, она заключается.

Томми – низкорослая, крепко сбитая – всегда говорила по существу.

– Афина перепугана до смерти. Она не вернется к работе, если ваши гениальные мозги не придумают, как избавить ее от страха. А если она не согласится продолжать работу, вы, ребята, пролетаете на пятьдесят миллионов «зеленых». Фильм без нее закончить невозможно. – Помолчав, Томми добавила: – На прошлой неделе я снимала без нее, так что сэкономила вам кучу денег.

– Чертова картина, – бросил Бентс. – Мне с самого начала не хотелось запускать ее в производство.

Эта реплика заставила остальных встрепенуться.

– Да пошел ты в задницу, Бобби! – заявил продюсер Скиппи Дир.

– Бред сивой кобылы! – подхватил Мело Стюарт, агент Афины Аквитаны.

На самом же деле «Мессалину» поддерживали все, кто только мог. Наверное, это единственная картина за всю историю Голливуда, с самого начала получившая зеленый свет на всех уровнях.

«Мессалина» представляла собой попытку осмысления римской истории времен императора Клавдия с феминистской точки зрения. История, написанная летописцами-мужчинами, выставляет императрицу Мессалину продажной и кровожадной шлюхой, однажды ночью вовлекшей в оргию все население Рима. Однако в фильме о ее жизни, снимавшемся две тысячи лет спустя, древнеримская императрица выглядела трагической героиней, подобной Антигоне или Медее. Она была представлена как женщина, которая, используя единственное доступное для нее оружие, пыталась изменить мир, где правили властолюбивые мужчины, обращавшиеся с женщинами – половиной всего человеческого рода, – будто с рабынями.

Замысел фильма грандиозен: безудержные любовные сцены в полном цвете, популярная и злободневная тема, но, чтобы все выглядело правдоподобно, надо ее блестяще подать. Сначала Клавдия Де Лена написала остроумный сценарий с сильной и внушающей доверие сюжет-

ной линией. Затем в качестве режиссера пригласили Диту Томми, что стало расчетливым и политически мудрым выбором. Она обладает ясным умом и уже доказала свои режиссерские способности. Афина Аквитана в роли Мессалины была просто великолепна, и до последнего времени на ней держалась вся картина. Она одарена изумительной внешностью, несравненным телом и недюжинным актерским дарованием, придающим всему достоверность. Не менее важно было и то, что она входит в мировую тройку Суперзвезд женского пола. Нестандартный талант Клавдии подсказал ей сцену, когда Мессалина, попав под влияние набирающей силы христианской легенды, спасает мучеников, обреченных на неминуемую гибель от львиных клыков в цирке. Прочитав эту сцену, Дита Томми сказала Клавдии:

– Ну, это уже выходит за рамки!

– Только не в кинематографе, – ухмыльнулась Клавдия.

Продолжая обсуждение сложившейся ситуации, Скиппи Дир заявил:

– Мы вынуждены приостановить съемки до тех пор, пока не сумеем снова заполучить Афины. Каждый день простоя обходится нам в пятьдесят штук. А пока ситуация обстоит следующим образом: мы уже потратили пятьдесят миллионов, отсняли половину материала, не можем обойтись без Афины и не можем никем ее заменить. Так что, если она не согласится вернуться, картину можно выбрасывать на помойку.

– Мы не можем ее выбросить, – возразил Бентс. – В условиях страховки не предусмотрен пункт об отказе звезды от работы над фильмом. Сбрось ее с самолета, и страховку выплатят. Мело, это твоя задача – заставить ее вернуться. Ты отвечаешь за это.

– Я ее агент, это верно, но мое влияние на нее не так велико, как может показаться. Вот что я вам скажу: она действительно боится, и, поверьте, это не просто каприз. Афина напугана, но она очень умна, так что у нее имеются веские причины для страха. Это очень щекотливая, очень опасная ситуация.

– Если из-за нее пойдет ко дну фильм стоимостью в сотню миллионов долларов, ей уже никогда не работать. Ты ей об этом говорил? – буркнул Бентс.

– Она знает.

– Кто же лучше всего подходит для того, чтобы образумить ее? – поинтересовался Бентс. – Скиппи, ты уже попробовал, у тебя ничего не получилось. Ты тоже, Мело. Дита, насколько мне известно, ты прямо в лепешку расшибалась. Даже я пробовал.

– Ты не в счет, Бобби, – откликнулась Томми. – Она тебя не переносит.

– Да, кое-кому не по душе стиль моей работы, – огрызнулся Бентс, – но все равно все слушаются.

– Послушай, Бобби, – миролюбиво произнесла Дита, – твой стиль действительно не по нраву всем творческим людям, но Афина не переваривает тебя лично.

– Но я дал ей роль, которая сделала ее звездой.

– Она была рождена ею, – тихо заметил Мело Стюарт. – Тебе просто повезло, что ты первым нашел ее.

– Дита, – проронил Бентс, – ты ее подруга. Ты должна уломать ее и заставить вернуться в картину.

– Афина мне не подруга. Она уважает меня, потому что когда я подбивала под нее клинья и получила отказ, то деликатно устранилась. А вот ты, Бобби, донимаешь ее уже не первый год.

– Дита, – дружелюбно проговорил Бентс, – да кто она, черт возьми, такая, чтобы отказывать нам? Элай, ты должен пригрозить ей законом.

Все взгляды устремились на старика, сидевшего со скучающим видом. Элай Маррион был настолько худ, что кто-то из кинозвезд-мужчин как-то сказал, что вместо лысины ему больше подошел бы ластик, но в этой шутке было больше злопыхательства, чем юмора. У Марриона были непомерно большая голова, которая пришлась бы впору более крупному мужчине, и широкое лицо гориллы с приплюснутым носом и толстыми губами. И в то же время в нем

можно было увидеть какую-то доброту, мягкость и даже, как ни странно, своеобразную красоту. Однако его выдавали глаза – холодного серого цвета, излучавшие острый ум и предельное внимание, подавлявшие всех, кому приходилось иметь с ним дело. Возможно, именно поэтому он требовал, чтобы все обращались к нему только по имени и на «ты».

– Если Афина не послушалась вас, народ, то не послушает и меня, – заговорил он бесцветным голосом. – Власть, которой я обладаю, не произведет на нее ни малейшего впечатления. И это тем более странно, учитывая то, что ее так напугало бессмысленное нападение со стороны какого-то дурака. Кстати, может, нам удастся откупиться от него?

– Мы попытаемся, – заверил Бентс, – но вряд ли это подействует на Афины. Она ему не верит.

Тут подал голос продюсер Скиппи Дир:

– Давить на него мы уже пробовали. У меня есть кое-какие друзья в управлении полиции, которые пытались взять его за бока, но он оказался довольно крутым типом. У его семейства имеются и деньги, и влиятельные связи, и торгуется он, как одержимый.

– Много ли потеряет студия, если картину все же придется закрыть? – осведомился Стюарт. – Я постараюсь покрыть убытки последующими контрактами.

Раскрывать перед Мело Стюартом истинный масштаб потерь было неразумно. Как-никак он агент Афины, и подобная информация может дать ему дополнительные козыри. Промолчав, Маррион кивнул Бобби Бентсу.

Бентс неохотно заговорил:

– На сегодняшний день уже потрачено пятьдесят миллионов долларов. Ладно, пятьдесят миллионов мы можем проглотить. Но придется вернуть деньги, полученные авансом за продажу картины за рубеж, на видео, да еще у нас не будет рождественского локомотива. Это обойдется нам примерно в... – Бентс осекся, не решаясь назвать точную цифру. – А если прибавить сюда прибыли, которых мы лишимся... Дьявол, двести миллионов долларов. Тебе придется дать нам уйму льготных контрактов, Мело.

Стюарт улыбнулся при мысли, как теперь можно взвинтить цену на Афины. Вслух же проронил:

– Но на практике реальными деньгами вы теряете только полтинник.

– Мело, – в голосе Марриона не осталось ни намек на кротость, – сколько нам будет стоить возвращение твоей клиентки к работе?

До Мело дошел намек: сколько ты запросишь с нас за этот небольшой стговор? На какую же сумму ты собираешься нас нагреть? Маррион подразумевал, что здесь не все чисто, но Стюарт не полез в бутылку. С Маррионом такие номера не проходят. Будь на его месте Бентс, Мело выдал бы ему по полной программе.

В мире кино Стюарт очень влиятелен, и ему нет нужды лизать задницу Элаю Марриону. В числе его постоянных клиентов состоят пять Первоклассных режиссеров, две Суперзвезды мужского пола и одна – женского: Афина. То есть три кинозвезды, участие которых в любом фильме гарантирует последнему стопроцентный зеленый свет. И все же злить Марриона не стоит. Стюарт добился такого влияния именно потому, что на протяжении всей жизни избегал подобных конфликтов. Сейчас, конечно, ситуация весьма подходящая для выкручивания рук студии, но делать этого не стоит. Это тот редкий случай, когда прямолинейность окупается.

Одним из главных достоинств Мело Стюарта всегда была его честность. Он искренне верил в то, что продает, а в талант Афины он уверовал еще десять лет назад, когда она была никому не известна. Он продолжал верить в нее и сейчас. Но что, если ему удастся уговорить ее вернуться в кадр? Это наверняка чего-нибудь да стоит, и отказываться от такой возможности нельзя.

– Дело не в деньгах! – с пылом заявил Стюарт, чувствуя упоение собственной искренностью. – Вы можете предложить Афине еще миллион долларов, и она все равно не вернется. Надо просто решить проблему ее так называемого пропадающего мужа.

Воцарилось зловещее молчание. Все прислушались к словам Стюарта. Упомянута определенная сумма денег. Что это, стартовая цена?

– Нет, деньги она не возьмет, – проронил Скиппи Дир.

Дита Томми, не поверившая ни единому слову Стюарта, лишь пожала плечами. Но в конце концов, речь идет не о ее деньгах. Бентс же испепелял взором Стюарта, а тот, в свою очередь, не сводил холодного взгляда с Марриона.

Старик понял реплику Стюарта совершенно правильно. Афина не согласится вернуться из-за одних только денег. Таланты никогда не проявляют такого хитроумия. Он решил свернуть совещание.

– Мело, как можно доходчивее растолкуй своей клиентке, что, если она не вернется в течение месяца, картина будет закрыта, и студия потерпит убытки. Но после этого мы подадим иск и разорим ее до нитки. Она не может не понимать, что после такого не сможет получить работу ни в одной крупной киностудии Америки. – Он с улыбкой окинул взором сидящих. – Черт возьми, это всего лишь пятьдесят миллионов.

Присутствующие поняли, что старик совершенно серьезен и к тому же потерял терпение. Диту Томми захлестнула паника. Она была заинтересована в завершении картины больше всех остальных – это ее дитяtko. Если фильм будет закончен и выйдет на экраны, она перейдет в разряд Суперрежиссеров. Ее «добро» будет означать для любого фильма зеленый свет. И с перепугу ляпнула:

– Пусть с ней поговорит Клавдия Де Лена. Они ближайšie подруги.

– Даже не знаю, что лучше, – презрительно бросил Бобби Бентс, – трахаться со статистом или дружить со сценаристом.

Это замечание окончательно вывело Марриона из себя.

– Бобби, мы обсуждаем серьезные вещи, и твои разглагольствования совершенно неуместны. Пусть Клавдия поговорит с ней. Но решить проблему так или иначе мы обязаны. Нам ведь еще надо снимать и другие картины.

Однако на следующий день киностудия «ЛоддСтоун» получила по почте чек на пять миллионов долларов. От Афины Аквитаны. Она вернула аванс, полученный за «Мессалину».

Теперь дело было за юристами.

Всего за пятнадцать лет Эндрю Поллард сумел превратить Тихоокеанское агентство безопасности в самую надежную охранную организацию на Западном побережье. Если поначалу оно размещалось в гостиничном номере, то теперь штаб-квартира агентства с более чем полусотней постоянных сотрудников уже занимала собственное четырехэтажное здание в Санта-Монике. Агентство пользовалось услугами пятисот внештатных частных детективов и охранников да еще прибегало к помощи «плавучего» резерва, занятого делом почти круглый год.

Тихоокеанское агентство безопасности обслуживало богатейших знаменитостей, оберегая дома киномагнатов с помощью электроники и вооруженных охранников. Оно поставляло телохранителей звездам экрана и продюсерам. Его сотрудники сдерживали толпы во время крупных мероприятий, вроде церемонии вручения «Оскаров». Его детективы проводили расследования щекотливых дел – например, поставляя информацию контрразведывательного характера, ограждая клиентов от шантажистов.

Своими успехами Эндрю Поллард был во многом обязан присущей ему придиричливой дотошности. Возле домов богатых клиентов агентство устанавливало неоновые знаки с предупреждением «ВООРУЖЕННАЯ ОХРАНА», мерцавшие в ночной темноте зловещим красным огнем. Вдобавок к этому территория, прилегающая к высоким каменным стенам особня-

ков, постоянно патрулировалась. Он тщательно подбирал сотрудников и платил им достаточно щедро для того, чтобы они боялись потерять место. Он мог позволить себе быть щедрым. Его клиентуру составляли самые богатые люди страны, соответственно и платившие за свою безопасность. Вдобавок Эндрю Поллард был достаточно умен, чтобы работать в тесном контакте с Лос-Анджелесским департаментом полиции сверху донизу, и был деловым партнером Джима Лоузи – легендарного детектива из этого ведомства, кумира всех полицейских в городе – от рядовых до высшего руководства. Но главное – за спиной Эндрю Полларда стояла Семья Клерikuцию.

Пятнадцать лет назад, будучи еще молодым офицером полиции Нью-Йорка, он по легкомыслию попался агентам отдела внутренних расследований полицейского управления из-за ерундового дела о взяточничестве, отвергнуться от которого было почти невозможно. Однако Поллард стоял насмерть, отказавшись давать показания против замешанного в деле начальства. Подчиненные Семьи Клерikuцию заметили это и пустили в ход серию юридических ходов, в результате каковых Эндрю Полларду была предложена сделка: уйти из полиции и избежать наказания.

Прихватив жену и ребенка, Поллард перебрался в Лос-Анджелес, а Семья дала ему денег на создание Тихоокеанского агентства безопасности. Затем Семья разнесла весть, что клиенты Полларда неприкосновенны, их дома нельзя обворовывать, их самих нельзя грабить, недопустимо красть их драгоценности, а украденное по ошибке следует без промедления вернуть. По той же причине на неоновых вывесках «ВООРУЖЕННАЯ ОХРАНА» значилось и название охранного агентства.

Успех Эндрю Полларда казался поистине волшебным. Охраняемые им особняки никто и пальцем не трогал, телохранители его агентства были подготовлены не хуже сотрудников ФБР, так что Полларду ни разу не предъявили иск по поводу двурушничества, сексуальных домогательств или грубого обращения с детьми со стороны сотрудников, хотя подобные грехи в охранном бизнесе не в диковинку. Было, правда, несколько попыток мелкого шантажа, некоторые служащие агентства пытались продать секреты своих клиентов скандальным газетам, но это неизбежное зло. А в целом предприятие Полларда работало чисто и эффективно.

У его агентства имелся компьютерный доступ к секретным досье множества людей самого разного ранга. Так что совершенно естественно, что, когда у Семьи Клерikuцию возникала нужда в какой-либо информации, она получала таковую незамедлительно. Своим процветанием Поллард был обязан Семье и чувствовал к ней благодарность. Кроме того, время от времени у него появлялась работа, выполнение которой он не мог доверить своим сотрудникам, и тогда Поллард обращался к Bruglione Семьи на Западе, помогавшему проводить силовые акции.

В Лос-Анджелесе и Голливуде хватает ловких хищников, которым город представляется чем-то вроде Эдемского сада, кишашего дичью. Тут можно отыскать немало киноадминистраторов, запутавшихся в паутине шантажа, загнанных в угол кинозвезд, режиссеров с садомазохистскими наклонностями, продюсеров-педофилов, боящихся, что их секреты всплывут на поверхность. Поллард прославился умением решать подобные проблемы скрытно и деликатно, выторговывая минимальную цену и гарантируя, что второй заход на жертву шантажист уже не совершит.

Через день после вручения «Оскаров» Бобби Бентс вызвал Эндрю Полларда к себе в кабинет.

– Я хочу, чтобы ты накопал как можно больше информации на этого типа Боза Сканнета. Еще мне нужна вся подноготная Афины Аквитаны. Хотя она и крупная звезда, нам про нее практически ничего не известно. А еще я хочу, чтобы ты столкнулся с Бозом Сканнетом. Афина будет нужна нам еще месяца три, максимум шесть, чтобы закончить картину, так что

договорись со Сканнетом, чтобы он отвалил куда подальше. Предложи ему двадцать тысяч в месяц, но можешь дойти до сотни.

– А потом он сможет делать что захочет? – негромко осведомился Поллард.

– Потом пусть этим занимаются власти. Ты должен действовать крайне осмотрительно, Эндрю. Этот парень из влиятельной семьи. Мы не можем позволить, чтобы киноиндустрию обвинили в теневых махинациях, это станет смертным приговором для картины и подорвет репутацию студии. Так что просто заключи с ним сделку. Кроме того, мы нанимаем твою фирму для личной охраны Афины.

– А если он не пойдет на такую сделку?

– Тогда тебе придется неусыпно охранять ее день и ночь, – отрезал Бентс. – До конца съемок.

– Я могу надавить на него, – предложил Поллард. – Разумеется, совершенно законными способами. Не подумай чего такого.

– У него слишком обширные связи. Полицейские не решатся его прищучить. Даже Джим Лоузи, добрый приятель Скиппи Дира, не станет играть мускулами. Помимо шумихи в прессе, подобное может повлечь судебный иск на чудовищную сумму. Конечно, не стоит обращаться с этим типом, как с хрупким цветком, но...

Поллард понял намек. Малость припугнуть парня, но обязательно заплатить ему столько, сколько запросит.

– Мне нужен текст договора, – сказал он.

Вытащив из ящика стола конверт, Бобби Бентс протянул его Полларду.

– Пусть подпишет три экземпляра. Здесь же чек на пятьдесят тысяч долларов в качестве задатка. Сумма в договоре не указана. Сам впишешь, когда договоришься.

Когда Поллард уже переступал порог, Бентс бросил ему вслед:

– На церемонии Академии от твоих людей толку было маловато. Эти олухи спали на ходу. Поллард пропустил оскорбление мимо ушей. Таков уж Бентс во всей красе.

– Это были всего лишь охранники, сдерживающие толпу. Не тревожься, мисс Аквитану я окружу наилучшими телохранителями.

Через двадцать четыре часа компьютеры Тихоокеанского агентства безопасности уже собрали исчерпывающее досье на Боза Сканнета. Тридцать четыре года, выпускник Техасской школы администрации и менеджмента, в футбольной команде колледжа был суперзвездой, один сезон играл даже в профессиональной лиге. Отцу принадлежит банк в Хьюстоне, но, что более важно, его дядя заправляет республиканской партийной машиной в Техасе и лично дружит с президентом. И все это замешено на очень больших деньгах.

Сам Боз Сканнет тот еще фрукт. Будучи вице-президентом банка своего папаша, едва не угодил за решетку за махинации с нефтяными кредитами. Шесть раз арестовывался за рукоприкладство. Один раз избил двух полицейских настолько сильно, что оба угодили в больницу. До суда не дошло только потому, что Сканнет компенсировал пострадавшим моральный и физический ущерб. Имелось одно обвинение в сексуальных домогательствах, не дошедшее до суда. Еще до начала походов, в возрасте двадцати одного года, женился на Афине Аквитане и через год стал отцом дочери. Девочку называли Бетани. Когда его жене исполнилось двадцать, она исчезла вместе с дочерью.

Картина вырисовывалась довольно неприглядная. Боз Сканнет – классический негодяй. Десять лет он пестовал в душе ненависть к жене, полез в драку с двумя вооруженными полицейскими и оказался настолько дюжим, что уложил обоих в больницу. Запугать такого нечего и думать. Значит, нужно заключить с ним договор, заплатить деньги, и пусть катится к чертям.

Поллард позвонил Джиму Лоузи, который вел дело Сканнета в полиции. Поллард преклонялся перед Лоузи, воплощавшим идеал полицейского, каким когда-то мечтал стать сам

Поллард. Оба поддерживали деловое сотрудничество, а на каждое Рождество Лоузи получал от Тихоокеанского агентства безопасности щедрый подарок. Сейчас Полларду понадобилась конфиденциальная информация от полиции. Он хотел узнать все, что известно Лоузи в связи с этим делом.

– Джим, – сказал Поллард, – не мог бы ты прислать досье Боза Сканнета? Мне нужно знать его лос-анджелесский адрес и вообще все, что только можно.

– Без проблем. Но обвинение против него сняли. А на кой он тебе?

– Нас наняли для охраны Афины. Скажи, насколько опасен этот субъект?

– Псих окаянный. Скажи своей команде телохранителей, чтобы стреляли, как только подойдет.

– Тогда ты меня арестуешь, – рассмеялся Поллард. – Это противозаконно.

– Ага, – хмыкнул Лоузи, – придется. Офигенный анекдот.

Боз Сканнет остановился в скромном отеле на Оушн-авеню в Санта-Монике, и, узнав об этом, Эндрю Поллард встревожился, поскольку отель находился всего в пятнадцати минутах езды от дома Афины в Малибу. Он немедленно направил к Афине четырех телохранителей, а еще двоих откомандировал в гостиницу Сканнета. Затем договорился со Сканнетом о встрече во второй половине дня.

На эту встречу он прихватил с собой трех своих самых здоровых и крепких парней. Когда имеешь дело с типом вроде Сканнета, никогда не знаешь, чем все кончится.

Сканнет пригласил их в номер. Держался любезно, с улыбкой поздоровался, но выпить не предложил. Как ни странно, он был в пиджаке, белой рубашке и галстук, словно желая продемонстрировать, что он все-таки банкир. Поллард представился и представил своих телохранителей, и все трое предъявили удостоверения Тихоокеанского агентства безопасности. Поглядев на них, Сканнет ухмыльнулся:

– Ну и здоровы же вы, ребята! Спорим на сотню «зеленых», что в честном поединке вышибу мозги любому.

Трое телохранителей, прекрасно подготовленные знатоки своего дела, ответили ему одобрительными улыбками, но Поллард намеренно оскорбился – ровно в меру.

– Мы пришли сюда говорить о деле, мистер Сканнет, а не для того, чтобы выслушивать угрозы. Киностудия «ЛоддСтоун» готова заплатить вам пятьдесят тысяч долларов сразу и затем выплачивать по двадцать тысяч ежемесячно в течение восьми месяцев. Все, что требуется от вас, это покинуть Лос-Анджелес. – С этими словами он вынул из портфеля контракты и бело-зеленый банковский чек.

Сканнет внимательно прочитал документ.

– Договор чрезвычайно прост. Чтобы его подписать, мне даже не надо советоваться с юристом. Но сумма маловата. Меня устроили бы сто тысяч сразу и по пятьдесят – ежемесячно.

– Это чересчур, – возразил Поллард. – Мы добились судебного постановления, запрещающего вам приближаться к Афине. Стоит вам оказаться в одном с ней квартале, как вы немедленно угодите за решетку. Мы охраняем Афины двадцать четыре часа в сутки. Кроме того, я отдал приказ установить за вами постоянное наблюдение. Так что можете считать, что вы нашли эти деньги на улице.

– Мне следовало приехать в Калифорнию раньше. Здесь мостят улицы золотом. А для чего вы все это затеяли?

– Студия хочет оградить Афины Аквитану, чтобы она согласилась вернуться к работе над кинофильмом.

– Ишь ты, стало быть, она и вправду большая звезда, – задумчиво проронил Сканнет. – Подумать только, что когда-то я трахал ее по пять раз на дню. – Обернувшись к трем телохранителям, он осклабился. – Да вдобавок мозговитая.

Поллард с любопытством разглядывал этого субъекта. У него такая же мужественная внешность, как у ковбоя с рекламных плакатов «Мальборо», с той только разницей, что физиономия Сканнета покраснела от солнца и выпивки, а фигура массивнее. У него забавный южный говорок, забавный и опасный одновременно. Женщины часто влюбляются в таких типов. В Нью-Йорке Поллард знал много полицейских с подобной внешностью, и все они были настоящими половыми бандитами. Посылаешь такого на место убийства, а через неделю он уже утешает молодую вдовушку. Кстати, если подумать, к этой категории фараонов относится и Джим Лоузи. Полларду никогда так не везло в этом плане.

– Давайте вернемся к делу. – Ему хотелось, чтобы Сканнет подписал договор и взял чек в присутствии свидетелей. Не исключено, что впоследствии это может пригодиться, если он нарушит условия контракта и киностудия подаст на него в суд.

Сканнет сел за стол.

– А ручка у вас есть?

Достав из портфеля ручку, Поллард проставил в пустой графе сумму ежемесячных выплат в двадцать тысяч долларов. Заметив это, Сканнет сказал:

– Выходит, я мог содрать с вас побольше. – Затем поставил свою подпись на трех экземплярах договора и спросил: – Когда я должен уехать из Лос-Анджелеса?

– Сегодня же ночью. Я отвезу вас в аэропорт.

– Нет, спасибо. Пожалуй, поеду своим ходом в Лас-Вегас, чтобы поиграть на этот чек.

– Я буду за вами следить. – Поллард решил, что настал момент показать зубы. – И хочу вас предупредить: если вы опять покажетесь в Лос-Анджелесе, я арестую вас за вымогательство.

Физиономия Сканнета расцвела.

– Вот здорово! Я прославлюсь не меньше Афины.

В ту же ночь группа наружного наблюдения доложила Полларду, что Боз Сканнет съехал из гостиницы, но только для того, чтобы перебраться в более фешенебельный отель «Беверли-Хиллз». Он посетил банк, чтобы перевести пятьдесят тысяч долларов с полученного чека на свой счет в Американском банке. Из чего Поллард заключил, что Сканнет действительно влиятельная личность, раз сумел пробиться в «Беверли-Хиллз», где никогда не бывает свободных мест, наплевав на только что подписанный договор. Поллард доложил обо всем Бобби Бентсу и спросил, что делать дальше. Бентс велел держать рот на замке. Контракт, подписанный Сканнетом, уже показали Афине, чтобы успокоить ее и уговорить вернуться в картину. Правда, Бентс умолчал при этом, что она рассмеялась ему в лицо.

– Вы можете аннулировать чек, – предложил Поллард.

– Нет, – отрезал Бентс, – пусть начнет тратить деньги, и тогда мы привлечем его к суду за мошенничество, за вымогательство или еще за что-нибудь. Главное, чтобы Афина не знала, что он еще в городе.

– Я удвою ее охрану, но, если он псих, если он и впрямь хочет причинить ей вред, это не поможет.

– Он просто блефует. В первый раз он не причинил ей вреда, так с какой же стати предпримет что-нибудь опасное в следующий раз?

– Я объясню, с какой, – заявил Поллард. – Мы тайно обыскали его номер. Угадайте, что мы нашли. Емкость с настоящей кислотой.

– Вот черт! А ты не можешь сообщить об этом фараонам? Скажем, Джиму Лоузи?

– Хранить кислоту – еще не преступление. А вот незаконный обыск – преступление. Сканнет может упечь меня за решетку.

– Ты мне ничего не говорил, – встрепенулся Бентс. – Мы вообще не разговаривали. И забудь все, о чем узнал.

– Разумеется, мистер Бентс. Я даже не стану выставять счет за информацию.

– Большое спасибо, – язвительно откликнулся Бентс. – Звони, если что.

Скиппи Дир наставлял Клавдию. Наставлял так, как и положено продюсеру наставлять сценаристку:

– Ты должна в полном смысле слова вылизать Афине задницу. Ты должна стенать, биться в рыданиях, устроить истерику. Должна напомнить обо всех благодеяниях, которыми осыпала ее и как ближайшая подруга, и как коллега. Ты обязана заставить ее вернуться в картину.

Клавдия уже привыкла к повадкам Скиппи.

– Но почему именно я? – холодно осведомилась она. – Ты продюсер, Дита – режиссер, Бентс – президент «ЛоддСтоун». Вот вы и лижите ей задницу. У вас в этом деле гораздо больше практики.

– Потому что это твоя картина от начала и до конца. Ты написала сценарий, нашла меня, нашла Афины. Если проект пойдет ко дну, твое имя до скончания дней будут связывать с провалом.

С этими словами Дир вышел, и Клавдия осталась в своем кабинете одна. Она понимала, что Дир прав, и в отчаянии подумала о своем брате Кроссе. Он единственный, кто способен ей помочь разрешить проблему Боза. Ей претила сама мысль о том, что надо спекулировать своей дружбой с Афиной; к тому же Клавдия понимала, что подруга откажет ей, а вот Кросс – ни за что. Он никогда ей не отказывал.

Клавдия позвонила в отель «Занаду» в Лас-Вегасе, но ей ответили, что Кросс сейчас в Квоге и вернется только завтра. При упоминании о Квоге на нее нахлынули воспоминания детства, которые она всегда пыталась выбросить из головы. Нет, она ни за что не позвонит брату в Квог. Ни под каким видом не будет больше иметь никаких дел с Клерikuцио. Ей не хотелось вспоминать о своем детстве и даже думать о своем отце или о ком-либо из Семьи.

Книга II

Клерикуцио и Пиппи Де Лена

Глава 3

Легенда о жестокости Семьи Клерикуцио родилась более ста лет назад на Сицилии. Клерикуцио лет двадцать воевали с другой семьей за право владеть клочком леса. Патриарх соперничающего клана дон Пьетро Форленца лежал на смертном одре, пережив восемьдесят пять лет опасностей и лишений, чтобы свалиться от апоплексического удара, и доктор предсказал, что жить ему осталось не больше недели. Но один из членов Семьи Клерикуцио проник в спальню умирающего и заколол его, выкрикивая при этом, что старик не заслужил мирной смерти.

Дон Доменико частенько рассказывал эту старинную историю, чтобы наглядно продемонстрировать, как глупо поступали раньше, и лишний раз напомнить о том, что жестокость без разбора – заурядное бахвальство. Жестокость – слишком ценное оружие, чтобы растрачивать его по пустякам, и пускать его в ход должно только при наличии веских причин.

У него имелись доказательства, что именно жестокость явилась причиной гибели сицилийских Клерикуцио. Когда власть в Италии узурпировали фашисты во главе с Муссолини, они сразу сообразили, что мафия должна быть уничтожена. Приостановив действие закона, они бросили на борьбу с нею сокрушительную силу войск. Мафия была сломлена ценой тюремного заключения или бегства тысяч зачастую ни в чем не повинных людей.

Только у клана Клерикуцио хватило отваги противостоять фашистским указам силой оружия. Они убили местного фашистского префекта, нападали на фашистские гарнизоны. Но что возмутительнее всего: когда Муссолини выступал с речью в Палермо, они похитили его котелок и зонтик, привезенные из Англии. Эта добродушная презрительная шутка превратила Муссолини в посмешище для всей Сицилии, что и повлекло гибель Клерикуцио. В их провинции сосредоточили массу войск. Четыреста членов клана Клерикуцио полегли с ходу. Еще пятьсот человек оказались на бесплодных островах в Средиземноморье, служивших местом ссылки. Выжило лишь самое ядро семейства, а молодого Доменико Клерикуцио переправили в Америку, где дон Доменико еще раз доказал, что яблоко от яблони недалеко падает, сумев построить собственную империю. Но он проявил куда больше хитроумия и прозорливости, нежели его предки на Сицилии. Однако он всегда помнил, что государство, где не уважают закон, – весьма опасный враг. За это он и любил Америку.

Дон очень рано уяснил знаменитый принцип американского правосудия: лучше пусть сто виноватых избегнут наказания, нежели будет наказан хоть один невинный. Потрясенный до глубины души этой невыразимо прекрасной сентенцией, дон стал пламенным патриотом Америки. Америка стала его родиной. Он никогда не покинет Америку.

Вдохновленный этим открытием, дон Доменико построил в Америке куда более прочную империю, чем та, что существовала на Сицилии. С помощью щедрых подношений он завоевал благосклонность всех политических и юридических структур. Не полагаясь на один-два стабильных источника дохода, он постоянно находил новые, проявляя талант и изобретательность, действуя в лучших традициях американского предпринимательства. Деятельность дона Доменико распространялась на строительную индустрию, переработку отходов, различные виды транспорта. Однако громадный поток наличности приносили ему азартные игры – любимый бизнес дона, хотя и не такой прибыльный, как торговля наркотиками, к которой дон всегда относился с недоверием. Так что в последние годы он позволял Семье напрямую рабо-

тать исключительно в игорном бизнесе. Остальные кланы просто смачивали клювик Клерikuцию пятипроцентными отчислениями за счет прочих видов деятельности.

Двадцать пять лет спустя планы и мечты дона наконец начали претворяться в жизнь. Азартные игры превратились в более уважаемый и, главное, все более законный вид развлечений. Словно на дрожжах росли и размножались различного рода государственные лотереи, с помощью которых правительство надувало собственных граждан. Выплата выигрышей растягивалась порой на два десятка лет, на чем государство бесстыдно грело руки, выплачивая лишь проценты по сумме выигрыша. А с процентов еще и взимало налоги. Вот такая шутка. Дон Доменико в деталях знал, как это делается, поскольку Семье принадлежала одна из компаний, от лица государства за хороший барыш проводившая лотереи в нескольких штатах.

Однако дон жил в ожидании дня, когда будет узаконен спортивный тотализатор, пока разрешенный в одном лишь штате Невада. Судя по урожаям, которые удавалось собрать на ниве подпольного букмекерства, доходы от легального тотализатора затмят собой все, что было до сих пор. Прибыль от ставок на матчи одного только футбольного Суперкубка может за один день составить миллиард долларов. Семь игр чемпионата мира принесут куш не меньше. Состязания между футбольными, хоккейными и баскетбольными командами различных университетов тоже превратятся в полноводные реки чистого золота. Люди по всей стране будут охвачены лихорадкой спортивного тотализатора, а замысловатые, многоходовые лотереи превратятся в совершенно законную золотую жилу. Дон понимал, что ему не суждено дожить до этого счастливого дня, но зато этот мир будет принадлежать его детям. Клерikuцию станут кем-то вроде герцогов эпохи Возрождения – покровителями искусств, советниками, а то и главами правительства, имена их будут с почтением упоминать в учебниках истории. Завораживающая золотая завеса скроет корни, давшие начало этому могуществу. Все его последователи, соратники и настоящие друзья отныне и во веки веков пребудут в безопасности. Пред мысленным взором дона представало цивилизованное общество, весь окружающий мир, будто исполинское плодоносящее дерево, способное укрыть и прокормить все человечество. Но корни этого великана обвивает бессмертный Пифон – Семья Клерikuцию, – питающийся соками из источника, которому не суждено иссякнуть.

Если Семья Клерikuцию являлась для множества кланов мафии, разбросанных по всем Соединенным Штатам, чем-то вроде Святой Церкви, то дон Доменико Клерikuцию олицетворял Папу Римского, уважаемого не только за ум, но и за силу.

Его почитали и за неукоснительное соблюдение сурового морального кодекса, насажденного в его Семье. Каждый мужчина, женщина и даже ребенок несет полную ответственность за свои поступки, независимо от мотивов, будь то отчаяние, угрызения совести или неудачное стечение обстоятельств. О мужчине судят по его делам, а слова – лишь пуканье на ветру. Дон презирал всяческие общественные науки и психологические экивоки, оставаясь преданным католиком: на этом свете – расплата за грехи, в ином – прощение. Каждый долг должен быть уплачен, и дон был строг при суде на этом свете.

И при воздаянии за верность. Прежде всего единокровная родня; затем его бог (для чего же еще у него в доме собственная часовня?) и, наконец, – его обязанности по отношению ко всем вассалам Семьи Клерikuцию.

Что же до общества и правительства – при всем патриотизме дона они никогда не принимались в расчет. Дон Клерikuцию родился на Сицилии, где общество и правительство – вековые заклятые враги. Его представление о свободе воли было весьма простым: ты волен стать рабом и зарабатывать хлеб насущный без достоинства и надежды или стать человеком, внушающим к себе уважение. Семья – твоё общество, твой бог – карающая десница, а соратники – твои защитники. И ты в долгу перед тем, кто поддерживает тебя на земле. Ты должен

заботиться, дабы у него были хлеб на столе, уважение света и защита от наказания другими смертными.

Не для того дон создавал свою империю, чтобы в один прекрасный день его дети и внуки пополнили беспомощную человеческую массу. Он добился власти и продолжал укреплять ее, чтобы имя и состояние Семьи существовали до тех пор, пока есть на свете церковь. Может ли у человека в этом мире быть более высокое предназначение, нежели зарабатывать на хлеб насущный, а в ином предстать перед всепрощающим божеством? Что же до собратьев-людей и их убогих общественных структур – пусть отправляются хоть на дно морское.

Дон Доменико привел свою Семью к вершинам могущества. Он добивался этого с жестокостью, достойной Борджиа, хитростью Макиавелли, помноженными на чисто американскую практичность и предприимчивость. Но превыше всего стояла патриархальная любовь к сподвижникам. Добродетель должна быть вознаграждена. Ущерб – отмщен. Средства к существованию – обеспечены.

В конечном итоге, как и планировал дон, Клерикуюцию достигли таких высот, что смогли отойти от преступной деятельности, берясь за «дело» лишь в самых крайних случаях. Другие Семьи служили им, как верные бароны, сиречь Bruglione, в случае неприятностей шедшие на поклон к Клерикуюцию. В итальянском языке слова «bruglione» и «baron» рифмуются, однако «bruglione» означает человека, выполняющего мелкие поручения. Остроумие дона Доменико, подстегнутое постоянными просьбами о помощи, заставило перекрестить баронов в Bruglione. Клерикуюцию мирили их друг с другом, вытаскивали из-за решетки, укрывали их нелегальные доходы в Европе, налаживали для них надежные каналы поставки наркотиков в Америку, использовали свое влияние на судей и правительственных чиновников и на уровне штатов, и на федеральном. На уровне муниципалитетов высочайшая помощь обычно не требовалась. Если Bruglione не в состоянии контролировать город, в котором живет, он не стоит и ломаного гроша.

Сцементировать могущество Семьи в немалой степени помог и финансовый гений Джорджио – старшего сына дона Клерикуюцию. Подобно некоей волшебной прачечной, он отмывал колоссальные суммы грязных денег – нечистот, исторгаемых современным обществом. Именно Джорджио всегда стремился умерить свирепость отца. Кроме того, Джорджио прилагал все усилия к тому, чтобы Семья Клерикуюцию постоянно оставалась в тени, вне досягаемости любопытных взглядов общественности. Так она и существовала, даже для властей оставаясь чем-то вроде НЛО. Где-то кто-то что-то видел, что-то слышал и пересказывал об этом с ужасом и благоговением. Упоминания о ней встречались в досье полиции и ФБР, но газеты не поминали Клерикуюцию ни словом, молчали о них даже бульварные листки, обычно упивающиеся расследованием дел различных Семей мафии, попавших в беду из-за собственной беззаботности и эгоизма.

Но беззубым тигром Семью Клерикуюцию уж никак не назовешь. Два младших брата Джорджио – Винсент и Пити – не так умны, как он, зато унаследовали свирепый отцовский нрав. И в их распоряжении имелась целая армия бойцов, обитавших в анклав Семьи в Бронксе, всегда принадлежавшем итальянцам. В этом анклав, состоявшем из сорока кварталов, можно было бы снимать фильмы из жизни старой Италии. Здесь не было ни бородатых евреев-хасидов, ни черных, ни азиатов, ни богемной молодежи, и никто из вышеперечисленных не владел здесь никакой недвижимостью или бизнесом. К примеру, вы не встретили бы там ни единого китайского рестораника. Вся недвижимость либо принадлежала Клерикуюцию, либо контролировалась Семьей. Разумеется, порой отпрыски некоторых итальянских семей отращивали длинные волосы и становились бунтарями-гитаристами, но таких быстренько сплавляли к родственникам в Калифорнию. Каждый год с Сицилии прибывало новое, тщательно отобранное пополнение. Владения Семьи в Бронксе располагались в окружении районов с самым высо-

ким в мире уровнем преступности, но в самом анклавѣ царили спокойствие и исключительная законопослушность.

Пиппи Де Лена проделал путь от мэра анклава до Bruglione Семьи в Лас-Вегасе, но так и остался в прямом подчинении у Клерикуюцио, по-прежнему нуждавшихся в его специфическом таланте.

Пиппи являл собой идеал Qualificato, то есть Квалифицированного Специалиста. Он рано начал и уже в семнадцать лет пошел на первое «дело». Восхищение вызывало и то, что этот подвиг он совершил с помощью гарроты – факт поистине замечательный, так как обычно неоперившиеся американские юнцы, дебютирующие на этом поприще, в своей глупой мальчишеской гордыне презирают удавку. Вдобавок Пиппи обладал большой физической силой, немалым ростом и пугающей массивностью. Само собой, он был экспертом и по части огнестрельного оружия и взрывчатки. Если же абстрагироваться от всего этого, Пиппи был милейшим человеком, отличавшимся неукротимой тягой к жизни. Совмещая в себе черты сицилийского крестьянина и американского киногероя, он покорял всех простодушием, обезоруживавшим мужчин, и галантностью, приводившей в восторг женщин. Он очень серьезно подходил к своей работе и в то же время считал, что жизнь – прекрасная штука, которой нужно наслаждаться.

У него были и свои маленькие слабости. Он был большим любителем выпить, играл в азартные игры и не пропускал ни одной юбки. И еще Пиппи был, пожалуй, не так жесток, как хотел бы дон, но это объяснялось тем, что он являлся чересчур компанейским человеком. Однако все эти небольшие недостатки каким-то непостижимым образом превращали его в еще более смертоносное оружие. Он использовал собственные пороки, чтобы избавлять организм от яда, а не накапливать их.

Безусловно, его успешной карьере в немалой степени способствовал тот факт, что Пиппи приходился дону племянником. В их жилах текла одна кровь, и это сыграло важную роль, когда Пиппи нарушил семейную традицию.

Никому не дано прожить жизнь без ошибок. Пиппи Де Лена в возрасте двадцати восьми лет женился по любви и усугубил эту ошибку тем, что выбрал женщину, совершенно непригодную в жены Квалифицированному Специалисту.

Налин Джессап была танцовщицей в музыкальном шоу лас-вегасского отеля «Занаду». Пиппи всегда с гордостью подчеркивал, что не девушкой из кордебалета, сотрясающей перед зрителями сиськами и демонстрирующей задницу, а именно *танцовщицей*. По меркам Вегаса, Налин была просто интеллектуалкой – много читала, интересовалась политикой и, уходя корнями в очень чопорную культуру белых южан-протестантов из столицы Калифорнии Сакраменто, придерживалась довольно консервативных взглядов.

Они являли полную противоположность друг другу. Пиппи не интересовала интеллектуальная жизнь, он редко читал, слушал музыку, ходил в театры или кино. Пиппи имел бычью внешность, а Налин напоминала цветок. Пиппи был весь нараспашку, полон обаяния, но вместе с тем излучал угрозу. Налин же, наоборот, была столь добра по характеру, что никто из ее коллег-танцовщиц никогда не мог с ней поспорить, хотя перепалки в их среде не редкость и зачастую просто помогают скоротать время.

Единственное, что их объединяло, – страсть к танцам. Стоило Пиппи Де Лене, устрашающему Молоту Клерикуюцио, ступить на танцплощадку, и он забывал обо всем на свете. Танцы воплощали для него поэзию, читать которую он был не в состоянии, средневековый дух рыцарства, нежность, придавали сексу изысканную утонченность; в танце он почти постигал нечто недоступное его уму.

А Налин Джессап это давало возможность заглянуть в сокровенные тайники его души. Нередко бывало, что перед близостью они часами танцевали, что превращало секс в некое

неземное общение, волшебный мост между родными душами. Пиппи разговаривал с Налин во время танцев – будь то в ее апартаментах или на танцплощадке вегасских отелей.

Он был прекрасным рассказчиком и не лез в карман за словом. Он легко и остроумно льстил ей и отпускал комплименты. Он, такой внушительно мужественный, мог улечься к ее ногам, словно раб, и внимать ее словам. Он с интересом и гордостью слушал ее рассказы о книгах, о театре, о долге демократии отстаивать права обездоленных и чернокожих, бороться за освобождение Южной Африки, помогать голодающим в странах третьего мира. Эти трогательные разговоры потрясали Пиппи до глубины души. Для него все это было в новинку.

Их во многом сближало и то, что они подходили друг другу сексуально. Будучи полными противоположностями, они непреодолимо тянулись друг к другу. Для их союза было хорошо еще и то, что Пиппи знал настоящую Налин, а Налин не знала подлинного Пиппи. Она видела перед собой лишь мужчину, который обожал ее, задаривал подарками и разделял ее мечты.

Они поженились через неделю после первой встречи. Налин было всего восемнадцать, она была просто глупышка. А Пиппи было двадцать восемь, и он был искренне влюблен. Как и Налин, он тоже был сторонником традиционных ценностей, хотя как бы с иного полюса, и оба хотели создать семью. К тому времени родители Налин уже отошли в мир иной, а Пиппи не рвался посвящать Клерikuцию в свои матримониальные планы. Тем более что они будут против. Лучше поставить их перед свершившимся фактом, а там как-нибудь спустить дело на тормозах. Молодые обвенчались в часовне в Лас-Вегасе.

Но Пиппи недооценил дону Клерikuцию, на самом деле одобрившего брак. Дон любил говаривать: «Главная обязанность мужчины в жизни – зарабатывать на хлеб насущный», – но какой в этом смысл, если у тебя нет ни жены, ни детей? Правда, он все же обиделся, что с ним не проконсультировались и не справили свадьбу в Семье Клерikuцию. В конце концов, в жилах Пиппи тоже течет их кровь.

– Пусть танцуют хоть на дне морском! – проворчал он, услышав известие о браке, но все же послал молодоженам щедрый свадебный подарок: огромный «Бьюик» и документы на право владения инкассирующим агентством, приносящим сказочный по тем временам доход – до ста тысяч долларов в год. При этом было сказано, что Пиппи Де Лена продолжает служить Семье Клерikuцию в качестве одного из наиболее приближенных к ней Bruglione на Западе, но лишается анклава в Бронксе, так что теперь его жена, не имеющая отношения к Семье, может жить в полной гармонии со своим благоверным. Она была для Семьи такой же чужой, как мусульмане, негры, хасиды и азиаты, на разговоры о которых вообще было наложено вето. Таким образом, Пиппи, хотя и остался Молотом Клерikuцию и местным бароном, все же утратил значительную долю своего влияния в Квоге.

Самым дорогим гостем на венчании был Альфред Гронвельт. После окончания обряда он устроил в своем отеле скромный праздничный обед, на котором жених и невеста танцевали всю ночь напролет. В последующие годы между Гронвельтом и Пиппи Де Леной возникла крепкая и искренняя дружба.

Этот брак продолжался достаточно долго для того, чтобы его результатом стало рождение двоих детей – сына и дочери. Старшего окрестили Кроччифисио, но называли только Кроссом. В возрасте десяти лет он был точной копией матери – с таким же, как у нее, гибким телом и нежным, но в то же время мужественно-красивым лицом. Наряду с этим он унаследовал физическую силу и фантастическую ловкость отца. А вот младшая – Клавдия – в свои девять лет была копией отца. Грубоватые черты ее лица не казались уродливыми лишь благодаря детской свежести и невинности. Таланты отца к ней не перешли. Однако девочку отличали присущие матери любовь к книгам, музыке и театру, а также душевная мягкость. И ничуть не удивительно, что Кросс тяготел к отцу, а Клавдия – к матери.

В течение одиннадцати лет, пока семья Де Лены не распалась, все шло очень хорошо. Пиппи окончательно утвердился в Лас-Вегасе в качестве Bruglione, сборщика денег для отеля «Занаду», и продолжал служить Молотом Клерikuцио. Он разбогател, жил на широкую ногу, хотя, следуя указанию дона, и не выставлял свое богатство напоказ. Пил, играл в казино, танцевал с женой, возился со своими детьми и пытался подготовить их к вступлению во взрослую жизнь.

Привыкнув смотреть в лицо опасности, он научился жить, заглядывая вперед, и это стало одной из причин его успеха. Он заранее предвидел момент, когда Кросс из мальчишки превратится в мужчину, и хотел, чтобы этот мужчина стал его союзником. А может, просто хотел иметь рядом с собой хотя бы одну живую душу, которой мог бы полностью доверять.

Поэтому он с детства готовил Кросса к будущей жизни. Учил его секретам азартных игр, брал с собой на обеды к Гронвельту, чтобы мальчик слушал истории о бесчисленных способах обмануть казино. Все они начинались одними и теми же словами. «Каждую ночь, – говорил Гронвельт, – миллионы человек лежат без сна, ломая головы над тем, как бы надуть мое казино».

Пиппи брал Кросса на охоту, учил свежевать и потрошить убитую дичь, чтобы парень привык к запаху крови и виду своих окровавленных рук. Он заставил Кросса учиться боксу, чтобы тот узнал, что такое боль, обучал его стрелять и заботиться об оружии – за исключением, разумеется, гарроты. В конце концов, это просто его личная слабость, а в нынешние времена толку от удавки маловато. Кроме того, было бы сложно объяснить матери мальчика, что это за странная веревка.

Семье Клерikuцио принадлежала большая охотничья хижина в горах Невады, и Пиппи с семьей часто ездил туда отдыхать. Он брал детей на охоту, а Налин тем временем сидела в теплом доме, углубившись в свои книги. Кроссу нередко удавалось подстрелить волка, оленя, а порой даже пуму или медведя, что говорило о его способностях, об умении чувствовать оружие и обращаться с ним, проявляя при этом должную осмотрительность. В минуты опасности он сохранял абсолютное спокойствие, не морщился, когда приходилось запускать руки по локоть в окровавленные внутренности. Отсекая конечности и головы убитых зверей, снимая с них шкуры, он ни разу не пожаловался.

Клавдия не выказывала подобных доблестей – морщилась при стрельбе, а когда свежевали оленя, ее стошнило. После пары таких походов она наотрез отказалась покидать хижину и с тех пор проводила время с матерью, читая вместе или прогуливаясь вдоль бежавшего неподалеку ручья. Клавдия отказывалась даже ловить рыбу, потому что не могла заставить себя вонзить стальной крючок в живого червяка.

Тогда Пиппи сосредоточил внимание на сыне. Научил мальчика основам правильного поведения: никогда не показывай своего гнева и ничего не рассказывай о себе. Заслуживай уважение окружающих не словами, а делами. Уважай членов семьи, своих единокровных родственников. Азартные игры – отдых, а не средство зарабатывать на жизнь. Люби отца, мать и сестру, но опасайся любить любую другую женщину, кроме своей жены. А жена – это женщина, вынашивающая твоих детей. И если уж ты стал отцом, целью твоей жизни раз и навсегда становится добывание для детей хлеба насущного.

Кросс оказался таким великолепным учеником, что Пиппи в нем души не чаял. И еще ему нравилось то, что мальчик похож на Налин, что он так же грациозен, как и мать, но, к счастью, не разделяет ее интеллектуальных пристрастий, в конечном счете разрушивших их семью.

Пиппи никогда не верил в осуществление мечты дона о том, что со временем младшее поколение Семьи растворится в море законопослушных граждан. Он даже не считал, что это вообще было бы хорошо. Пиппи безоговорочно признавал гениальность дона, но в этом

вопросе великого старика явно занесло в какие-то романтические дебри. Ведь любой отец хочет, чтобы его сын работал вместе с ним и был бы похож на него. Зов крови силен, от него не укрыться.

И здесь Пиппи был убежден в своей правоте. Что бы там ни замышлял дон Клерikuцио, даже его собственный внук Данте никак не желал вписываться в грандиозные планы дедушки. Данте вырос настоящим сицилийцем – властным, с железной волей и горячей кровью. Он не испытывал ни малейшего страха, преступая законы – человеческие и божеские.

Когда Кроссу было семь, а Клавдии – шесть, у Кросса, агрессивного по натуре, появилась привычка бить сестру в живот, даже при отце. Клавдия плакала и звала на помощь. Пиппи решал эту проблему по-разному. Иногда он просто приказывал сыну, чтобы тот прекратил издеваться над сестрой, и, если тот не слушался, частенько хватал его за шиворот и поднимал в воздух. Он мог сказать Клавдии, чтобы она дала брату сдачи, мог даже привязать Кросса к батарее, что уже проделывал один или два раза. Но однажды – то ли из-за того, что недавно пообедал и предался благодушной лени, то ли, вероятнее всего, потому, что Налин всегда возмущалась, когда он занимался рукоприкладством в отношении детей, – Пиппи закурил сигарету, прищурился и спокойно сказал, обращаясь к сыну:

– Каждый раз, когда ты ударишь сестру, я буду давать ей доллар.

Кросс продолжал колотить Клавдию, но теперь это вызывало у нее ликование, поскольку после каждого удара на нее сыпался золотой дождь. Кросс окончательно растерялся и перестал бить сестру.

Пиппи осыпал подарками и жену, но это были подарки хозяина своему рабу – взятки, призванные скрасить кабалу. Правда, дорогие: бриллиантовые кольца, роскошные шубы, увеселительные поездки в Европу. Он купил специально для нее дом в Сакраменто, где Налин могла отдыхать от Лас-Вегаса, который ненавидела всей душой. Преподнося ей «Бентли», Пиппи надел униформу шофера и самолично пригнал машину к дому. Незадолго до того, как их брак окончательно распался, он преподнес жене уникальное кольцо с официальным сертификатом, удостоверявшим, что сия драгоценность – из сокровищ Борджиа. Единственное, в чем он ограничивал ее, так это в использовании кредитных карточек. Все свои покупки она должна была оплачивать из тех сумм, которые выделялись на содержание дома. Сам Пиппи никогда не пользовался карточками.

Зато был терпим во многих других отношениях. Так, Налин пользовалась неограниченной свободой передвижений. Пиппи не относился к числу ревнивых мужей-итальянцев. Хотя из-за недостатка свободного времени сам он был лишен возможности совершать увеселительные поездки за границу, он спокойно отпускал в них жену с подругами, поскольку ей отчаянно хотелось посетить музеи в Лондоне, балет в Париже и оперу в Италии.

Иногда она просто поражалась полному отсутствию у него ревности, но с годами поняла, в чем тут дело: просто ни один мужчина в здравом уме, входивший в круг их общения, никогда не осмелился бы ухаживать за ней. И Пиппи это знал.

Дон Клерikuцио как-то раз язвительно сказал по поводу их брака:

– Неужели они всерьез полагают, что смогут танцевать всю свою жизнь?

Как выяснилось, нет. Из-за своих сверхъестественно длинных ног Налин никогда не достигла бы высот в танцах, а прожигать жизнь не умела из-за избытка серьезности. Так что ей оставалось только искать счастья в браке. И в первые четыре года замужества она действительно была счастлива. Растила детей, училась в Невадском университете и жадно читала.

Однако Пиппи уже утратил интерес к проблемам окружающей среды, больше не жалел хныкающих черномазых, по своей глупости даже не умеющих красть так, чтобы не попасться, а уж какие-то там индейцы могли вообще хоть сквозь землю провалиться. Разговоры о книгах и музыке были выше его понимания, а требования Налин не бить детей озадачивали его. Дети

– те же животные; разве научишь их культурному поведению, не швыряя время от времени о стену? Он ведь всегда рассчитывал силы так, чтобы не причинить им вреда.

В итоге на четвертом году их брака Пиппи завел себе любовниц: одну в Лас-Вегасе, вторую в Лос-Анджелесе, а третью в Нью-Йорке. Налин отомстила ему тем, что получила диплом преподавателя.

Они изо всех сил старались сохранить семью. Они оба любили своих детей и хотели сделать их жизнь как можно приятнее. Налин проводила с ними долгие часы, в течение которых они вместе читали, пели и танцевали. Брак еще кое-как держался благодаря легкому нраву и чувству юмора, присущим Пиппи. Его жизнерадостность и бьющая ключом веселая энергия помогали маскировать и сглаживать трещины в отношениях с женой. Дети обожали мать и любили отца. Мать – за красоту, нежность, мягкость и любовь к ним, отца – за силу.

Оба родителя оказались прекрасными учителями. От матери дети переняли умение вести себя в обществе, изысканные манеры, а также научились танцевать, со вкусом одеваться и следить за собой. Отец дал им представление о мире, в котором им предстоит жить, научил защищаться, играть в азартные игры и поддерживать физическую форму. Они никогда не обижались на отца за то, что тот время от времени задавал им взбучку, ведь к этому методу он прибегал только в тех случаях, когда они того заслужили, никогда не выходил из себя и не поминал вину после понесенного наказания.

Кросс обладал бесстрашием, но в случае надобности умел быть и гибким. Клавдия не отличалась мужеством брата, зато обладала изрядным запасом упрямства. Им помогало и то, что они никогда не испытывали недостатка в деньгах.

С течением лет Налин стала кое-что замечать. Сначала – разные мелочи. Например, когда Пиппи учил детей карточным играм – «блэк джеку», покеру и джину, – он сначала обчищал их до нитки, выиграв у них все карманные деньги, но под конец игры непременно позволял отыграться, так что ребятишки засыпали, радуясь одержанной победе. Забавно, но еще совсем маленькой Клавдия любила играть в карты гораздо больше, чем брат. Потом Пиппи объяснял и показывал им, как ему удалось их обжулить. Налин это сердило. Ей казалось, что он играет их жизнями так же, как сыграл ею. Она говорила, что это не образование, а позор. Он же отвечал, что хочет подготовить детей к реальной жизни, а не к той, вымышленной и прекрасной, к которой готовит их она.

В кармане Пиппи всегда было слишком много наличных, и этот факт вызывал у его жены не меньше подозрений, чем вызвал бы у налогового инспектора. Да, Пиппи – владелец инкассирующего агентства, его бизнес процветает, но все же он не настолько доходен, чтобы позволить жить на такую широкую ногу.

Когда они брали отпуск и, отправляясь на Восточное побережье, неизбежно общались с другими членами Семьи Клерikuцио, Налин не могла не заметить, каким уважением пользовался ее муж. Она обратила внимание и на то, как осторожно ведут себя по отношению к Пиппи другие мужчины. От ее внимания не укрылись и долгие беседы, которые они вели между собой, уединившись от посторонних.

Были и другие мелочи. Не реже одного раза в месяц Пиппи приходилось уезжать в командировки. Налин ничего не знала об этих его деловых поездках, а сам он никогда о них не рассказывал. У него имелось официальное разрешение на ношение огнестрельного оружия, и это было логично. В конце концов, его работа заключается в том, чтобы собирать и перевозить значительные суммы денег. Надо признать, что он был очень осторожен. Налин и дети никогда не получали доступ к оружию, а патроны Пиппи всегда хранил в отдельном запертом ящике.

С годами такие поездки стали случаться все чаще, и Налин приходилось проводить все больше времени, сидя дома с детьми. Между супругами нарастала и сексуальная отчужденность, и чем нежнее, чем опытнее он проявлял себя во время интимной близости, тем шире становилась разделявшая их пропасть.

Ни один мужчина не сумеет на протяжении многих лет успешно скрывать свою истинную сущность от близкого человека. В итоге Налин убедилась, что Пиппи – человек, живущий только своими интересами, что в душе он жесток, хотя никогда не проявлял жестокости по отношению к ней, скрытен, несмотря на свою кажущуюся открытость, и опасен, невзирая на внешнее дружелюбие.

У него были и свои маленькие странности, которые временами казались невыносимыми. К примеру, всем окружающим должно было нравиться то же, что нравится ему. Как-то раз они пригласили знакомую пару на ужин в итальянский ресторан. Гостям не слишком приглянулась по вкусу итальянская кухня, и они вяло ковыряли вилками в тарелках. Заметив это, Пиппи возмущенно отодвинул свою и больше к ней не прикоснулся.

Иногда он рассказывал о своей работе в агентстве. Практически все крупные отели Лас-Вегаса имеют казино, и почти все они числились среди его клиентов. Работа Пиппи заключалась в том, чтобы получать долги с тех, кто играл в кредит, а потом отказывался платить. Он убеждал Налин, что сила в таких случаях никогда не применяется, и для вразумления упрямого неплательщика существуют специальные методы убеждения. Уплата долга – дело чести. Каждый должен отвечать за свои поступки, и Пиппи воспринимал в качестве личного оскорбления, когда серьезные люди отказывались возвращать долги. Врачи, юристы, руководители компаний с удовольствием принимали дополнительные услуги отелей, а потом пытались уклониться от выполнения своей половины соглашения. Но получить деньги у этой публики было легко. Приходишь в контору в разгар рабочего дня и устраиваешь громкий скандал, который должен быть слышен и сотрудникам, и клиентам. Закатываешь сцену, никаких угроз, называешь собеседника зlostным неплательщиком, патологически азартным игроком, пренебрегающим профессиональными обязанностями, чтобы потакать своим порокам.

Куда труднее иметь дело с мелкими бизнесменами, пытающимися выдать пенни за доллар. Опять же, встречаются умники, выписывающие чеки, которые банк не принимает, а после твердящие, что тут произошла какая-то ошибка. Любимый номер таких типов – выписать чек на десять тысяч, когда на банковском счету всего восемь. Однако у Пиппи был доступ к банковской информации, и в таких случаях он попросту клал на счет должника недостающие две тысячи, а потом разом снимал всю сумму. Рассказывая Налин об этих маленьких хитростях, Пиппи весело смеялся.

Однако самой важной частью его работы являлось даже не это. Со слов Пиппи следовало, что главное заключалось не только в том, чтобы убедить игрока вернуть долг, а еще и заставить его и дальше играть в казино. Даже проигравшийся игрок представляет собой определенную ценность. Он работает, он зарабатывает деньги, а следовательно, может приносить доход. Поэтому проще отсрочить выплату той суммы, которую он задолжал, заставить его играть в твоём казино уже в кредит, а все выигрыши забирать в счет долга.

Как-то ночью Пиппи поведал историю, казавшуюся ему чрезвычайно смешной. Однажды он работал у себя в агентстве, расположенном в большом торговом центре неподалеку от отеля «Занаду», и вдруг с улицы послышались звуки выстрелов. Он опрометью кинулся наружу и поспел как раз вовремя, чтобы увидеть двух вооруженных грабителей, выскочивших из расположенного по соседству ювелирного магазина. Недолго думая, Пиппи выхватил пистолет и открыл по ним огонь, но промахнулся, и налетчики, прыгнув в машину, скрылись. Через пару минут подъехала полиция и, допросив всех свидетелей, арестовала Пиппи. Разумеется, они знали, что его пистолет зарегистрирован и выдан в соответствии со всеми правилами, но, открыв огонь, он совершил преступление, состав которого формулируется как «небрежное и опасное для окружающих обращение с огнестрельным оружием». Правда, вскоре в полицейский участок приехал Альфред Гронвельт и внес за него залог.

– Кой черт меня дернул стрелять? – вопрошал Пиппи. – Альфред предположил, что в тот момент во мне, наверное, проснулся охотник. Но я так до сих пор и не знаю. Подумать

только: чтобы я стрелял в грабителей! Я – на страже общества! И при этом меня же еще и засадили за решетку!

Время от времени приоткрываясь перед женой таким вот образом, Пиппи поступал весьма мудро. Налин получала возможность заглянуть внутрь его чуточку глубже, но всего лишь – чуточку. Его настоящие секреты по-прежнему оставались для нее за семью печатями. Окончательно она решила развестись с ним после того, как Пиппи Де Лена был арестован за убийство.

Дэнни Фуберта владел агентством путешествий в Нью-Йорке, купленным на деньги, которые он сумел скопить, занимаясь ростовщичеством под крышей еще существовавших тогда Сантадио, и после этого стал делать уже настоящие деньги, превратившись в карусельщика.

Карусельщики живут тем, что заключают с вегасскими отелями эксклюзивные контракты по поставке клиентуры. Дэнни Фуберта ежемесячно арендовал «Боинг-747» и подбивал примерно две сотни человек отдохнуть в отеле «Занаду». Уплатив довольно скромную сумму в тысячу долларов, каждый из клиентов получал право на перелет из Нью-Йорка в Лас-Вегас и обратно, бесплатную еду и выпивку в самолете и бесплатный номер в отеле, где – опять же – мог есть и пить бесплатно и без ограничений. По этой причине у Фуберты не было отбоя в клиентах, и выбирал он их очень тщательно. Это должны были быть люди с хорошими доходами, не обязательно легальными, намеревавшиеся играть в казино как минимум по четыре часа в день. И конечно, было желательно, чтобы они открывали кредит в кассе отеля «Занаду».

Одно из величайших достоинств Фуберты состояло в том, что он водил дружбу с разного рода жуликами, грабителями, наркоторговцами, контрабандистами, подпольными производителями «фирменной» одежды и прочим сбродом, в изобилии шныряющим в мутной воде Нью-Йорка. Эти люди составляли основной контингент Фуберты. В конце концов, их жизнь полна стрессов, и время от времени им необходимо расслабиться и оттянуться. Зарабатывая колоссальные суммы черного нала, они любили играть.

За каждый самолет с двумя сотнями клиентов, привезенных в «Занаду», Фуберта получал двадцать тысяч долларов, а порой, когда проигрыш его клиентов превышал обычный, ему выплачивали еще и премию. Все это вместе плюс те деньги, которые он получал непосредственно со своих клиентов, обеспечивало его более чем внушительным месячным доходом. К несчастью, Фуберта и сам питал слабость к азартным играм. И вот настал день, когда его проигрыши превысили доходы.

Предприимчивый делец Фуберта очень быстро придумал способ, как выбраться из этой сложной ситуации. Одной из его обязанностей в качестве карусельщика являлась задача удостовериться в платежеспособности клиента, чтобы отель мог открыть последнему кредит. Фуберта нанял четырех субъектов, до этого с пистолетами в руках грабивших банки, и они совместно разработали план, как похитить из «Занаду» восемьсот тысяч долларов.

Фуберта снабдил четверку бандитов фальшивыми документами, в соответствии с которыми они являлись владельцами крупного торгового центра, специализирующегося на продаже модной одежды, и пользовались почти неограниченным банковским кредитом. Остальные детали их «биографий» были также вымышлены от начала до конца. На основании этих бумаг Фуберта сообщил отелю, что казино «Занаду» может спокойно предоставить этим людям кредит в размере до двухсот тысяч долларов. И – включил их в список пассажиров своего очередного чартерного рейса в Лас-Вегас.

– Да, – сказал впоследствии Гронвельт, – они неплохо порезвились!

В течение двух дней пребывания в «Занаду» Фуберта и его банда не отказывали себе ни в чем, подписывая колоссальные счета за обслуживание, покупки в гостиничном магазине сувениров, в ресторане, где с утра до вечера кутили с целым сонмом красоток, но это были

мелочи. Главное заключалось в том, что они набрали в кассе казино черных фишек и подписали векселя.

Четверка разделилась на две команды. Одни кидали кости, другие делали ставки против них. Играя таким образом, они при любом раскладе должны были остаться при своих, но четверка, подписав долговые расписки, набрала в кассе фишек на миллион долларов, а Фуберта обратил их в наличные. Они играли азартно, как настоящие игроки, но при этом переливали воду из пустого в порожнее. Компания жуликов обнаружила в себе недюжинное актерское дарование и разыграла целое представление. Перед броском они суеверно дули на кости, громко стонали, проигрывая, и восторженно вопили, выигрывая. В конце дня они отдали все свои фишки Фуберте, чтобы тот обратил их в наличность, и, подписав новые векселя, взяли в кассе новую порцию фишек. Через два дня банда стала богаче на восемьсот тысяч долларов, набрав в магазине еще на двести тысяч подарков. Но при этом в кассе остались их векселя на один миллион долларов.

Четыреста тысяч Дэнни Фуберта в качестве мозгового центра забрал себе, а остальное поделили его сообщники. Их это вполне удовлетворило, тем более что Фуберта пообещал повторить вылазку. Отличные выходные в роскошном отеле, бесплатная еда и выпивка, шикарные девочки да еще по сто штук в придачу. Это куда лучше, чем, рискуя головой, грабить банки.

Гронвельт раскрыл мошенничество на следующий же день. Ежедневные отчеты показывали, что кредит, предоставленный клиентам Фуберты, превысил все мыслимые нормы. В то же время выручка со стола, на котором они играли в течение двух ночей, была слишком маленькой, учитывая, какие суммы были задействованы в игре. Гронвельт потребовал видеозапись, сделанную «небесным оком», и уже через десять минут просмотра разгадал суть всей операции. Он понял, что векселя на миллион долларов не стоили даже той бумаги, на которой были написаны, а документы, удостоверявшие платежеспособность игроков, – фальшивка.

Гронвельт пришел в ярость. За истекшие годы он страдал от мошенников несметное число раз, но с таким глупым жульничеством не сталкивался еще никогда. Кроме того, ему нравился Дэнни Фуберта – человек, благодаря которому «Занаду» зарабатывал большие деньги. Гронвельт заранее знал, что будет твердить Фуберта: мол, он тоже был введен в заблуждение фальшивыми документами и сам пал невинной жертвой обмана.

Гронвельта взбесила и вопиющая некомпетентность персонала казино. Крупье стола, за которым орудовали жулики, должен был раскусить махинацию, а менеджеру зала следовало заметить встречные ставки. В конце концов, трюк-то был достаточно незамысловатым. Но люди, когда им хорошо, расслабляются, и Лас-Вегас – не исключение. Гронвельт с сожалением подумал, что придется либо уволить этих служащих, либо как минимум понизить их в должности, после чего обоим снова придется крутить колесо рулетки. Но от одной вещи ему не отвертеться. Он обязан рассказать о мошенничестве Дэнни Фуберты Клерikuцио.

Первым делом он пригласил в отель Пиппи Де Лену, где показал ему фальшивые документы и видеозапись, сделанную скрытой видеокамерой. Фуберту Пиппи знал, но остальных четырех видел впервые, поэтому Гронвельт приказал сделать с видеопленки фотографии жуликов и вручил их Пиппи.

Тот покачал головой:

– Неужели Дэнни всерьез решил, что это сойдет ему с рук? Я думал, он мелкий предприниматель.

– Он игрок, а они всегда считают, что у них на руках выигрышные карты. – Гронвельт помолчал и добавил: – Дэнни станет божиться, что он тут ни при чем, но не забывай, именно он должен был убедиться в их платежеспособности. Он скажет, что понадеялся на их документы, но нас это не касается. Это дело карусельщика – проверить своих клиентов. Он обязан знать о них все.

Пиппи с улыбкой похлопал Гронвельта по спине.

– Не волнуйся, меня ему убедить не удастся.

Оба засмеялись. Не имеет значения, виновен Фуберта или нет. Он должен отвечать за свои ошибки.

На следующий день Пиппи вылетел в Нью-Йорк, чтобы доложить о случившемся Семье Клерikuцию в Квоге.

Миновав охраняемые ворота, он поехал по длинной мощеной дороге, которая прорезала широкий, покрытый короткой травкой луг и шла вдоль стены, защищенной колючей проволокой и электронной сигнализацией. У входа в особняк стоял еще один охранник. И все это – в мирное время.

Поприветствовав приехавшего Пиппи, Джорджио провел его через дом в расположенный позади особняка сад. Тут были грядки, на которых росли помидоры, огурцы, латук и даже дыни, а над ними покачивали своими огромными листьями фиговые деревья. Цветы дон не признавал, считая их бесполезными растениями.

Семья сидела вокруг круглого деревянного стола за ранним ленчем. Дон, несмотря на свои почти семьдесят лет, лучился здоровьем и, по всей видимости, наслаждался свежим воздухом, напоенным ароматом смоковниц. Он кормил десятилетнего внука Данте – ровесника Кросса, крупного, но несколько высокомерного парнишку. Пиппи всегда при виде его испытывал искушение шлепнуть сорванца. Дон был игрушкой в руках внука – то и дело вытирал ему губы и бормотал всякие нежности. Винсент и Пити выглядели кислыми. Деловой разговор не может начаться, пока ребенок не закончит трапезу и Роз-Мари не уведет сына прочь. Наконец Данте удалился. Проводив внука сияющим взглядом, дон Доменико обернулся к Пиппи.

– А, мой верный Молот! Что ты думаешь о Фуберте, об этом негодяе? Мы даем ему возможность зарабатывать, а он пытается нас обмануть!

Джорджио проговорил умиротворяющим тоном:

– Если он вернет деньги, то сможет по-прежнему работать на нас.

Только это соображение могло сыграть в пользу помилования провинившегося.

– Деньги немалые, – откликнулся дон. – Мы должны получить их обратно. Что ты об этом думаешь, Пиппи?

– Могу попробовать, – развел руками Пиппи. – Но это не та публика, которая откладывает на черный день.

Винсент, который терпеть не мог пустопорожние разговоры, предложил:

– Давайте посмотрим снимки.

Пиппи вытащил фотографии. Некоторое время Винсент и Пити молча разглядывали физиономии четырех грабителей. Затем Винсент сказал:

– Мы с Пити их знаем.

– Хорошо, – кивнул Пиппи. – Значит, сможете приструнить этих четверых. А как мне поступить с Фубертой?

– Они проявили неуважение к нам, – изрек дон. – За кого они нас принимают? За каких-нибудь беспомощных дураков, которые кинутся в полицию? Винсент, Пити, вы двое будете помогать Пиппи. Я хочу, чтобы вы вернули деньги и наказали этих негодяев.

Все встало на свои места: Пиппи назначен главным, а пятерым провинившимся вынесен смертный приговор.

Дон оставил мужчин сидеть за столом, а сам отправился гулять по саду.

– Старик слишком жесток, – вздохнул Джорджио. – Сейчас другие времена. Риск больше, чем может оказаться выгода.

– Нет, если четверьмя бандитами займутся Винсент и Пити, – возразил Пиппи. – Как ты смотришь, Винс?

– Джорджио, – отозвался тот, – ты должен поговорить со стариком. У этой четверки денег не окажется, нам придется пойти на сделку. Пусть заработают, вернут долг и идут себе с миром. Если же мы их закопаем, денег нам не выдать.

Винсент был реалистом и никогда не позволял кровожадности взять верх над практическими соображениями.

– Хорошо, я преподнесу это папе, – согласился Джорджио. – В конце концов, они были всего лишь на подхвате. Но Фуберте он не спустит.

– Карусельщикам необходимо задать урок, – поддержал его Пиппи.

– Кузен Пиппи, – с улыбкой обратился к нему Джорджио, – какое вознаграждение ты рассчитываешь получить, берясь за это дело?

Пиппи ненавидел, когда Джорджио называл его кузеном. Если Винсент и Пити обращались к нему так от чистого сердца, то Джорджио употреблял это слово лишь в тех случаях, когда между ними начинался торг.

– Фуберта – моя работа. Вы дали мне инкассаторское агентство, я получаю зарплату в «Занаду». Но вернуть деньги настолько трудно, что я должен получить определенный процент. Точно так же, как Винс и Пити, если они вытянут что-нибудь из негодяев.

– Справедливо, – одобрил Джорджио. – Но это не то же самое, что собирать законные долги, так что в данном случае ты не можешь рассчитывать на пятьдесят процентов.

– Нет, – согласился Пиппи, – конечно, нет. Дайте мне только клювик помочить.

Все засмеялись над старым сицилийским выражением.

– Джорджио, не мелочись, – сказал Пити. – Неужто ты хочешь обобрать и нас с Винсентом?

Пити – нынешний правитель анклава, командир Блюстителей Семьи, – всегда настаивал на том, что люди, нажимающие на спусковой крючок, должны получать больше. Свою долю он разделит со своими людьми.

– Жадины, – улыбнулся Джорджио. – Я предложу старику дать вам двадцать процентов.

Пиппи знал, что это обещание обернется пятнадцатью, а то и десятью процентами, но с Джорджио так кончается всегда.

– А может, сбросим в общий котел? – предложил Винсент Пиппи.

Это означало, что трое мужчин разделят поровну все деньги, которые получают в результате задуманной операции, вне зависимости от того, кому сколько удалось вернуть. Это был жест доброй воли. Потому что гораздо проще получить долг у тех, кому дарована жизнь, нежели заставить расплатиться того, кто обречен. Винсент понимал, что по сравнению с ними Пиппи находится в менее выгодной ситуации, и решил проявить по отношению к нему щедрость.

– С удовольствием, Винс, – отозвался Пиппи, – буду признателен.

Он повернул голову и увидел дону и Данте, которые, взявшись за руки, гуляли в дальнем конце сада. Заметив его взгляд, Джорджио сказал:

– Удивительно, до чего хорошо ладят отец и Данте. Ко мне он никогда не был так добр. То и дело о чем-то шепчутся друг с другом. Ну и хорошо. Наш старик – умница, мальчик может многому у него научиться.

Пиппи видел, как старик и мальчик повернули друг к другу лица – будто их объединяла какая-то страшная тайна, которая со временем позволит им повелевать и землей, и небом. Со временем Пиппи поверит в то, что это видение сглазило его и положило начало его беде.

Своей репутацией Пиппи Де Лена был во многом обязан умению планировать. Он являлся не просто боевой гориллой, а опытным стратегом и при выполнении очередного задания полагался больше на ум, нежели на грубую силу.

Что касается Дэнни Фуберты, то здесь существовало три проблемы. Во-первых, вернуть похищенные им деньги. Во-вторых, тщательно скоординировать свои действия с действиями Винсента и Пити Клерikuцио. Это, впрочем, было несложно. Винсент и Пити работали на славу. Им понадобилось всего два дня для того, чтобы напасть на след мерзавцев, выбить из них признание и договориться об условиях и сроках возвращения денег. В-третьих, ему предстояло убить Дэнни Фуберту.

Пиппи не составило большого труда якобы случайно встретиться с Фубертой на улице, обрушить на него весь запас своего обаяния и затащить в качестве гостя на обед в китайский ресторанчик в Истсайте. Фуберта знал, что Пиппи собирает долги для «Занаду». На протяжении нескольких лет общий бизнес не раз сводил их вместе, и теперь Пиппи, казалось, был неподдельно рад, что ему наконец удалось вырваться в Нью-Йорк. Фуберта не смог отказаться от приглашения.

Пиппи не торопился приступать к делу. Он заговорил лишь тогда, когда заказ был сделан и официант ушел на кухню.

– Гронвельт рассказал мне о том, как его надули. Ты несешь ответственность за то, что этим парням был предоставлен кредит.

Фуберта стал клясться в том, что он невиновен, но Пиппи в ответ широко улыбнулся и дружески похлопал его по плечу.

– Брось, Дэнни! У Гронвельта есть видеозапись, а четверо твоих подельщиков уже во всем покаялись. Ты попал в большую беду, но, если вернешь деньги, я постараюсь все уладить. Может быть, даже смогу добиться, чтобы тебе разрешили и дальше оставаться карусельщиком. – Чтобы не быть голословным, он вытащил из кармана фотографии четырех грабителей. – Вот они, твои парни. Как раз сейчас поют, как соловьи, и, кстати, все валят на тебя. Они рассказали нам, как вы поделили деньги. Так что, если вернешь четыреста штук, можешь считать, что выкрутился.

– Я, конечно, знаю этих парней, – подтвердил Фуберта, – но они крутые ребята и не станут колотиться.

– Если только им задают вопросы не Клерikuцио.

– О черт! – выругался Дэнни. – Я не знал, что отель держат Клерikuцио.

– Теперь знаешь, – сказал Пиппи. – Если они не получают обратно свои деньги, твое дело дрянь.

– Я пошел, – заявил Фуберта.

– Нет-нет, посиди еще. Утка по-пекински – просто объедение! Чего ты дергаешься? Послушай, все еще можно уладить. Каждый человек хоть раз в жизни пытается смухлевать, правда? Просто верни деньги.

– У меня ни цента.

В первый раз за весь разговор Пиппи выказал признаки раздражения.

– Ты должен проявить хоть капельку уважения. Верни хотя бы сто тысяч, а на остальные триста мы возьмем у тебя вексель.

Фуберта задумался, покусывая печеное яблоко.

– Могу дать пятьдесят.

– Хорошо, очень хорошо, – одобрил Пиппи. – Кушай, Дэнни. Здесь все очень вкусно. – Он завернул в блин кусочек утки, обмакнул его в сладкий черный соус и передал Фуберте. – Потрясающе, Дэнни! Кушай. О делах поговорим потом.

На десерт они съели шоколадное мороженое и договорились о том, что после окончания рабочего дня Пиппи заедет в агентство Фуберты и заберет пятьдесят тысяч долларов. Затем Пиппи попросил счет и расплатился наличными.

– Послушай, Дэнни, ты не заметил, что в китайских ресторанах в шоколадное мороженое кладут очень много какао? Так, конечно, еще вкуснее, но знаешь, что я думаю? Наверное,

парню, который первым открыл в Америке китайский ресторан, дали неправильный рецепт, а другие его потом переписали. Классно! Отличное шоколадное мороженое.

Вращаясь в этом мире, Дэнни Фуберта не смог бы прожить сорок восемь лет, если бы не умел разгадывать приметы. Расставшись с Пиппи, он тут же лег на дно, послав записку, что отправился собирать деньги, которые задолжал отелю «Занаду». Пиппи это не удивило. Фуберта прибег к обычной в таких случаях тактике. Скрылся, чтобы вести дальнейшие переговоры, не опасаясь за свою жизнь. А это означает, что денег у него действительно нет, и Пиппи не получит никакого вознаграждения, если только Винсент и Пити не сумеют выбить свою часть.

Вызвав из анклава людей, Пиппи поручил им прочесать весь город, распространив весть, что Дэнни Фуберта нужен Клерikuцио. Прошла неделя, и Пиппи начал терять терпение. Надо было предвидеть, что требование возместить похищенные деньги насторожит Фуберту. Если даже у него и были пятьдесят тысяч, он наверняка сообразил, что такой суммой не отделаешься.

Еще через неделю Пиппи уже не находил себе места и поэтому, когда наступила развязка, действовал более импульсивно, чем подсказывал здравый смысл.

Дэнни Фуберта вынырнул в маленьком ресторанчике в Аппер-Вестсайде. Хозяин рестораника, один из солдат Клерikuцио, тотчас же позвонил. Пиппи подъехал как раз в тот момент, когда Фуберта выходил из ресторана и, увидев Пиппи, к величайшему удивлению последнего, вытащил пистолет. Фуберта был обычным жуликом и не умел обращаться с оружием, поэтому его выстрел оказался неточным, а Пиппи одну за другой всадил в него целых пять пуль.

Ему не повезло. Во-первых, эту сцену наблюдали несколько свидетелей, во-вторых, полицейская машина подъехала раньше, чем Пиппи успел скрыться, в-третьих, он был попросту не готов к перестрелке, поскольку собирался всего лишь поговорить с Фубертой в тихом месте, а в-четвертых, опровергая его версию о самообороне, некоторые свидетели почему-то заявили, что Пиппи выстрелил первым. Вдобавок ко всему, готовясь к заключительной стадии переговоров с Фубертой, Пиппи перед выездом накрутил на ствол пистолета глушитель.

Помогло то, что Пиппи безупречно повел себя после появления патрульной машины. Не пытался отстреливаться или убежать, а послушно следовал всем приказам. В Семье Клерikuцио действовал нерушимый закон: никогда не стрелять в полицейского. И Пиппи не стал. Послушно бросил пистолет на мостовую и оттолкнул его ногой. Позволил надеть на себя наручники, но категорически отрицал всякую связь между собой и покойником, лежавшим чуть поодаль на тротуаре.

Возможность подобных осечек предвиделась заранее, и на такой случай существовала отработанная схема поведения. В конце концов, никогда не знаешь, какую злую шутку сыграет с тобой судьба в следующий момент. Сейчас казалось, что Пиппи очутился в бушующем урагане невезения, но он знал, что должен расслабиться и рассчитывать на Клерikuцио, которые непременно спасут его и вытащат на берег.

Во-первых, существуют дорогие адвокаты, которые добьются, чтобы его выпустили под залог. Во-вторых, можно смягчить сердца судей и прокуроров, внушив им непреодолимую симпатию к обвиняемому. В-третьих, нередки случаи, когда у свидетелей случаются провалы памяти, а непоколебимые в своей независимости присяжные, появившись у них хоть малейшие поводы для сомнений в виновности подсудимого, с радостью оправдают его, чтобы только уязвить власти. Вот почему солдату Семьи Клерikuцио нет нужды отстреливаться и прорываться сквозь свору преследователей, подобно бешеной собаке.

И все же на сей раз, впервые за годы службы Семье, Пиппи Де Лене пришлось предстать перед судом. Адвокаты, как это часто бывает, решили, что в зале заседаний должна присут-

ствовать и его жена с детьми. Пусть присяжные увидят, что их решение может разрушить счастье этой идеальной семьи. Пусть их сердца смягчатся. «Небезосновательные сомнения» – эта формулировка была послана самим господом для того, чтобы с ее помощью охваченные жалостью присяжные могли вынести оправдательный вердикт.

На суде полицейские заявили, что не видели ни Пиппи с пистолетом в руках, ни как он бросал оружие. Трое свидетелей не смогли опознать обвиняемого, а еще двое так путались, что вконец заморочили голову и судье, и присяжным. Хозяин ресторана – солдат Клерikuцию – показал, что вышел на улицу за Фубертой потому, что тот не заплатил по счету. Он сказал, что своими глазами наблюдал перестрелку, и убийцей был явно не обвиняемый Пиппи Де Лена.

Во время перестрелки на Пиппи были перчатки, поэтому на оружии не осталось отпечатков пальцев. Защита располагала медицинским заключением, из которого следовало, что обвиняемый Пиппи Де Лена страдает от периодических приступов некоего кожного заболевания, вследствие чего ему рекомендовано постоянно носить перчатки.

На всякий случай подкупили одного из присяжных. В конце концов, Пиппи занимал в Семье весьма высокое положение. Но последняя предосторожность даже не понадобилась. Пиппи был оправдан и остался в глазах закона чист и безгрешен.

Но только не в глазах своей жены, Налин Де Лены. Через полгода после суда Налин потребовала у Пиппи развода.

Такова расплата за напряженную жизнь. Изнашивается физическая оболочка. Неумеренное обжорство и выпивка наказывают печень и сердце, сон становится беспокойным, разум уже не способен воспринимать прекрасное и утрачивает способность верить. Такая же участь постигла и Пиппи с Налин. Он стал для нее невыносим в постели, а для него было невозможным получать удовольствие рядом с партнершей, которой он не нравился. Налин уже не могла скрывать ужас, охватывавший ее при мысли о том, что ее муж убийца. Так что Пиппи испытал огромное облегчение от того, что ему больше не надо скрывать свое подлинное «я».

– Ладно, давай разведемся, – сказал он Налин. – Но я не намерен расставаться со своими детьми.

– Теперь мне известно, кто ты такой, – ответила Налин. – Я больше не хочу тебя видеть и не позволю, чтобы мои дети жили с тобой.

Пиппи был искренне удивлен. Раньше Налин никогда не пыталась спорить или давить на него. И еще его удивило то, что она смеет разговаривать с ним, Пиппи Де Леной, в подобном тоне. Впрочем, что взять с женщины! Все они вздорные существа. Пиппи задумался. Он не был готов растить обоих детей. Кроссу было одиннадцать, Клавдии – десять, и Пиппи сознавал, что, несмотря на их с Кроссом близость, оба ребенка любят мать больше, чем его.

Ему хотелось быть честным по отношению к жене. В конце концов, он получил от нее то, что хотел: семью, детей – жизненный фундамент, необходимый каждому мужчине. Как знать, во что бы он превратился, если бы не она?

– Давай условимся обо всем сразу, – предложил он. – И разойдемся по-доброму. Мне не хочется, чтобы после расставания мы питали друг к другу неприязнь. – Пиппи превратился в само обаяние. – Черт побери, мы с тобой все-таки прожили двенадцать очень неплохих лет! И благодаря тебе у нас двое чудесных детей. – Он помолчал, удивляясь сердитому выражению ее лица. – Согласись, Налин, я был хорошим отцом, и дети любят меня. Я помогу тебе во всем, что тебе заблагорассудится. Ты, разумеется, можешь оставить себе дом в Вегасе, а я, если хочешь, подарю тебе какой-нибудь магазинчик в «Занаду». Ювелирный, антикварный, модной одежды... И еще ты будешь получать от меня двести тысяч долларов в год. А детей мы можем вроде как поделить.

– Я ненавижу Лас-Вегас, – отрезала Налин, – и всегда ненавидела. У меня есть диплом преподавателя и работа в Сакраменто. Там для меня уже набрали целый класс ребятишек.

Только теперь Пиппи с изумлением понял, что Налин превратилась в его противника, что она опасна. Это открытие поразило его. В его восприятии женщина просто не могла представлять собой опасность. Ни жена, ни любовница, ни тетя, ни жена приятеля, ни даже Роз-Мари, дочь самого дона. Всю свою жизнь Пиппи существовал в мире, в котором женщина не способна быть врагом. И сейчас он ощутил приступ ярости, прилив злой энергии, которые раньше чувствовал лишь по отношению к мужчинам.

– Я не собираюсь ездить в Сакраменто, чтобы навещать своих детей, – заявил он.

Он всегда впадал в бешенство, когда кто-то отвергал его дружбу, оказывался недоступен его обаянию. Любой, кто не соглашался проявить сговорчивость в отношении Пиппи Де Лены, обрекал себя на крах. Решившись идти на конфликт, Пиппи шел до конца. Теперь же его, помимо прочего, изумляло, что жена, оказывается, еще и строит какие-то свои планы.

– Ты сказала, что знаешь теперь, кто я такой. Так берегись! Ты можешь отправляться хоть в Сакраменто, хоть на дно морское, мне наплевать. Но с собой ты возьмешь только одного из моих детей. Второй останется со мной.

– Это решит суд. – Налин окинула мужа ледяным взглядом. – Я думаю, тебе стоит поговорить с моим адвокатом.

Увидев, какое изумление вызвали у него эти слова, она едва не рассмеялась ему в лицо.

– У тебя есть адвокат? – спросил Пиппи. – Ты хочешь со мной судиться? Со мной?!

И он расхохотался – громко, самозабвенно, чуть ли не истерично.

Налин было странно наблюдать, как этот мужчина, на протяжении двенадцати лет являвшийся пылким любовником, молившим ее подарить ему свою плоть, и защищавший ее от жестокого мира, вдруг превратился в грозного и опасного зверя. Только сейчас она наконец поняла, почему все другие мужчины относились к нему с таким почтением, почему боялись его. Теперь его уродливое обаяние окончательно лишилось тех малозаметных на первый взгляд штрихов, которые делали его неотразимым. Как ни странно, она была не столько напугана, сколько разочарована тем, что его любовь к ней так легко улетучилась. Выходит, зря они в течение долгих двенадцати лет ласкали друг друга, вместе смеялись и танцевали, вместе нянчили детей. Выходит, его благодарность за все, что она дала ему, обратилась в прах.

– Мне плевать на то, что решишь ты, – холодно бросил Пиппи. – Мне плевать на то, что решит судья. Прояви благоразумие, и я отвечу тем же. Но если будешь упрямы, то не получишь ничего.

Впервые ей стало внушать страх все, что она раньше любила: его могучее тело, его большие, широкие ладони, его неправильные бычьи черты, которые она считала мужественными, а все остальные называли уродливыми. За все годы их брака он был галантнее, чем любой другой мужчина, он ни разу не повысил на нее голос, не позволил себе ни одной – даже самой безобидной – шутки в ее адрес и никогда не упрекал за счета из магазинов. Он и в самом деле был хорошим отцом, наказывая детей только в тех случаях, когда они проявляли неуважение к матери.

У нее закружилась голова. Лицо Пиппи стало еще более отчетливым, словно выступив из тени, и Налин впервые обратила внимание на то, как с годами округлились его щеки, на черные точки щетины в ямочке на подбородке. В густых бровях Пиппи появились белые стрелки седины, но шевелюра на массивном черепе по-прежнему оставалась черной и густой, словно конский волос. Его глаза, в которых обычно светилось веселье, сейчас излучали холодный и беспощадный свет.

– Я думала, ты любишь меня. Как ты смеешь меня пугать?! – заплакала Налин, и это обезоружило Пиппи.

– Послушай, черт с ним, с твоим адвокатом! Допустим, ты отправишься в суд и выиграешь дело, но пойми, ты все равно не получишь обоих детей. Не вынуждай меня действовать жестко. Я сам этого не хочу. Мне всегда казалось, что я самый везучий, потому что у меня

есть ты. Не получилось, так что ж теперь. Я понимаю, ты не хочешь больше жить со мной. Но я все равно желаю тебе счастья. От меня ты сумеешь получить гораздо больше, чем может присудить любой судья. Но пойми, я старею и не хочу жить один, без семьи.

Это был тот редкий случай в жизни Налин, когда она не смогла удержаться от колкости.

– У тебя есть Клерikuцио.

– Вот именно, – поддакнул Пиппи, – и не советую тебе об этом забывать. Но главное не в этом. Просто я не хочу остаться одиноким на старости лет.

– Одиночество – удел миллионов мужчин, – парировала Налин. – И женщин тоже.

– Потому что они беспомощны. Их судьбу решают за них другие. И прекращают их существование по своему усмотрению. А я такого не позволю никому.

– Потому что ты сам прекращаешь их существование? – презрительно бросила Налин.

– Вот именно, – усмехнулся Пиппи. – По этой самой причине.

– Ты сможешь навещать детей в любое время, когда тебе вздумается, – не сдавалась Налин, – но жить они должны со мной.

Он повернулся к ней спиной и бросил через плечо:

– Поступай как знаешь.

– Подожди, – окликнула его жена. Пиппи обернулся, и выражение его лица было столь бездушным, что она пробормотала: – Если кто-нибудь из детей согласится остаться с тобой, я не стану возражать.

Пиппи внезапно забурлил энергией, словно все проблемы в одночасье разрешились.

– Вот и великолепно! Тот ребенок, который будет жить с тобой, сможет навещать меня в Вегасе, а мой будет приезжать к вам в Сакраменто. Прекрасно! Давай сегодня же вечером решим, кто кого забирает.

Налин решила сделать последнюю попытку.

– Тебе всего сорок лет, ты еще не стар и мог бы создать новую семью.

– Никогда, – покачал головой Пиппи. – Ты единственная женщина, которая сумела меня околдовать. Я и на тебе-то женился поздно, а теперь и подавно уверен, что больше не женюсь. Тебе повезло – у меня хватает ума, чтобы понять, что я не в состоянии удержать тебя и что мы не сумеем начать все сначала.

– Это верно, ты не смог бы вновь влюбить меня в себя.

– Зато я смог бы убить тебя, – усмехнулся Пиппи, словно пошутил.

Заглянув ему в глаза, Налин поверила, что он говорит правду. Именно в этом заключался секрет его влияния на людей: когда он угрожает, ему глядят в глаза и понимают, что он не шутит. Набравшись мужества, Налин сказала:

– Запомни, если они оба захотят быть со мной, ты должен оставить их в покое.

– Они любят отца, – ответил Пиппи. – Кто-нибудь из них обязательно останется здесь со своим стариком.

В тот вечер, после ужина, в доме, выстуженном кондиционерами, посреди знойной пустыни, ситуацию растолковали одиннадцатилетнему Кроссу и десятилетней Клавдии. Казалось, никто из них не удивился. Кросс, красотой не уступающий матери, давно ощущал внутреннюю напряженность, которая грызла отца, и с недавнюю его тревогу. Не проявляя ни малейших признаков страха, он заговорил первым:

– Я остаюсь с мамой.

Клавдия была напугана необходимостью делать выбор. Пытаясь по-детски наивно схитрить, она произнесла:

– А я остаюсь с Кроссом.

Пиппи удивился. Кросс всегда был ближе к нему, чем к Налин. Кросс ходил с ним на охоту, любил играть с ним в карты, в гольф и боксировать. Кросс не разделял одержимость

матери книгами и музыкой. Именно Кросс по субботам приходил к Пиппи в агентство, чтобы составить отцу компанию, пока тот разбирает скопившиеся за неделю бумаги. Откровенно говоря, Пиппи не сомневался, что Кросс вызовется остаться с ним. Если он на кого-то и надеялся, то только на Кросса.

И в то же время он был восхищен ответом Клавдии. Девочка растет умницей. Однако внешне Клавдия была слишком похожа на него самого, а ему не хотелось ежедневно видеть эти непривлекательные черты – такие же, как те, что смотрели на него по утрам из зеркала. И Пиппи казалось совершенно логичным, что девочка останется с матерью. Они с ней любили одни и те же вещи, да и что он, черт возьми, станет делать с Клавдией?

Пиппи разглядывал своих детей, испытывая гордость за них. Они понимают, что из двух родителей мать слабее, поэтому и льнут к ней. Кроме того, Пиппи заметил, что Налин со своим врожденным театральным талантом оделась строго в соответствии со случаем – черные брюки, черный свитер – и перетянула свои золотистые волосы тонкой черной ленточкой. Поэтому ее лицо казалось узким и трогательным бледным овалом на траурном фоне.

Пиппи понимал, насколько страшным и грубым, должно быть, выглядит сейчас в глазах детей. Поэтому включил свое обаяние на полную мощность.

– Единственное, о чем я хочу просить, – это чтобы кто-нибудь из вас остался со мной и составил мне компанию. Вы сможете видаться друг с другом часто, как только пожелаете, правильно, Налин? Ведь не хотите же вы, ребята, бросить меня здесь, в Вегасе, одного? – Дети сурово тарасились на отца. Пиппи повернулся к жене: – Ты должна мне помочь. Ты сама должна выбрать. – А про себя со злостью подумал: «А не начхать ли мне на все?»

– Ты обещал, что, если они оба захотят остаться со мной, ты не станешь возражать, – промолвила Налин.

– Давай все же обсудим это, – возразил уязвленный Пиппи. Он понимал, что дети любят его, но мать любят сильнее. Он полагал, что так и должно быть. Это вовсе не значит, что они совершили правильный выбор.

– Тут нечего обсуждать, – презрительно бросила Налин. – Ты обещал.

Пиппи даже не представлял, насколько ужасно выглядит со стороны. Он не мог видеть могильный холод в собственных глазах. Ему казалось, что он вполне контролирует свой голос, говорит спокойно и рассудительно.

– Ты должна сделать выбор. Я обещаю тебе, что, если из этого ничего не получится, будет так, как решила ты. Но я хочу попробовать.

Налин мотнула головой.

– Ты невыносим. Я обращусь в суд.

В этот момент Пиппи понял, что делать.

– Это не имеет значения. Можешь поступать как вздумается. Но прежде вспомни о нашей с тобой жизни, о том, кто ты и кто я. Я умоляю тебя проявить благоразумие и подумать о будущем каждого из нас. Кросс похож на меня, Клавдия – на тебя. Кроссу будет лучше со мной, Клавдии – с тобой. Вот как обстоит дело. – Он помолчал и затем договорил: – Неужели тебе не достаточно того, что они оба любят тебя сильнее, чем меня? Что они будут скучать по тебе гораздо сильнее, чем скучали бы по мне?

Последняя фраза повисла в воздухе. Пиппи не хотел, чтобы дети поняли его намек. Но Налин его поняла. В ужасе она обхватила дочь и крепко прижала к себе. В этот момент Клавдия бросила на брата умоляющий взгляд, проронив:

– Кросс...

Удивительно красивый мальчик двигался с необычайной грацией. Секунда – и он уже возле отца.

– Я остаюсь с тобой, папа.

Пиппи с благодарностью взял его за руку.

Налин заплакала.

– Кросс, ты будешь навещать меня когда захочешь. В Сакраменто у тебя будет собственная комната, и никто, кроме тебя, туда даже не войдет.

Она понимала, что предает сына, но была бессильна что-либо изменить.

Пиппи чуть не прыгал от восторга. Какой тяжкий груз упал с его плеч! Теперь ему не придется делать то, на что в какой-то момент он уже решился.

– Мы должны это отпраздновать, – провозгласил он. – Ну и что, что мы расходимся? Теперь у нас будет не одна счастливая семья, а целых две! И мы будем счастливо жить-поживать да добра наживать. – Трое остальных уставились на него с каменными лицами. – Должны же мы хотя бы попробовать, черт побери!

В течение первых двух лет после развода родителей Клавдия ни разу не навестила отца и брата в Лас-Вегасе. Что касается Кросса, то он ездил к сестре и матери в Сакраменто очень часто, хотя к тому времени, когда ему исполнилось пятнадцать, стал навещать их только на рождественские каникулы.

Двое родителей были двумя разными полюсами в жизни. Клавдия все более походила на мать. Ей нравилось учиться, она любила книги, театр, фильмы и купалась в материнской любви. А Налин все чаще замечала в дочери жизнерадостность и обаяние отца. Ей нравилась открытость Клавдии, начисто лишенная отцовской резкости и грубоватой прямолинейности. Им было хорошо друг с другом.

Окончив колледж, Клавдия отправилась в Лос-Анджелес, чтобы попробовать силы в кино. Расставание с дочерью далось Налин нелегко, но к тому времени она с помощью друзей успела выстроить для себя вполне сносную жизнь и стала заместителем директора школы. Кросс и Пиппи тоже являли собой вполне счастливую, хотя и по-другому, семью. Кросс считался одним из лучших спортсменов в школе, но учеником он был так себе. Учеба его не интересовала. И, несмотря на свою неординарную внешность, он так же мало интересовался девушками.

Кроссу нравилось жить с отцом, так что, каким бы жестоким ни выглядело принятое Пиппи решение, жизнь доказала его правильность. Это были и впрямь две счастливые семьи – правда, не соприкасавшиеся между собой. Пиппи оказался таким же хорошим отцом для Кросса, как Налин – матерью для Клавдии. Вернее, он лепил сына по своему образу и подобию.

Кроссу нравилась работа в «Занаду», нравилось иметь дело с клиентами, противостоять нечистым на руку игрокам. И у него был вполне умеренный аппетит на танцовщиц. В конце концов, сын необязательно должен быть таким же неутомимым бабником, как отец.

Пиппи решил, что Кросс должен войти в Семью. Он верил в правильность слов, которые любил повторять дон: «Главное для мужчины – зарабатывать свой хлеб насущный».

Пиппи принял Кросса партнером в инкассаторское агентство. Он очень рано стал брать его с собой в отель «Занаду» и всячески старался заинтересовать им Альфреда Гронвельта. Они вместе с самыми знаменитыми клиентами казино играли в гольф, причем Пиппи всегда ставил Кросса в пару, которая играла против него. К семнадцати годам Кросс достиг в этом деле необычайных успехов, научился хитрить, и лучше всего он играл у тех лунок, ставки на которые были особенно высоки. Кросс и его партнер обычно выигрывали. Пиппи принимал поражения с достоинством, тщательно скрывая, что его буквально распирает от восторга. Пусть эти сознательные проигрыши стоили ему денег, но благодаря им сын завоевывал любовь и доброе отношение со стороны сильных мира сего.

Он стал брать Кросса в Нью-Йорк на различные торжества Семьи Клеркуцио и праздники – в первую очередь праздник Четвертого июля, который Семья неизменно отмечала с невиданным патриотическим энтузиазмом, а также на все свадьбы и похороны членов Семьи.

Пиппи имел на это право, ведь он был племянником дона, и в их жилах текла одна и та же кровь.

Когда Пиппи устраивал свой традиционный еженедельный набег на игровые столы «Занаду», чтобы «выиграть» у специально выделенного для этой цели человека положенные ему по негласному соглашению восемь тысяч долларов (это была скрытая форма оплаты его специальных услуг, и игра для него была беспроигрышной), Кросс сидел рядом и наблюдал. Пиппи рассказывал ему, каковы шансы выигрыша в различных азартных играх, какой суммой можно рискнуть у зеленого сукна, учил никогда не играть, если плохо себя чувствуешь, не играть больше двух часов кряду и чаще трех раз в неделю, никогда не ставить большие суммы, если с самого начала идет полоса невезения, а если начало везти, поднимать ставки, не теряя благоразумия и осмотрительности.

Пиппи не терзали угрызения совести от того, что он знакомит сына с уродливыми сторонами жизни. Поскольку Кросс стал его партнером по инкассаторскому агентству, ему положено знать все эти вещи. Выбивание долгов отнюдь не всегда такое невинное занятие, каким Пиппи когда-то пытался представить его Налин.

В нескольких особо сложных случаях Кросс не выказал никаких признаков отвращения. Он был еще слишком молод и слишком хорош собой, чтобы внушать страх, но его физической силы хватало для того, чтобы выполнить любой приказ, отданный Пиппи.

Наконец, желая испытать сына, Пиппи поручил ему особенно трудное дело, в котором можно было использовать лишь силу убеждения, без насилия. То, что к должнику явился Кросс, должно было стать для неплательщика знаком доброй воли и намеком, что на него не собираются слишком давить. Должник, мелкий Bruglione из какого-то медвежьего угла Калифорнии, задолжал «Занаду» сто тысяч. Этот случай был довольно мелким, не из тех, когда приходится козырять именем Клерikuцио, и браться за него нужно было не железной рукой, а скорее бархатной перчаткой.

Не в добрый час встретился Кросс с бароном мафии. Выслушав разумные доводы молодого человека, этот тип по имени Фалько вытащил пистолет и приставил его к горлу Кросса.

– Еще одно слово, и я удалю тебе гланды, – пообещал он.

Кросс, к собственному удивлению, не ощутил ни капли страха.

– Соглашайся на пятьдесят тысяч. Неужели ты убьешь меня из-за жалких пятидесяти тысяч? Моему отцу это не понравится.

– А кто твой отец? – поинтересовался Фалько.

– Пиппи Де Лена. Кстати, он сам пристрелит меня за то, что я снизил сумму до пятидесяти тысяч.

Рассмеявшись, Фалько спрятал пистолет.

– Хорошо, скажи ему, что я расплачусь в свой следующий приезд в Вегас.

– Сообщите мне о приезде заранее, и я обеспечу вам традиционный пансион, – отозвался Кросс.

Имя Пиппи было знакомо Фалько, но привести угрозу в исполнение ему помешало не только это, а еще нечто увиденное в лице Кросса: отсутствие страха, хладнокровие, прозвучавшее в его ответе на угрозу, и даже легкая насмешка в голосе. Все это вместе подсказало мафиози: случись что с этим парнем, за него жестоко отомстят. Однако после этого случая, отправляясь к очередному должнику, Кросс неизменно брал с собой оружие и телохранителя.

Первый успех сына Пиппи отпраздновал, устроив себе и ему небольшой отпуск, который они провели в «Занаду». Альфред Гронвельт предоставил им два роскошных номера, а Кросс вдобавок получил от него кошелек с черными фишками на пять тысяч долларов.

К этому времени Гронвельт был уже седым восьмидесятилетним стариком, но тело его все еще оставалось живым и гибким. У него тоже была педагогическая жилка, и при случае он с огромным удовольствием поучал Кросса. Вручая ему стопку черных фишек, он сказал:

– Выслушай меня внимательно. Выиграть тебе все равно не удастся, так что они в любом случае вернутся ко мне. Но в моем отеле, помимо казино, существует много других развлечений. Тут есть великолепное поле для гольфа, на котором любят поразмяться игроки из Японии. У нас имеются изумительные рестораны и прекрасные шоу, в которых участвуют величайшие звезды кино и музыки. У нас есть теннисные корты и плавательные бассейны. У нас есть специальный туристический самолет, на котором можно пролететь над Великим каньоном. Все это – бесплатно. Поэтому будет непростительной ошибкой, если ты бездарно просадишь пять тысяч, которые лежат в этом кошельке. Не увлекайся.

В следующие три дня Кросс следовал совету Гронвельта. Каждое утро он играл в гольф с Гронвельтом, своим отцом и одним из крупнейших игроков, живших в отеле. Ставки в этой игре всегда были серьезными, но не слишком. Гронвельт с одобрением заметил, что лучших результатов Кросс достигал тогда, когда на кону были особенно крупные суммы.

– У этого мальчика стальные нервы, – восхищенно повторял он, обращаясь к Пиппи.

Но больше всего Гронвельта восхищали разумные суждения юноши, его острый ум и умение поступать правильно даже в тех случаях, когда ему ничего не подсказывали. В последний день их пребывания в отеле знаменитый игрок находился в подавленном состоянии духа, причем не без оснований. Умелый и азартный предприниматель, сколотивший несметное состояние на широко разветвленной сети порнографических кинотеатров и секс-шопов, накануне ночью проиграл почти пятьсот тысяч долларов. Его угнетала даже не потеря денег, а то, что, попав в полосу невезения, он утратил контроль над собой и попытался переломить ход игры, делая неимоверно высокие ставки. Ошибка, обычная для начинающего игрока, но для профессионала она непростительна.

Когда в то утро они пришли на поле для гольфа, Гронвельт предложил умеренные ставки – по пятьдесят долларов за лунку, но игрок рассерженно фыркнул и сказал:

– Учитывая то, сколько вы содрали с меня прошлой ночью, могли бы предложить ставки покрупнее – хотя бы по тысяче.

Гронвельт обиделся. Его традиционная утренняя партия в гольф являлась чисто личным делом, и связывать ее с его работой в отеле было дурным тоном. Однако со своей неизменной вежливостью он ответил:

– Конечно, как пожелаете. Я даже дам вам в партнеры Пиппи, а сам буду играть на пару с Кроссом.

Они начали игру. Магнат порнобизнеса бил хорошо. Гронвельт – тоже. Невезение преследовало только Кросса. Он играл из рук вон плохо. Такой отвратительной игры его партнеры еще не видели. Он подкручивал на прямых, загонял мяч в ловушки, а один раз даже в пруд (сооруженный посреди пустыни за колоссальные деньги), а под конец игры нервы его окончательно сдали, и он вообще утратил контроль над собой, когда оставалось пробить всего-навсего putt⁷. Игрок, став на пять тысяч богаче, полностью восстановил уязвленное чувство собственного достоинства и настоял, чтобы партнеры по игре позавтракали с ним.

– Извините, что я вас подвел, – сказал Кросс Гронвельту.

Посмотрев на него внимательным, изучающим взглядом, старик произнес:

– Когда-нибудь, если твой папа не будет против, я возьму тебя на работу.

На протяжении многих лет Кросс наблюдал взаимоотношения отца с Гронвельтом. Они были хорошими друзьями, непременно раз в неделю ужинали вместе, и Пиппи прислушивался к мнению старика даже внимательнее, чем к мнению Клерikuцио. Гронвельт, в свою очередь, позволял ему пользоваться всеми преимуществами «Занаду», за исключением разве что вилл. Затем Кроссу стал известен секрет еженедельного выигрыша отца на одну и ту же сумму в

---

⁷ В гольфе – легкий удар возле самой лунки, когда мяч надо просто вкатить в нее.

восемь тысяч долларов, и он окончательно понял: Клерikuцию и Гронвельт управляют отелем на правах партнеров.

Гронвельт проявлял к Кроссу особое внимание, и тот не сомневался, что у старика существуют на его счет какие-то свои, тайные соображения. Свидетельством тому были и черные фишки на пять тысяч, которые подарил ему Гронвельт на каникулы. Старик осыпал юношу и другими милостями. Например, услуги всех служб отеля были для Кросса и его друзей совершенно бесплатными. Когда Кросс окончил школу, Гронвельт подарил ему автомобиль с откидным верхом. После того как парню исполнилось семнадцать, Гронвельт познакомил его с танцовщицами отеля, причем представил его с подчеркнутым, многозначительным почтением, чтобы придать этому знакомству дополнительный вес. Спустя годы Кросс узнал, что Гронвельт и сам, несмотря на преклонный возраст, частенько приглашал женщин в свой пентхаус и, по словам все тех же девиц, был ходок, каких мало. У него никогда не было серьезных увлечений, но в отношениях с женщинами он неизменно проявлял такую фантастическую щедрость, что они считали себя у него в долгу. Любая женщина, остававшаяся его фавориткой хотя бы в течение месяца, обогащалась.

Как-то раз, когда Гронвельт делился с юношей практическими познаниями в искусстве управлять огромным отелем и казино, каковым являлся «Занаду», Кросс осмелился задать старику вопрос о том, как строить отношения с женщинами, работающими вместе с тобой. Гронвельт с улыбкой сказал:

– Строить отношения с женщинами, которые выступают в разных наших шоу, я предоставляю нашему импресарио, со всеми же остальными веду себя так, как если бы это были мужчины. Если же ты спрашиваешь совета о том, можно ли тебе крутить с ними романы, то могу сказать следующее: умный и здравомыслящий мужчина в большинстве случаев может не опасаться женщин. Бойся только двух вещей. Первая, и самая опасная, – дамочка в отчаянии. Вторая – женщина более амбициозная, чем ты сам. Не подумай, что у меня нет сердца. Тот же совет, только в отношении мужчин, я мог бы дать женщинам, но это не наше с тобой дело. Что же касается меня, то мне повезло: всю свою жизнь я любил «Занаду» больше всего на свете. Единственное, о чем я жалею, – это о том, что у меня нет детей.

– По-моему, вы прожили прекрасную жизнь, – сказал Кросс.

– Ты так считаешь? Что ж, я заплатил за это сполна.

Каждое появление Кросса в Квоге неизменно вызывало большое оживление среди женской части Семьи Клерikuцию. В возрасте двадцати лет он находился в расцвете юношеской красоты – мужественный, сильный, изящный и необычно учтивый для своего возраста. Члены Семьи нередко отпускали на его счет шуточки, которые пахивали грубоватой сицилийской простотой, говоря, что внешностью парень, слава богу, вышел в мать, а не в отца.

В первый день Пасхи, когда более ста членов Семьи собрались, чтобы отпраздновать Светлое Христово Воскресение, кузен Кросса Данте подкинул последний фрагмент головоломки, благодаря которому Кросс наконец смог окончательно понять, кем является его отец.

В большом саду особняка Клерikuцию Кросс увидел красивую молодую девушку, окруженную стайкой молодых людей. Подойдя к одному из поставленных прямо под открытым небом столов, его отец положил на свою тарелку жаренную на гриле сардельку и, возвращаясь обратно, бросил какую-то фразу этой группе молодежи. И тут Кросс увидел, как чуть ли не шарахнулась от Пиппи эта девушка. Странно. Отец обычно нравился женщинам; его некрасивые, грубые черты, его чувство юмора и веселость привлекали их.

Данте тоже наблюдал эту картину.

– Гляди, какая красotka, – с ухмылкой сказал он. – Пойдем, поздороваемся.

Когда они подошли к группе, он представил родственника:

– Лайла, познакомься с моим кузеном. Его зовут Кросс.

Лайла была их ровесницей, но еще не полностью сформировалась как женщина, и красота ее была чудесной, свежей красотой подростка. У девушки были волосы цвета меда, маленький ротик, а лицо светилось, будто подсвеченное изнутри. На ней был надет белый свитер из ангоры, на фоне которого ее загорелая кожа казалась золотой. Кросс влюбился в нее с первого взгляда. Но когда попытался заговорить с девушкой, та не удостоила его даже взглядом и, повернувшись, отошла к другому столу, за которым собрались пожилые матроны.

– Вероятно, ей не понравился мой вид, – чуть растерянно проронил Кросс, а Данте ехидно улыбнулся.

Данте к тому времени превратился в подвижного, энергичного юношу с острой лисьей мордочкой. У него была черная смоляная шевелюра Клерikuцио, на которой обычно красовалась забавная шапочка по моде эпохи Возрождения. Он был низкорослым – не выше пяти футов и пары дюймов, – но обладал непомерной самоуверенностью, возможно, потому, что являлся любимчиком самого дона. Вокруг Данте постоянно витала некая злобная аура.

– Ее фамилия Анакоста, – сообщил он Кроссу.

Кросс вспомнил эту фамилию. Год назад семья Анакоста пережила настоящую трагедию. Глава семьи и его старший сын были застрелены в гостиничном номере в Майами. Данте глядел на Кросса и, казалось, ожидал от него какой-то реакции. Кросс придал своему лицу индифферентное выражение.

– Ну и что?

– Ты ведь работаешь на своего отца, верно? – спросил Данте.

– Разумеется.

– И при этом хочешь закадрить Лайлу? Значит, ты не в своем уме. – Данте засмеялся.

Кросс почувствовал, что тут кроется какая-то западня, и молча ждал продолжения. Данте снова заговорил:

– Ты разве не знаешь, чем занимается твой отец?

– Собирает долги.

Данте покачал головой.

– Тебе следует знать. Твой папочка изымает из Семьи людей. Он Молот номер один.

Кроссу показалось, что все существовавшие до этого дня тайны развеялись как по мановению волшебной палочки. Все встало на свои места: отвращение, которое питала к отцу мать, почтение, с которым относились к Пиппи друзья и члены Семьи Клерikuцио, загадочные исчезновения отца, пропадавшего иногда неделями, то, что он никогда не расстанется с оружием, кое-какие из его грубоватых шуток, до сегодняшнего дня остававшиеся непонятными Кроссу. В его памяти всплыло давнее детское воспоминание о том, как отца судили за убийство. Внезапно Кросс испытал теплое чувство к отцу, желание любым способом защитить его, словно того обнажили перед всем честным народом. Но самым сильным чувством, охватившим Кросса, была дикая злость на Данте, осмелившегося открыть ему эту страшную правду.

– Нет, – сказал он, – я этого не знаю. И ты не знаешь. И никто не знает.

«Ступай в задницу, недомерок!» – хотелось добавить ему, но вместо этого Кросс улыбнулся и произнес:

– Где ты только раздобыл эту дерьмовую шапочку?

Вирджинию Баллаццо с остроумием и блеском профессионального клоуна организовал для детей традиционную пасхальную «охоту за яйцами». Сгрудившись вокруг него, они напминали яркие цветы в большом пасхальном букете – маленькие личики, словно лепестки, кожа, белоснежная, как яичная скорлупа, щеки, раскрасневшиеся от волнения. Каждый получил по плетеной корзинке и поцелуй от Баллаццо, после чего тот крикнул:

– Пошли!

И ребяташки разбежались.

На Вирджинию Баллаццо стоило посмотреть: костюмы для него шили в Лондоне, рубашки – во Франции, ботинки – в Италии, а прическу он делал в салоне самого Микеланджело Манхэттенского. Жизнь, баловавшая Вирджинию, благословила его красавицей дочерью.

Люсиль, а попросту Сейл, было восемнадцать лет, и в этот праздничный день она помогала отцу. Когда она раздавала детишкам корзинки, все мужчины, собравшиеся на лужайке, провожали ее восхищенными взглядами и тихонько присвистывали. На ней были шорты и открытая белая блузка. При каждом повороте головы ее волосы цвета воронова крыла метались из стороны в сторону, словно большая черная птица, а кожа светилась золотистым цветом. Она была похожа на юную королеву, излучавшую здоровье, молодость и самую неподдельную радость, какую только может испытывать человек.

Сейчас она краем глаза заметила спорящих Данте и Кросса и в какое-то мгновение почувствовала, что Кросс испытал какой-то сокрушительный удар, отчего его губы болезненно искривились.

С последней корзинкой на руке она подошла к Данте и Кроссу.

– Ну, кто хочет поохотиться за яйцами? – с веселой улыбкой осведомилась девушка, протягивая им корзинку.

Молодые люди устали на нее с нескрываемым восторгом. В свете утреннего солнца ее кожа еще сильнее отливала золотом, а в глазах плясали озорные зайчики. Открытая белая блузка придавала девушке чрезвычайно соблазнительный и в то же время невинный вид, а бедра отливали молочной белизной.

В этот момент послышался плач одной из маленьких девочек, и все взгляды обратились в ее сторону. Малышка нашла в траве огромное яйцо величиной с шар для боулинга, ярко раскрашенное в синий и красный цвета, и отчаянно пыталась засунуть его в корзинку. От усилий ее очаровательная белая соломенная шляпка съехала набок, глаза округлились, выражая удивление и испуг. Но тут яйцо раскололось, и из него выпорхнула маленькая птичка, напугав девочку и заставив ее расплакаться.

Пити подбежал к малышке, сел рядом с нею на корточки и попытался утешить. Этот розыгрыш заставил всех так и покатиться от смеха.

Девочка аккуратно поправила шляпку, крикнула дрожащим голосом:

– Ты меня обманул! – закатила Пити звонкую пощечину и побежала прочь, хотя Пити молил о прощении, а мужчины, наблюдавшие эту сцену, буквально зашлись от хохота. Догнав девочку, Пити поднял ее на руки и подарил маленькое, украшенное драгоценностями пасхальное яичко на золотой цепочке. Только после этого малышка простила его и наградила поцелуем.

Сейл взяла Кросса под руку и повела в сторону теннисного корта метрах в ста от особняка. Там они устроились в легкой беседке, уединившись от шумного празднества.

Данте с чувством обиды смотрел, как уходят они от него. Он прекрасно знал, насколько Кросс привлекательнее его, и чувствовал себя униженным. Однако вместе с тем он испытывал и некую гордость от того, что кузен настолько хорош собой. Опустив глаза, Данте с удивлением обнаружил, что держит в руках плетеную корзинку, и, пожав плечами, присоединился к охотникам за пасхальными яйцами.

А Сейл, оставшись наедине с Кроссом, взяла его лицо в ладони и стала целовать в губы. Это были нежные, едва ощутимые поцелуи, но стоило Кроссу запустить руки под ее блузку, как девушка оттолкнула его. На ее лице сияла лучезарная улыбка.

– Мне хотелось поцеловать тебя с тех пор, как я была десятилетней девочкой, – выложила она. – А сегодня такой замечательный день!

Взбодороженный ее поцелуями, Кросс лишь спросил:

– Почему?

– Потому что ты такой красивый и такой чудесный. В такой день, как сегодня, не может случиться ничего плохого. – Ее ладони скользнули в руки Кросса, и она спросила: – Правда, у нас прекрасные семьи? – И тут же последовал новый, совершенно неожиданный вопрос: – Скажи, почему ты остался с отцом?

– Так уж получилось.

– Ты поругался с Данте? Он такое чудище!

– Данте нормальный парень, – возразил Кросс. – Мы просто дурачились. Он такой же шутник, как дядя Пити.

– Данте – грубиян. – Сейл снова поцеловала Кросса, крепко сжимая его ладони. – Мой отец зарабатывает такие деньги, что собрался купить дом в Кентукки и «Роллс-Ройс» двадцатого года выпуска. У него уже есть три антикварных автомобиля, а в Кентукки он намерен держать лошадей. Хочешь взглянуть на машины? Приходи к нам завтра. Тебе ведь всегда нравилось, как стряпает моя мама.

– Завтра мне нужно возвращаться в Лас-Вегас, – сказал Кросс. – Я теперь работаю в «Занаду».

Сейл еще крепче сжала его руку.

– Ненавижу Вегас. Отвратительный город.

– А по-моему, классный, – улыбнулся Кросс. – И как ты можешь его ненавидеть, если ни разу там не была?

– Люди приезжают туда, чтобы спустить на ветер с трудом заработанные деньги, – с юношеским пылом возгласила Сейл. – Слава богу, мой отец не играет! Не говоря уже о низкопробных девицах из кордебалетов!

Кросс рассмеялся.

– Теперь буду знать. Я ведь всего лишь даю там уроки игры в гольф. Никогда не видел, что творится внутри самого казино.

Девушка понимала, что он подтрунивает над ней, но не подала виду.

– Если я приглашу тебя навестить меня в колледже после начала учебного года, ты приедешь?

– Обязательно, – заверил Кросс. В этой игре он обладал гораздо большим опытом, нежели она. Он ощущал ее невинность и в том, как Сейл держит его за руку, и в том, что она не имеет ни малейшего представления ни об истинных занятиях своего отца, ни о Семье. Он понимал, что предпринятая ею наивная попытка сближения продиктована внутренними процессами, по завершении которых в ее теле окончательно восторжествует зрелая женщина, и был искренне тронут этими доверчивыми полудетскими поцелуями.

– Давай-ка лучше вернемся к остальным, – предложил Кросс, и они, все так же держась за руки, вернулись на лужайку, где шумел праздник.

Ее отец Вирджинио первым заметил их и, потеряв пальцем о палец, шутливо пожурил:

– Ай-я-яй! Как не стыдно! – А затем обнял обоих.

Этот день запомнился Кроссу на всю жизнь своей невинностью, белоснежными нарядами детей в честь воскресения Христа и тем, что в этот день он наконец узнал правду об отце.

После возвращения Пиппи и Кросса в Лас-Вегас отношения между ними сложились уже по-другому. Пиппи почувствовал, что сын узнал его тайну, и теперь в обращении с ним проявлял подчеркнутую, временами даже чрезмерную заботу. А Кросс с удивлением обнаружил, что его отношение к отцу не переменилось и что он по-прежнему его любит. Он не мог представить себе жизни без отца, без Семьи Клерikuцио, без Гронвельта и отеля «Занаду». Все это была его жизнь, и она ему нравилась. Однако в его душе зародилось и стало расти нетерпение. Нужно было делать новый шаг.

Книга III

Клавдия Де Лена. Афина Аквитана

Глава 4

Выйдя из своей квартиры на Пасифик-Пэлисейдс, Клавдия Де Лена села в машину и поехала к дому Афины в Малибу, по дороге обдумывая аргументы, которые могли бы убедить Афины вернуться к работе над «Мессалиной».

Для самой Клавдии это было не менее важно, чем для киностудии. «Мессалина» – первая картина, поставленная по сценарию, вышедшему исключительно из-под ее пера. До этого Клавдия занималась только тем, что переделывала в сценарии романы, переписывала и исправляла чужие писания или работала в соавторстве с кем-нибудь.

Помимо этого, она являлась сопродюсером «Мессалины», а это давало ей незнакомое доселе ощущение власти. Не стоило забывать и о весьма внушительной сумме, которую должна была принести ей картина в случае выхода на экран. Деньги обещали быть очень большими. После этого Клавдия смогла бы подняться на следующую ступень карьеры и стать сценаристом-продюсером. Она была, пожалуй, единственным человеком к западу от Миссисипи, не рвавшимся в режиссеры. Ремесло режиссера требует жестокости по отношению к другим людям, а это претило Клавдии.

Между ней и Афиной существовали не просто отношения коллег, работающих в одном бизнесе, а подлинная дружба. Афина умна и знает, какое огромное значение имеет для карьеры Клавдии «Мессалина». Но что удивляло Клавдию больше всего, так это страх, испытываемый подругой перед Бозом Сканнетом. Раньше Афина никогда и никого не боялась.

Что ж, возможно, предстоящая встреча поможет выяснить, чего именно боится Афина, и не исключено, что тогда удастся ей помочь. Разумеется, Клавдия просто обязана остановить подругу, не допустить, чтобы та собственными руками разрушила свою карьеру. Кто, как не она, Клавдия, знает все подводные камни и скрытые ловушки, которые таит в себе их работа!

Клавдия Де Лена мечтала стать писательницей и поселиться в Нью-Йорке. В возрасте двадцати одного года она написала свою первую книгу, которую один за другим отвергли двадцать издателей, однако это не обескуражило Клавдию, и руки у нее не опустились. Она решила перебраться в Лос-Анджелес и попытать счастья на стезе сценариста.

Присушие Клавдии юмор, жизнерадостность и талант позволили ей в скором времени обзавестись множеством друзей в Лос-Анджелесе. Она окончила курсы сценаристов при Калифорнийском университете и познакомилась с молодым человеком, отец которого являлся светилом в области пластической хирургии. Они стали любовниками. Юноша был очарован ее телом и умом, в связи с чем через короткое время ее статус возрос, и из партнера по любовным играм она превратилась в объект «серьезных отношений». Молодой человек пригласил ее на ужин в дом родителей, и его отец был буквально очарован избранницей сына. После ужина хирург взял ее лицо в руки и сказал:

– Мне кажется несправедливым, что такая чудесная девочка не так красива, как могла бы быть. Не обижайтесь, такое невезение выпадает на долю многих, а вот исправлять эту несправедливость – моя забота. Если вы позволите, я исправлю и вашу внешность.

Клавдия несколько не обиделась, но в душе почувствовала возмущение.

– А с какой стати, черт побери, я должна быть красоткой? Что мне это даст? – с улыбкой спросила она. – Вашему сыну я нравлюсь и такой, какая есть.

– Все к лучшему в этой жизни. После того как я поколдую над вами, вы будете для моего сына даже слишком хороши. Вы приятная и умная девушка, но внешность значит очень много. Неужели вам хочется до конца жизни стоять в сторонке и наблюдать, как мужчины вьются вокруг красивых женщин, в которых нет и десятой доли вашего ума? А вы, всеми забытая, будете пребывать в полном одиночестве только потому, что у вас приплюснутый нос и подбородок, словно у громалы из мафии. – Сказав это, хирург похлопал ее по щеке и добавил: – Здесь не так много работы. У вас чудесные глаза и красивый рот, а вашей фигуре позавидует любая кинозвезда.

Клавдия отвернулась. Она знала, что внешне напоминает отца, а упоминанием о мафии доктор задел ее за живое.

– Для меня это не имеет значения, – заявила она. – Тем более что я все равно не смогу оплатить операцию.

– Это уже другой вопрос. Я хорошо знаю индустрию кино. Я помогал продлить карьеру многим кинозвездам – и мужского, и женского пола. Когда настанет день и вы попытаетесь пробить на киностудии какой-нибудь фильм, ваша внешность будет играть очень важную роль. Вы талантливы, и подобное может показаться вам несправедливым, но таков мир кино. Попытайтесь смотреть на это как на необходимый шаг для достижения профессионального успеха, а не просто вздорный женский каприз. Это на самом деле именно так. – Видя, что девушка продолжает колебаться, он добавил: – Я не возьму с вас денег. Я сделаю это ради вас и своего сына – даже несмотря на то, что я уверен: если после операции вы станете такой красивой, как я предвижу, он лишится своей подруги.

Клавдия всегда знала, что она некрасива. Ее никогда не оставляла память о том, как отец предпочел ей Кросса. Если бы она была хорошенькой, не исключено, что судьба ее сложилась бы иначе. Подумав об этом, она подняла глаза на хирурга. Он обладал мужественной внешностью, а в глазах его светился ум. Ей показалось, что он понимает все, что творится в ее душе. Клавдия засмеялась и ответила:

– Ладно, превращайте меня в Золушку.

Хирургу это удалось без труда. Он всего лишь сделал чуть тоньше ее нос, округлил подбородок и очистил кожу. Когда Клавдия, заново родившись, во второй раз вошла в этот мир, она уже была красивой женщиной с идеальным носом, гордой осанкой и царственными манерами – пусть не красавицей, но зато чрезвычайно привлекательной.

На ее карьере это отразилось чудодейственным образом. Несмотря на юный возраст, Клавдии удалось добиться аудиенции у Мело Стюарта и убедить его стать ее агентом. Он начал давать ей работу по переписыванию чужих сценариев и приглашать на вечеринки, на которых она знакомилась с продюсерами, режиссерами и кинозвездами. Все они были очарованы ею. Уже через пять лет она считалась Первоклассным сценаристом и работала в фильмах той же категории. Перемены в ее личной жизни были такими же разительными. Хирург оказался прав. Одну за другой Клавдия одержала целый ряд таких блистательных любовных побед (в некоторых случаях они были нужны ей только для того, чтобы самоутвердиться), которым позавидовала бы любая кинозвезда.

Индустрия кинематографа пришлась ей по душе. Ей нравилось работать с другими сценаристами, нравилось спорить с продюсерами, убеждать в своей правоте режиссеров. В спорах с первыми она объясняла, как можно сэкономить деньги, изменив сценарий так или эдак, вторым доказывала, что эти изменения позволят актерам в полной мере продемонстрировать свои таланты. Она благоговела перед актерами и актрисами, вдыхавшими жизнь в написанные ею слова, заставлявшими их звучать более правдоподобно и трогательно. Ей нравилось волшебство съемочных площадок, которые большинству людей кажутся безжизненными и скучными, ей импонировал неизменно товарищеский дух, царящий между членами съемочной группы. Ее завораживал весь процесс создания картины – от самых первых приготовлений до заключи-

тельного дня, когда становится ясно, ждет ли картину успех или провал. Клавдия относилась к кино как к одной из высших форм искусства. Берясь за переделку того или иного сценария, она ощущала себя не ремесленником, а врачом, и даже к такой работе относилась не просто как к способу подзаработать. К двадцати пяти годам она успела заслужить блестящую репутацию и подружиться со многими звездами. Ближе всего она сошлась с Афиной Аквитаной.

Что удивляло саму Клавдию, так это ее бьющая ключом сексуальность. Отправиться в постель с понравившимся мужчиной было для нее так же естественно, как отобедать с новым знакомым. Клавдия никогда не делала этого по расчету, для подобного она была слишком талантлива, но нередко шутила, что это знаменитости спят с ней ради того, чтобы заполучить у нее сценарий.

Ее спутником по первому любовному приключению стал тот самый хирург, который сделал ей пластическую операцию. Он оказался гораздо более очаровательным и искусным партнером, чем его сын. Возможно, он был околдован результатами своих трудов, но так или иначе предложил Клавдии месячное содержание и квартиру, причем не только ради секса, но и просто ради общения. Она мягко отказалась, с юмором заметив:

– Я думала, что ничего тебе не должна.

– Свой долг ты уже вернула, – сказал он. – Но я все же надеюсь, что время от времени мы будем видеться.

– Непременно, – пообещала она.

Клавдия с удивлением обнаружила у себя способность заниматься любовью с мужчинами самых различных возрастов, типов и внешности. Они нравились ей все без исключения. В этом отношении ее можно было сравнить с утонченным гурманом, который с равным удовольствием пробует самые экзотические деликатесы. С подающими надежды актерами и сценаристами она выступала как наставник, но эта роль была ей не очень по душе. Ей хотелось не учить, а учиться, и поэтому мужчины более солидного возраста вызывали у нее гораздо больший интерес.

Одну незабываемую ночь она провела с самым великим Элаем Маррионом. Этот опыт ей понравился, хотя нельзя сказать, что он был весьма удачным.

Они встретились на вечеринке, устроенной киностудией «ЛоддСтоун». Маррион обратил на нее внимание потому, что она не боялась его и отпускала довольно резкие, хотя и дельные, замечания по поводу последних бестселлеров студии. Помимо этого, Маррион слышал, как Клавдия одной остроумной, но не обидной фразой отшила Бобби Бентса с его любовными домогательствами.

За последние несколько лет Элай Маррион успел забыть, что такое секс. Он уже давно стал почти импотентом, и это занятие превратилось для него из развлечения в изнурительный труд. Когда он пригласил Клавдию в принадлежащее «ЛоддСтоун» бунгало в Беверли-Хиллз и она согласилась, Маррион решил, что причиной ее согласия послужило его могущество. Он и представить себе не мог, что женщиной двигало одно лишь сексуальное любопытство: каково это будет – оказаться в постели со столь могущественным и столь старым мужчиной? Впрочем, одного этого для ее согласия было бы маловато, но, помимо всего прочего, несмотря на почтенный возраст Марриона, Клавдия находила его довольно привлекательным. Когда он улыбался – например, при заявлении, что все, включая внуков, называют его просто Элаем, его гориллоподобное лицо становилось даже красивым. Ее интриговали также его ум и природное обаяние, явно противоречившие слухам о том, что он грубый и бессердечный человек. Короче говоря, новый опыт обещал быть интересным.

Оказавшись в спальне на первом этаже бунгало в Беверли-Хиллз, она с удивлением обнаружила, что он застенчив. Отбросив всякое жеманство, она помогла ему раздеться и, пока он вешал свою одежду на спинку стула, разделась сама, после чего обняла его и последовала за ним под одеяло.

Маррион попытался пошутить:

– Когда царь Соломон умирал, ему в постель клали юных девиц, чтобы те согревали его.

– В таком случае от меня тебе будет мало проку, – отшутилась Клавдия, а затем поцеловала его и принялась ласкать. Его губы были приятно теплыми, а кожа – сухой и словно воцеленной, что, впрочем, не вызвало у нее отвращения. Избавившись от одежды и обуви, Маррион оказался маленьким и хрупким, и Клавдия подивилась волшебным превращениям, которые может совершить с человеком костюм стоимостью в три тысячи долларов. Его щедрое тело в сочетании с непропорционально большой головой выглядело трогательным. Нет, Клавдия не испытывала по отношению к нему ни капли отвращения.

После десяти минут поцелуев и поглаживаний (великий Маррион целовался с неисклшенностью ребенка) оба наконец осознали, что он окончательно превратился в безнадежного импотента. «Это – последний раз, когда я нахожусь в постели с женщиной», – подумал Маррион, а затем вздохнул и расслабился. Клавдия нежно баюкала его.

– Ладно, Элай, теперь я подробно объясню тебе, почему твоя картина является провальной и с финансовой, и с художественной точки зрения, – сказала она и, продолжая нежно поглаживать лежавшего рядом старика, подвергла детальному анализу сценарий, режиссера и актеров. – Это не просто плохой фильм. Его невозможно смотреть. Сюжет полностью лишен смысла, и все, что мы имеем, – это бессвязный рассказ какого-то поганого режиссера о том, что, с его точки зрения, является важным. Потому-то и актеры играют кое-как; они прекрасно понимают, что это полное дерьмо.

Маррион слушал ее с кроткой улыбкой. Ему было очень хорошо. Он только что понял, что очень важная часть его жизни осталась позади и перечеркнута приближающейся смертью. Однако мысль о том, что ему никогда больше не суждено заниматься любовью с женщиной и даже предпринимать такие попытки, как ни странно, не причиняла боли. Он знал, что Клавдия не обмолвится ни словом об этой ночи, но даже если не так, разве это что-нибудь значит? В его руках по-прежнему остается колоссальная власть. Он, как и раньше, пока дышит, способен вершить судьбы тысяч людей. И ему было интересно то, что она говорила о фильме.

– Ты не понимаешь, – сказал Маррион, – я могу позволить, чтобы картина появилась на свет, но я не в силах казнить ее после того, как она уже родилась. Ты права, больше я этого режиссера никогда не найму. Творческие люди не прогорают, а если кто-то и теряет деньги, то только я. И поэтому главный мой вопрос заключается в следующем: даст ли та или иная картина сборы? Если да, то я спокоен, если же фильм вдобавок к этому окажется еще и талантливым произведением искусства, тем лучше.

Пока они разговаривали, Маррион выбрался из постели и принялся одеваться. Клавдия терпеть не могла, когда мужчины одевались. С одетыми мужчинами гораздо труднее разговаривать. Тем более что Маррион, как ни странно, с ее точки зрения, был гораздо симпатичнее голым. Его тонкие, как спички, ноги, хилое тело, большая голова – все это заставляло женщину испытывать к нему что-то вроде материнской жалости. Станным было лишь то, что его дряблый член по своим размерам превосходил все, что, судя по всему, положено иметь мужчинам в подобном состоянии. Клавдия отметила про себя, что нужно спросить об этом своего хирурга: неужели чем более бесполезным становится пенис, тем сильнее он увеличивается в размерах?

Она заметила, каким утомительным занятием является для Марриона застегивание пуговиц на рубашке, вдевание запонок, и вскочила с кровати, чтобы помочь ему.

Маррион окинул взглядом обнаженное тело женщины. Она была куда лучше многих кинозвезд, побывавших в его кровати, но даже теперь, при виде ее сногшибательной наготы, он не испытал никакого внутреннего позыва. Его тело оставалось глухим к этой красоте, но, осознав это, он не ощутил ни сожаления, ни грусти.

Клавдия помогла ему натянуть брюки, застегнула его рубашку и вдела запонки. Затем она поправила его темно-бордовый галстук и пригладила ладонью седые волосы. После этого Маррион сунул руки в рукава пиджака и предстал перед ней во всем своем прежнем могуществе. Она поцеловала его и сказала:

– Мне было очень хорошо.

Маррион долго изучал ее взглядом, словно пытаясь понять, не смеется ли она над ним, а затем улыбнулся своей знаменитой улыбкой, которая волшебным образом преобразила его безобразное лицо. Он понял, что женщина говорит совершенно искренно, что у нее доброе сердце, и отнес все это на счет ее молодости. Жаль только, что мир, в котором она живет, со временем неизбежно изменит ее.

– По крайней мере, я могу тебя накормить, – проговорил Маррион и снял телефонную трубку, чтобы вызвать прислугу.

Клавдия действительно проголодалась. Она съела целую тарелку супа, подчистую умяла утку с овощами, а под конец – большую порцию клубничного мороженого. Маррион ел мало, но помог ей расправиться с бутылкой вина. Они говорили о фильмах, книгах, и Клавдия, к величайшему своему удивлению, обнаружила, что Маррион читает даже больше, чем она.

– Я и сам бы с радостью стал писателем, – признался он. – Мне нравится писать, книги доставляют мне ни с чем не сравнимое удовольствие. Но, знаешь, мне еще ни разу не приходилось встречать писателя, который понравился бы мне лично, как бы ни восхищали меня его книги. Взять, к примеру, Эрнеста Вейла. Какие прекрасные книги он пишет, а в жизни – настоящий гвоздь в заднице. Почему так получается?

– Потому, что писатели и их книги – это не одно и то же, – ответила Клавдия. – Их книги – это квинтэссенция того хорошего, что есть в них самих. Каждый из них – это тонны горной породы, которые нужно разгрести для того, чтобы найти крохотный драгоценный алмаз.

– Ты ведь знаешь Эрнеста Вейла? – спросил Маррион, и Клавдия была благодарна за то, что в этом вопросе не прозвучало ни намек на непристойность. Ведь ему наверняка было известно о недолгой интимной связи, существовавшей когда-то между ней и Эрнестом. – Мне нравится то, что он пишет, но его самого я терпеть не могу. А его претензии к киностудии просто абсурдны.

Клавдия похлопала его по руке. Право на подобную фамильярность давало ей то, что она повидала его голым.

– Любой творческий человек имеет зуб на киностудию, – сказала она. – Не стоит на это обижаться. Тем более что, когда дело доходит до бизнеса, тебя никак нельзя назвать душкой. Я, наверное, единственный сценарист во всем городе, которому ты нравишься.

Перед тем как расстаться, Маррион сказал Клавдии:

– Если у тебя возникнут какие-нибудь проблемы, сразу звони мне.

Это был намек на то, что он не намерен продолжать личные отношения. Клавдия все поняла.

– Я никогда не воспользуюсь этим предложением в корыстных целях, – сказала она. – А если у тебя будут возникать какие-либо трудности со сценариями, звони мне. Советы – бесплатно, но если я стану для тебя писать, то на скидки не рассчитывай.

В переводе с профессионального языка данная фраза означала, что он нуждается в ней гораздо больше, нежели она – в нем. Это, конечно, было не так, но показало ему, что она верит в свой талант. Они расстались друзьями.

Машин на Тихоокеанском прибрежном шоссе было мало. Повернув голову влево, Клавдия увидела сверкающий на солнце океан и подивилась тому, как малоллюдно на пляже. Какой разительный контраст с Лонг-Айлендом, куда она часто навещалась, будучи помоложе. Над ее головой парили дельтапланы, летевшие совсем невысоко над линиями электропередачи и

время от времени опускавшиеся на песок пляжа. Посмотрев направо, она увидела грузовик передвижной тон-студии и огромные кинокамеры. Значит, снимают какой-то фильм. До чего же она любит эту дорогу! Вероятно, так же сильно, как ненавидит ее Эрнест Вейл. Как-то раз он сказал, что выезжать на эту дорогу – все равно что садиться на поезд, идущий в ад.

Клавдия Де Лена познакомилась с Вейлом, когда ее наняли, чтобы сделать из его шумевшего романа киносценарий. Ей всегда нравились книги этого писателя. Все его фразы были так музыкальны, что перетекали одна в другую, подобно нотам, создавая единую мелодию. Он хорошо знал жизнь и умел разбираться в людских трагедиях. Свежесть и новизна его восприятия поражали Клавдию не меньше, чем сказки, которыми она зачитывалась в детстве. Перед тем как встретиться с ним в первый раз, она трепетала, но в жизни Эрнест Вейл оказался совершенно иным человеком, нежели тот, каким она его себе представляла.

Вейлу не так давно исполнилось пятьдесят, и в его внешности не было ни намека на изящество, которым блистал его слог. Он был невысок ростом, тяжеловат, а на макушке у него сверкала плешь, которую он даже не пытался маскировать. Возможно, он понимал и любил создаваемых им книжных персонажей, но к мелочам повседневной реальной жизни относился совершенно наплевательски. Эта его черта, сродни детской непосредственности, неоспоримо прибавляла ему шарма. Только познакомившись с ним поближе, Клавдия разглядела под этой видимой простотой глубокий и острый ум, общение с которым доставляло ей неизъяснимое наслаждение. В остальном же он умел быть по-детски смешным и трогательно, тоже как ребенок, эгоистичным.

В тот день, когда они познакомились за завтраком в ресторане «Поло», Вейл выглядел счастливейшим из людей. К этому времени написанные им книги уже завоевали для него устойчивую репутацию у критики и принесли ему неплохие, хотя и не огромные, деньги. А недавно вышел его последний роман, который имел оглушительный успех, в мгновение ока стал бестселлером, и теперь кинокомпания «ЛоддСтоун» собралась его экранизировать. Вейл сам написал сценарий, и сейчас Бобби Бентс и Скиппи Дир на пару заливались соловьями по поводу того, насколько он удачен. К своему изумлению, Клавдия увидела, что Вейл наслаждается этими похвалами, будто какая-то звездочка, которую режиссер хвалит за удачные пробы, чтобы половчее затащить в постель. Если Вейл принимает эту болтовню за чистую монету, то для чего, по его мнению, на эту встречу пригласили ее? Клавдия испытывала отвращение из-за того, что похвалы расточают те самые Бентс и Дир, которые днем раньше сказали ей, что сценарий – «кусок дерьма». Сказали это не со зла и без стремления кого-то оскорбить. «Кусок дерьма» означает нечто не слишком удачное.

Вейл выглядел каким-то беспризорным, но это не вызвало у нее чувства отторжения. В конце концов, она и сама была беспризорной до тех пор, пока не расцвела и не возродилась к жизни под скальпелем своего хирурга. Наоборот, доверчивость и энтузиазм этого человека даже подкупали.

– Эрнест, – продолжал тем временем Бентс, – мы попросили Клавдию помочь тебе. Она истинный умелец, лучшая в своем бизнесе и сумеет сделать из картины настоящую конфетку. Я уже сейчас предчувствую грандиозный успех. И запомни: тебе принадлежат десять процентов с чистогана.

Клавдия видела, что Вейл заглотил наживку. Бедный олух даже не понимает, что десять процентов чистой прибыли – десять процентов от ничего.

Было видно, что Вейл испытывает неподдельную благодарность за предлагаемую помощь.

– Это здорово. Я наверняка смогу многому у нее научиться. Писать сценарии, наверное, гораздо веселее, чем книги, но для меня это совершенно новое дело.

– Эрнест, – заговорил Скиппи Дир, – у тебя к этому врожденный талант. Ты почерпнешь для себя много нового. И главное, благодаря этой картине ты сможешь разбогатеть – особенно если она станет бестселлером или, еще лучше, получит приз Киноакадемии.

Клавдия с любопытством наблюдала за мужчинами. Двое жуликов и один лопух – вполне обычное для Голливуда трио. А разве сама она не была душой? Разве в свое время Скиппи не трахнул и ее тоже – и в прямом, и в переносном смысле? И все же она невольно восхищалась Скиппи: он выглядел искренним, как ребенок.

Клавдия знала, что над этим проектом нависла серьезная опасность. Ей было известно, что за ее спиной над сценарием уже трудится несравненный Бенни Слай, пытающийся превратить интеллектуального героя Вейла в расхожую дешевку, сделать из него некую помесь Джеймса Бонда, Шерлока Холмса и Казановы. Если ему это удастся, от книги Вейла останется только скелет.

Так что, когда Клавдия согласилась поужинать этим вечером с Вейлом, чтобы обсудить их совместную работу над сценарием, ею двигало исключительно чувство жалости. Одна из тонкостей этой работы состояла в том, чтобы с первого же момента исключить из взаимоотношений с соавтором любые романтические отношения, и этой цели женщина добилась, делая себя как можно более невзрачной перед каждой встречей с писателем. Она не могла позволить себе увлечений в ходе работы. Они ее отвлекали.

К ее вящему удивлению, два месяца совместных трудов положили начало продолжительной дружбе. Когда в один прекрасный день их обоих вышвырнули из проекта, они вместе отправились в Лас-Вегас. Клавдия всегда испытывала пристрастие к азартным играм, да и Вейл этим грешил. В Вегасе она познакомилась со своим братом Кроссом и была немало удивлена тем, что мужчины сразу же поладили. Она не видела никаких оснований, на которых могла бы держаться дружба этих, до такой степени разных, людей. Эрнест являл собой образчик интеллектуала, которому не было дела до спорта или гольфа. Кросс за многие годы не прочитал ни единой книги. Пытаясь найти этому объяснение, она обратилась к Эрнесту.

– Он любит слушать, а я люблю говорить, – сказал тот.

Такое разъяснение показалось ей на диво неестественным, и она обратилась с тем же вопросом к Кроссу. Хотя он и ее брат, но до сих пор оставался для Клавдии загадкой. Тщательно обдумав ответ, он сообщил:

– За ним можно не присматривать. Он не пытается ничего выудить.

И Клавдия тут же поняла, что брат совершенно прав. Для нее это стало поразительным открытием. Эрнест Вейл, к его собственному несчастью, являлся человеком, не обладавшим никакими потаенными желаниями.

Ее роман с Эрнестом Вейлом был не таким, как прочие. Будучи писателем с мировым именем, Вейл все-таки не пользовался в Голливуде никаким влиянием. Более того, у него не было дара общаться с людьми. У всех, с кем он сталкивался, Вейл вызывал исключительно чувство отторжения и антипатию. Его журнальные статьи, посвященные наболевшим внутренним проблемам страны, всегда отличались политической неграмотностью, но по странной иронии вызывали злость всех противоборствующих сторон. Он глумился над демократическими процессами, происходящими в Америке; рассуждая на тему феминизма, он утверждал, что женщины до тех пор будут оставаться в подчинении у мужчин, пока не сравняются с ними физически, и советовал феминисткам организовать военизированные тренировочные группы.

Обратив как-то раз свое внимание на расовые проблемы, он написал лингвистическое эссе, в котором предложил чернокожим называть себя «цветными», поскольку слово «черный» ассоциируется со множеством неприятных вещей – черные мысли, черный день, черная ночь – и в самом этом слове изначально заложен негативный смысл, кроме тех случаев, когда оно используется в таких выражениях, как, например, «простое черное платье».

Однако, не остановившись на этом, Вейл предложил применять слово «цветной» по отношению и ко всем средиземноморским нациям, включая итальянцев, испанцев, греков и многих других. Стоит ли говорить, что эта писанина вызвала ярость у обеих сторон – и у чернокожих, и у тех, кто всегда считался белым, а теперь стараниями Вейла должен был бы перебраться в категорию «цветных».

Затем Вейл обратился к классовым проблемам и заявил, что состоятельным людям в обязательном порядке надлежит быть жестокими и безжалостными, а все бедные непременно должны быть преступниками, поскольку им приходится бороться против законов, написанных богачами, которые стремятся защитить свои богатства. С его слов выходило, что усилия, направленные на поднятие всеобщего благосостояния, являются всего лишь взяткой, предназначенной для того, чтобы удержать нищие классы от бунтов и революций. По поводу религии он заявил, что ее следует прописывать в определенных дозах, подобно лекарству.

К сожалению, никто и никогда не мог понять, шутит ли он или действительно так думает. Ответ на этот вопрос нельзя было найти и в его романах, поскольку ни в одном из них подобных эксцентрических утверждений не содержалось.

Однако случилось так, что Клавдия не пополнила ряды его ненавистников. За время их совместной работы над сценарием по его бестселлеру между ней и Вейлом установились очень близкие отношения. Он был идеальным учеником, относился к ней с величайшим почтением, а она, со своей стороны, ценила мрачноватые шутки Вейла и его озабоченность социальными проблемами. Клавдию удивляло беспечное отношение писателя к тем реальным деньгам, которые у него были, и гипертрофированная озабоченность по поводу денег вообще, его детская наивность во всем, что касалось окружающего мира и того, что им правит, в особенности – в Голливуде. Они сошлись настолько близко, что Вейл попросил, чтобы Клавдия дала ему почитать свою книгу. Она выполнила эту просьбу и была поражена, когда на следующее утро он явился на киностудию с письменными комментариями относительно ее опуса.

Успех Клавдии в качестве сценариста и немалые усилия со стороны ее агента Мело Стюарта привели к тому, что ее книга все же была издана. Она удостоилась умеренных похвал со стороны одних критиков и такой же негромкой ругани со стороны других. Последняя была вызвана в первую очередь тем, что автор книги являлся киносценаристом. Но самой Клавдии ее книга все равно нравилась. Она не шла с прилавков, и прав на ее экранизацию тоже никто не просил, но она, по крайней мере, увидела свет. «Самому великому из живущих ныне писателей Америки», – надписала она на одном экземпляре, прежде чем вручить его Вейлу. Это, впрочем, не помогло.

– Ты очень счастливая девочка, – сказал он. – Ты не писатель, а сценарист. И писателя из тебя никогда не выйдет.

Следующие тридцать минут он – без всякой, впрочем, злости и сарказма – посвятил разжевыванию ее книги догола и доказательству того, что произведение Клавдии – полная белиберда, не обладающая ни глубиной, ни четкой структурой, ни правдоподобными характерами, и что даже диалоги, которые, как она считала, ей удались, лишены всякого смысла и смехотворны. Этот убийственный анализ был, однако, столь логичным и безукоризненным, что Клавдия не могла не согласиться с его правотой.

Под конец Вейл, по его мнению, подсластил пилюлю.

– Для восемнадцатилетней девушки это очень хорошая книга, – сказал он. – Всех недостатков, о которых я упомянул, могло бы не быть, если бы у тебя было побольше опыта, даже если бы ты просто была немного старше. Но существует одна вещь, исправить которую ты не сумеешь никогда. Тебе не дано владеть языком.

Вот с этим Клавдия согласиться не могла и, несмотря на шок, обиделась. Некоторые критики в своих рецензиях особенно подчеркивали лиричность ее слога.

– В этом ты ошибаешься, – возразила она. – Я старалась, чтобы каждая моя фраза была как можно более совершенной. И кстати, в твоих книгах меня больше всего восхищает именно поэтика твоего языка.

В первый раз за все их знакомство Вейл улыбнулся.

– Благодарю тебя, хоть я вовсе и не старался звучать поэтично. Мой язык рождается и изменяется в зависимости от личности того или иного персонажа. А твой язык, твоя поэзия в этой книге надуманные. Они насквозь фальшивые.

После этих слов Клавдия ударилась в слезы.

– Да кто ты вообще такой, чтобы говорить мне такие жестокие вещи, черт тебя подери! Тоже мне, гений нашелся! Почему ты так уверен в своей правоте?

Такая бурная реакция озадачила Вейла.

– Послушай, – примирительно произнес он, – ты можешь писать книги, которые не будут издаваться, и в конце концов помрешь с голоду. Но для чего это нужно, если ты гениальный сценарист? Что касается моей правоты, то это единственное, в чем я действительно уверен. Или, по-твоему, я не прав?

– Дело не в том, что ты не прав, а в том, что ты садист и сволочь, – проговорила сквозь слезы Клавдия.

Вейл смотрел на плачущую женщину с тревогой.

– Ты талантлива. У тебя дар чувствовать диалоги киногероев, ты мастерски выстраиваешь сюжетную линию. Ты на самом деле понимаешь кинематограф. Так зачем же тебе, вместо того чтобы стать автомехаником, превращаться в кузнеца? Ты киношный человек, а не писатель.

Клавдия посмотрела на собеседника широко открытыми глазами.

– Ты сейчас даже сам не осознаешь, как сильно меня оскорбляешь.

– Очень хорошо осознаю, – отозвался Вейл, – но делаю это для твоей же пользы.

– Прямо не верится, что я говорю с тем же самым человеком, книгами которого зачитывалась, – ядовито бросила она. – Да и никто не может поверить, что их на самом деле написал ты.

В ответ на это Вейл радостно закудахтал:

– Вот это верно! Здорово, правда?

В течение следующих нескольких недель, встречаясь за работой, он держался с ней холодно и отчужденно, полагая, что их дружбе пришел конец. В итоге Клавдия сказала ему:

– Не напрягайся, Эрнест, я тебя уже простила. Откровенно говоря, я даже думаю, что ты был прав. Но зачем надо было быть таким жестоким? В какой-то момент мне даже показалось, что в тебе заговорил самец. Знаешь, как это бывает: сначала оскорбить женщину, а затем швырнуть ее в постель. Но затем я поняла, что ты для этого слишком туп. Когда будешь потчевать меня своими горькими пилюлями в следующий раз, не забудь посильнее подсластить их.

Вейл передернул плечами.

– Моя работа – единственное, что у меня есть. Если я не буду в ней честен, я стану ничем. А жестоким я был только потому, что ты мне очень нравишься и глубоко небезразлична. Ты даже сама не знаешь, какое ты сокровище.

– И что же во мне особенного? – с улыбкой спросила Клавдия. – Талант, юмор или красота?

Вейл с раздражением отмахнулся.

– Нет-нет! На тебе лежит благословение. Ты очень счастливый и жизнерадостный человек. Ни одна трагедия не сумеет тебя сломить, а это очень редкий дар.

Клавдия задумалась над его словами.

– Знаешь, во всем этом есть что-то весьма обидное. Может, моя жизнерадостность – признак глупости? – Помолчав, она добавила: – Может, разумнее было бы изображать печаль?

– Конечно, – с иронией отозвался Вейл. – Я всегда печален и, значит, разумнее тебя? Оба рассмеялись, и Клавдия обняла писателя.

– Спасибо за честность.

– Только не задирай нос. Как говаривала моя матушка, жизнь похожа на ящик с гранатами. Никогда не знаешь, какая из них отправит тебя в Царство Небесное.

Отсмеявшись, Клавдия проговорила:

– Послушай, почему в каждой твоей фразе звучит такая обреченность? Вот потому-то тебе никогда и не стать киносценаристом.

– Зато я более правдив, чем вы все, вместе взятые, – парировал Вейл.

Прежде чем закончилась их совместная работа над сценарием, Клавдии все же удалось затаскать его в кровать. Она сильно увлеклась Вейлом, и теперь ей хотелось увидеть его без одежды, чтобы они смогли поговорить совершенно искренне и довериться друг другу до конца.

Как любовника Вейла отличало скорее не умение, а энтузиазм. По сравнению с другими мужчинами он также выказывал гораздо большую благодарность за полученное наслаждение. Но больше всего в нем было восхитительно то, что, окончив заниматься сексом, он очень любил поговорить, и нагота несколько не умеряла категоричность его суждений и ораторский пыл. Она нравилась Клавдии. Оказываясь без одежды, Вейл проявлял буквально обезьяньи проворство и ловкость, а кроме того, был так же волосат. Грудь его напоминала кусок войлока, и островки густых волос были даже на спине. И ненасытность его была также сродни обезьяньей. Он вцеплялся в ее обнаженное тело так, словно это был плод, который надо было сорвать с ветки. Его ненасытность поражала Клавдию, и она получала наслаждение от этой бесконечной мистерии секса. Ей также льстило то, что его знает весь мир, ей нравилось наблюдать его на телеэкране, слушать его немного напыщенные рассуждения о литературе и мрачные – о состоянии общественной морали. Он периодически хватался за трубку, которую на самом деле курил крайне редко, но она придавала ему воистину профессорский вид, особенно в сочетании с твидовым пиджаком с замшевыми заплатами на локтях. Однако в постели он был все же гораздо занятнее, чем на телеэкране. Напрочь лишен киногоеничности.

Между ними никогда не возникало разговоров о «любви до гроба» или о «серьезных отношениях». Клавдии это было не нужно, а для Вейла подобные термины существовали лишь в области писательского труда. Они оба понимали, что он на тридцать лет старше ее, не говоря уж о том, что он не мог ей дать ничего, кроме своей славы. У них не было ничего общего, кроме литературы, а это, по мнению обоих, был самый ненадежный фундамент для строительства семьи.

Однако ей нравилось спорить с ним по поводу фильмов. Вейл настаивал на том, что кинематограф, эти движущиеся картинки, не является искусством, а представляет собой возврат к наскальным росписям, найденным в древних пещерах. В фильмах, по его мнению, не существует нормального языка, а поскольку язык является необходимым условием для развития человеческой расы, стало быть, кино олицетворяет собой регресс и малозначащее явление.

– По-твоему, выходит, что живопись тоже не искусство, и Бах, и Бетховен – тоже, и Микеланджело. Что за чушь!

И только спустя некоторое время до нее доходило, что он просто смеется над ней. Ему действительно нравилось подзуживать ее, но делал он это исключительно после того, как они позанимались любовью.

К тому времени, когда их обоих отстранили от работы над сценарием, они успели стать близкими друзьями, и накануне своего возвращения в Нью-Йорк Вейл подарил Клавдии маленькое несимметричное колечко с четырьмя драгоценными камушками разного цвета. Оно не выглядело дорогим, но являлось антикварной вещицей, и Вейлу пришлось потратить немало времени, чтобы отыскать его. С тех пор Клавдия носила колечко постоянно. Оно в ее представлении стало чем-то вроде счастливого талисмана.

Но после отъезда Вейла интимным отношениям между ними пришел конец. Когда – и если – он снова вернется в Лос-Анджелес, у Клавдии будет уже в разгаре новый роман. Вейл и сам понимал, что секс между ними являлся скорее проявлением дружбы, нежели страсти.

Ее прощальный подарок Вейлу был довольно своеобразен: Клавдия подробно рассказала ему, что и как делается в Голливуде. Повела Вейлу о том, что написанный ими сценарий уже переписывается великим Бенни Слаем, легендарным мастером по этой части, который за переписывание чужих сценариев как-то раз даже выдвигался на получение «Оскара» и был знаменит тем, что из невинных и трогательных жизненных историй умеет делать ударные бестселлеры стоимостью в сто миллионов долларов. Можно не сомневаться, что он и из этой книги состряпает фильм, который покажется самому Вейлу отвратительным, а киностудии принесет кучу денег.

– Ну и пусть, – пожал плечами Вейл. – Зато я буду богат. У меня – десять процентов от чистой прибыли.

Клавдия посмотрела на него с нескрываемым сожалением.

– От чистой прибыли? Неужели ты всерьез в это веришь? Ты не получишь ни гроша, сколько бы денег ни принесла эта картина. В «ЛоддСтоуне» сидят гении по умению прятать деньги. У меня были права на прибыль от проката пяти картин, давших колоссальные сборы, но я не увидела из них ни единого цента. И ты тоже не увидишь.

Вейл снова пожал плечами. Казалось, что эта проблема его ничуть не занимает, отчего его поведение на протяжении следующих лет выглядело еще более необъяснимым.

Очередное любовное приключение заставило Клавдию вспомнить слова Эрнеста о том, что жизнь похожа на ящик гранат. Впервые в жизни, несмотря на весь свой ум, она связалась с человеком, который не подходил ей ни по каким статьям. Это был молодой и «гениальный» кинорежиссер. После него Клавдия по уши влюбилась в другого мужчину, перед чарами которого не устояла бы ни одна женщина на земле, но такого же не подходящего для нее.

Режиссер, молодой человек, всего лишь несколькими годами старше Клавдии, успел снять три удачных фильма, не только заслуживших восторженные похвалы критиков, но и принесших высокие сборы. После этого новоиспеченный гений стал нарасхват. Компания «ЛоддСтоун» заключила с ним контракт на производство трех картин и дала ему в помощь Клавдию, которая должна была переработать сценарий для одной из них.

Одним из элементов гениальности молодого таланта являлась его способность четко представлять, что ему нужно. Он с самого начала в отношениях с Клавдией взял покровительственный тон. Она сценарист и к тому же женщина, а значит, по всем статьям, в соответствии с принятой в Голливуде иерархией, стоит гораздо ниже его. Они начали ссориться с первых же встреч.

Он велел ей написать сцену, которая, по ее мнению, никак не ложилась в канву всей сюжетной линии. Клавдия сразу сообразила, что эта сцена нужна ему лишь для того, чтобы лишний раз блеснуть своим режиссерским мастерством, и сказала:

– Я не могу написать ее. Она не имеет ничего общего с нашим сюжетом. В ней – только действие и работа для камеры.

– Из этого и состоит кино, – бросил он. – Делай как велено.

– Не буду, – заупрямилась Клавдия. – Не хочу попусту тратить свое и твое время. Если надо, бери свои чертовы камеры и снимай как хочешь.

Режиссер не стал тратить время даже на то, чтобы толком разозлиться.

– Ты уволена. Прочь из кадра! – И хлопнул в ладоши, как на съемках.

Однако Скиппи Дир и Бобби Бентс заставили их помириться, а это, в свою очередь, стало возможным лишь потому, что режиссер был заинтригован упрямством Клавдии. Картина добилась успеха, и Клавдия была вынуждена признать, что этим фильмом был обязан ско-

рее таланту режиссера, нежели ее дарованию сценариста. Неудивительно, что она не смогла увидеть будущий фильм глазами режиссера.

Они очутились в постели по чистой случайности, но тут Клавдию поджидало разочарование. Режиссер оказался не на высоте. Наотрез отказался раздеться и занимался любовью, не снимая рубашки. И все же Клавдия продолжала упорно цепляться за свою мечту, представляя, как вдвоем они создают великие кинематографические полотна. Самый великий дуэт сценариста и режиссера всех времен и народов. Она была готова занимать подчиненное положение и добровольно принести свой талант на алтарь его гения. Объединив свои усилия, они смогут создать невиданные раньше картины и превратятся в живую легенду.

Их связь продолжалась в течение месяца, пока Клавдия не закончила работу над сценарием «Мессалины» и не показала его любовнику. Он прочитал его и отшвырнул в сторону.

– Ты умненькая девочка, но я не стал бы выбрасывать год своей жизни на постановку такого фильма.

– Это всего лишь черновые наброски, – сказала Клавдия.

– Господи, до чего же я ненавижу людей, которые пользуются личными отношениями для того, чтобы любой ценой пролезть в кино! – патетически воскликнул режиссер.

В ту же секунду любовь Клавдии испарилась, словно капля воды на раскаленной плите.

– Мне вовсе не нужно было трахаться с тобой, чтобы работать в кино! – взорвалась она.

– Конечно, не нужно. У тебя есть талант, твоя попка пользуется самой грандиозной репутацией во всем кинобизнесе.

Клавдия просто ужаснулась. Сама она никогда не сплетничала по поводу своих партнеров по сексу. Ей очень не понравился его тон, намекавший, что женщине стыдно заниматься тем же, чем занимаются мужчины.

– У тебя тоже есть талант, но мужчина, который трахается, не снимая рубашки, имеет не в пример худшую репутацию. По крайней мере, меня никогда не укладывали в койку за обещание кинопроб.

Это стало концом их романа, и Клавдия начала подумывать о Дите Томми в качестве постановщика для своей «Мессалины». Она решила, что только женщина сумеет по достоинству оценить написанный ею сценарий.

Ну и черт с ним, подумала она о бывшем любовнике. В конце концов, этот ублюдок никогда до конца не раздевался, да и разговаривать после секса не любил. Может, в кино он и гений, но говорить не умеет. Для гения он слишком неинтересная личность, если не считать тех моментов, когда он рассуждал о кино.

Теперь Клавдия подъезжала к широкому плавному изгибу Тихоокеанского шоссе, после которого океан превращается в огромное зеркало, отражающее высокие скалы, взметнувшиеся в небо с правой стороны дороги. Это было ее любимое место, и от его неописуемой красоты Клавдию всегда бросало в дрожь. До Малибу, где жила Афина, оставалось всего десять минут езды.

Клавдия думала о том, какие слова помогут ей убедить Афину вернуться и спасти наполовину снятый фильм. Ей вспомнилось, что в разное время у них был один и тот же любовник, и она испытывала неподдельную гордость от того, что человек, некогда любивший Афину, теперь полюбил ее.

Солнце достигло зенита, превратив прозрачные океанские волны в гигантский бриллиант. Внезапно Клавдии пришлось резко нажать на тормоз. Ей показалось, что один из дельтапланов опускается прямо перед ее машиной. Она отчетливо увидела пилота – молоденькую девушку, одна грудка которой выскочила из-под блузки и болталась туда-сюда. Девушка приветливо помахала ей рукой и спланировала на пляж. Почему им позволяют подобное? Куда смотрит полиция? Клавдия с негодованием покачала головой и снова нажала на газ. Машин

на дороге становилось все меньше. Вскоре шоссе сделало поворот, и океан скрылся из глаз. Он появится снова примерно через полмили. Как преданный любовник, с улыбкой подумала Клавдия. Преданные любовники, однажды исчезнув из ее жизни, со временем неизменно появлялись в ней снова.

Первая настоящая и глубокая любовь Клавдии стала для нее болезненным, но весьма поучительным уроком. В этом не было ее вины, поскольку мужчиной оказался Стив Столлингс, Суперзвезда и идол всех женщин планеты, наделенный красивой мужественной внешностью, природным обаянием и завидной жизнерадостностью, которую он поддерживал в себе с помощью интенсивного потребления кокаина. И безусловно, у него был большой актерский талант. Стив настоящий донжуан. Он считал своим долгом переспать со всеми женщинами, попадавшими ему на глаза: на съемках в Африке, в маленьком городишке американского Запада, в Бомбее, Сингапуре, Токио, Лондоне, Риме, Париже... Он делал это так, как джентльмен подает милостыню бедняку, как христианин помогает обездоленному. При этом не могло быть и речи о каких-либо «отношениях». Все было так, как в тех случаях, когда нищего приглашают на благотворительный обед к богатею. И все же Клавдией он увлекся до такой степени, что их роман продолжался целых двадцать семь дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.